

ЖИВОЛИСНОЕ ОБОЗРЕНІЕ

№ 52. Томъ II.

На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.;
на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб.
отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 29 Декабря 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6.

Годъ VII.

Баскій.

Этнографический романъ Л. Симоновой.
(Окончаніе.)

Глава IX.

А время шло
свою чередою.
Жаркие дни ста-
ли смыться туманными, холодны-
ми ночами. Сѣно-
кость кончился,
крестьяне со стра-
хомъ посматрива-
ли на медленно
спѣющій яровой
хлѣбъ. Поздно по-
слышанный по слу-
чаю поздней весны,
онъ еще да-
леко не обѣщалъ
скорой жатвы, а
люди начинали бо-
яться, что вслѣдъ
за туманными но-
чами вдругъ на-
грянутъ морозные
утренники и разомъ
истребятъ плодъ
многихъ трудовъ,—
предметъ, къ ко-
торому стремились
общіе помыслы. Ко-
са все также голо-
дала; тамъ помер-
ли двое ребятиш-
екъ, «мучамшись
жivotомъ». Въ Ка-
менкѣ было срав-
нительное доволь-
ство. Здѣсь нахо-
дили еще возмож-
ность дѣлиться съ
косинцами куска-
ми хлѣба. Любовь
къ школѣ и учите-
лю съ каждымъ
днемъ крѣпла. «Ба-
скій» не замѣтилъ
убывшихъ изъ его
рукописи листовъ.

Онъ ее почти не
перечитывалъ, а продолжалъ записывать такія
мысли, такія воспоминанія, которыми не могъ дѣть-ли
экстренная почта, не проскачу-ли

что все болѣе и болѣе привязывается къ учите-
лю. Блаженствовалъ и Софроній. Опъ, поти-
рая руки отъ удовольствія, петербургъ погля-

ла только чета—Сидоръ съ женою. Дарья была
испуганна и задумчива до того, что втече-
ни двухъ педѣль не ходила ни разу въ Каменку
спровѣдать синиш-
ку; Сидоръ приста-
валъ къ ней съ ра-
спросами о причи-
нѣ такой перемѣ-
ны. Она отгрыза-
лась, какъ умѣла,
отъ его допросовъ;
весь испытыва-
емый ужасъ пережи-
вала одна. Страст-
ная любовь къ
Баскому томила и
мучила ее; Дарья
порывалась овла-
дѣть еще частью
записокъ молодого
человѣка, но бо-
язнь новаго вмѣ-
шательства печи-
стой силы остана-
вливала ее. Нако-
нецъ, она рѣши-
лась идти и посо-
вѣтываться съ ма-
терью. День для
этого Дарья вы-
брала не жаркій,
пасмурный, сѣренъ-
кій денекъ, когда
съ минуты на ми-
нуту можно было
ожидать, что вотъ
приприснетъ освѣ-
жающій дождь и
обмоетъ окрест-
ность. Шла она въ
раздумы съ по-
ничию головою и
медленными ша-
гами приближалась
къ жалкой, пере-
сохшей рѣченкѣ.

Въ то утро, про-
снувшись съ за-
рею, Баскій пред-
ложилъ дядѣ Пер-
филу замѣнить его
въ заготовкѣ дровъ на зиму и вмѣстѣ съ Феклой
отправился для рубки къ указанному Сидоромъ
Ивановичемъ мѣсту по сю сторону рѣчиушки,—на

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ. РИСУНОКЪ ДУНИНА.

Цвѣты. Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажиѣ».

берегу ея. Цѣлое утро слышался въ этой сторонѣ стукъ топоровъ, молодые люди не знали отъихъ и уже послѣ обѣда Баскѣ съ непривычки сильно усталъ, прилегъ на часокъ и закурилъ трубку. Фекла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него сидѣла на корточкахъ передъ кустомъ дикой малины и быстро наполняла ею опорожненный туясокъ. Дѣвушка часто поглядывала въ ту сторону, гдѣ лежалъ ея ненаглядный, онъ-же напротивъ не обращалъ на нее ни малѣшаго вниманія. Онъ лежалъ на самомъ скатѣ, ступнями касаясь самой воды. Голова, подпретая рукою, была склонена къ землѣ, лицо—задумчиво. Онъ и не слыхалъ, когда Фекла, набравъ ягодъ, подкралась къ нему и присѣла на карточкахъ около. Онъ опомнился только тогда, когда она совершенно неожиданно обвила его шею руками и пришла щекою къ его щекѣ.

— О чѣмъ ты тоскуешь-то? спросила она, любовно заглядывая въ его глаза.

— Нѣтъ, не тоскую я, а такъ задумался.

— О чѣмъ? приставала она къ нему.

— А вотъ, слушай, заговорилъ онъ серьезно, смотря задумчиво куда-то вдалъ.—Представляется мнѣ далекій домъ. Чистая-чистая горница, вся въ зелени и цвѣтахъ, съ лампадкой у образа, съ угольничкомъ, покрытымъ бѣлой салфеткой въ переднемъ углу, съ бѣлымъ, какъ снѣгъ, половицомъ, покрывавшимъ полъ.

— Ну? перебила его съ любопытствомъ Фекла.

— Представилась мнѣ мать моя, тихая, добрая старушка, съ яснымъ, ласкающимъ взглядомъ, съ сѣдыми волосами, повязанными темною ко-сыпкою и вѣчно въ темномъ платьѣ. И вотъ старушка эта и ласкаетъ меня, и плачетъ со мною, и радуется моимъ радостямъ. Представилось мнѣ счастливое, беззаботное дѣтство дома и много-много хорошихъ дней: то подлѣ отца на берегу рѣки съ удою въ рукахъ, то подлѣ матери въ огородѣ, между грядъ бобовъ да гороху...

Фекла широко раскрыла удивленные глаза и слушала, даже раскрывъ ротъ.

— Вспомнился мнѣ отецъ, продолжалъ Баскѣ,—маленький, сгорбленный старичекъ-священникъ...

— Да ну, что ты? вырвалось у Феклы. Она быстро схватила его за плечо и начала трясти. Онъ взглянулъ на нее и опомнился.

— Это я тебѣ сказку говорю! проговорилъ онъ быстро и, замолчавъ, легъ навзничь, положивъ обѣ руки подъ затылокъ.

Лицо ея въ мигъ успокоилось. Веселая улыбка озарила черты, глаза выражали любопытство.

— Ну, сказывай, сказку-то, дальше, не разманивай попусту, проговорила она, опускаясь подлѣ него на траву и положивъ обѣ руки на его плечо.

— Не веселая сказка-то, нечего и сказывать!

— Нѣтъ, говори.

— Ну вотъ: вспомнилось мнѣ, какъ отецъ мой провожалъ меня въ школу изъ села въ городъ...

Лицо Феклы опять выразило удивленіе. Онъ замѣтилъ это и оговорился.

— Чего удивляешься-то? Не забудь, что это сказка.

Она, молча, спокойно улыбнулась.

— Ну, такъ вотъ, видишь-ли, провожаетъ онъ меня и говоритъ: будь справедливъ; люби истину; за правду постой, хоть-бы и пострадать пришлось. Жизни за нея не жалѣй. Блаженны бо гонимые за правду. Слабому помоги, защищи его отъ руки сильнаго. Замѣть эти слова, Фекла. И вотъ я будто-бы слушаю-слушаю и каждое слово отцовское въ памяти и сердцѣ точно пожемъ врѣзываю. И точно врѣзаль—не забывалъ. Да и можно-ли бы было забыть, если по томъ много разъ и читалъ, и слышалъ тоже самое, только въ другихъ фразахъ, другихъ выраженіяхъ. Баскѣ совершенно позабылъ о при-

существующей и говорилъ какъ-бы самъ съ собой.

— Такъ вотъ и помнилъ отъ слова до слова, повторялъ себѣ эти слова, по нимъ жилъ и вдругъ... О, я проклинаю себя, тотъ день... вдругъ попралъ всѣ права человѣческія, право на свободу и жизнь другого лица, попралъ законы гражданскіе и божескіе, совершилъ преступленіе, самое тяжкое преступленіе... вотъ тебѣ и врѣзаль! Ха! ха!

Онъ тяжело дышалъ, лицо его было блѣдно, глаза, смотрѣвшіе въ даль, особенно блестѣли.

Фекла смотрѣла на него съ испугомъ. Онъ-же вдругъ истерически захохоталъ, приподнялся и проговорилъ со злобою:

— И что тутъ забавно вышло, такъ это то, что сильный, расправившись съ слабымъ, своей-то свободы и пожалѣлъ, сирота, скрылся и лжетъ. Все, стало быть, въ разрѣзъ вышло тому, что твердилъ.

— Больно ты что-то мудренъ сегодня,—я ничего не пойму.

— Ахъ ты тутъ, Феклуня? произнесъ онъ удивленно и взялъ ее за руку.—Слушай, Феклуня, сестра моя, спасительница, другъ мой, мнѣ такъ тяжко сегодня, такъ тяжко. Знаешь-ли, какія минуты бываютъ у человѣка, когда въ прошломъ лежитъ на немъ черное пятно, когда онъ и дѣло дѣлаетъ, и забыть старается, а это черное—нѣтъ-нѣтъ да и выглядываетъ, то во снѣ, то на яву, точно картиной передъ глазами встанетъ и сердце сжимаетъ тоской; все въ мірѣ мрачнымъ, холоднымъ станеть. Слушай! Сегодня во снѣ подходитъ ко мнѣ женщина...

— Ну?

— Съ перерѣзаннымъ горломъ...

— Ой! вскрикнула Фекла и отклонилась съ ужасомъ.

— Что! Всѣ вы однаковы! проговорилъ онъ зло, насыщенно и, махнувъ на Феклу рукою, отвернулся.

Она тотчасъ же одумалась и, понявъ инстинктивно, что съ нимъ происходит нечто особенное, схватила его голову обѣими руками, поцѣловала въ лобъ и начала шептать:

— Милый, желанный, повѣдай мнѣ все, что у тя на сердцѣ накипѣло, все свое тяжкое мнѣ обскажи. Умреть Фекла, а твоего—не выдасть.

— Такъ вѣдь сама-то ты отвернешься, дорогая моя, не приголубишь больше, какъ узнаешь, кто такой Павель Баскѣ.

— Въ горѣ не бросаютъ дорогихъ сердцу.

— Презирать будешь, ненавидѣть будешь, а дѣлать нечего, давно мнѣ хочется открыться тебѣ, повѣдать кто я, и если ты меня возненавидишь, чистая, ясная душа, то пусть буду наказанъ; отъ этого наказанія мнѣ легче станеть, я все-таки буду знать, что передъ тобою не лгу, а лгать и притворяться передъ тобою мнѣ тяжело. Ты другъ испытанный! Помнишь горячку, бредъ... все то—правда!

Фекла чувствовала, что члены ея цѣпѣнѣютъ, духъ захватываетъ, но она пересиливала ощущеніе ужаса и продолжала ласкать его тихою, нѣжною ласкою. Онъ, убаюканный этимъ, ея по-коемъ, сталъ говорить безъ первыхъ порывовъ, медленно, съ тоскою въ голосѣ

— Учился я хорошо, любилъ свою науку, докторомъ готовился быть и вдругъ все прошло... Жилъ я въ крошечной горенкѣ, отъ жильцовъ нанималъ, отецъ мнѣ посыпалъ денегъ изѣдка да и самъ я зарабатывалъ мало. Жилъ бѣдно, никуда не ходилъ, никто у меня не бывалъ. А у хозяйки моей дочка была лѣтъ восемнадцати, хорошенькая, очень хороша была.

Онъ задумался и отвернулся.

— Что-же дальше-то? спросила Фекла, сдерживая дыханіе,—ты, видать, полюбилъ ее?

Онъ молчалъ.

— Полюбилъ, должно, больше, чѣмъ душу, полюбилъ, какъ я?..

— Полюбилъ больше, чѣмъ душу, проговорилъ онъ.—Маленькая она такая была, тоненькая, легкая, какъ перушко, нѣжное лицо, голубые глаза и свѣтлые волосы изъ кольца въ кольцо вились. Добрая она мнѣ показалась, очень ласкова была, а главное, жалѣлъ я ее, часто пла-кала и хворала. Не зналъ я тогда этой ея хвости, и доброты сердечной не понялъ. Мать ея къ тому-же была скверная баба, часто пьяною видалъ я ее. Кутежи тамъ у нихъ за стѣною происходили, пьяные голоса слышались, пѣсни, ругань. И чѣмъ больше я непавидѣлъ мать, тѣмъ болѣе жалѣлъ и любилъ плачущую дочь, а ходить на ихъ кутежи никогда не ходилъ. Вотъ только одинъ разъ тамъ особенно буйно было, заниматься я не могъ и все ходилъ сердитый та-кой да обдумывалъ, какъ-бы мнѣ имъ долгъ уплатить да сѣѣхать съ квартиры. Слышу ругань, драка, плачъ даже—и вдругъ влетаетъ она ко мнѣ. Лиза избитая, растрепанная и съ рыданіями бросается на шею. И какъ теперь я слышу ея слова:

— Защиши меня, мною мать торгуетъ, не могу я, мнѣ жизнь опостылѣла!

Вслѣдъ за нею въ комнату врывается и мать—яростная, пьяная и кидается къ дочери.

— Не троньте ее! сказалъ я и загородилъ Лизу собою

— Я мать, кричитъ она,—а ты кто? подай мою дочь.

— Лиза невѣста моя! проговорилъ я и самъ не знаю, какъ это у меня вырвалось, и самъ задрожалъ отъ своихъ словъ.

Голосъ Баскѣа и теперь дрожалъ. Фекла сидѣла, пригорюнившись, и тяжело дышала:

— Съ этихъ моихъ словъ все и началось. На недѣлю кутежи прекратились, черезъ недѣлю насъ обѣїнчали, а на свадьбу явились всѣ пріятели моей тещи, напились пьяными, дерзко шутили съ мою женю, смѣялись надо мнѣ. На другой же день я, разумѣется, выѣхалъ отъ тещи, по Лизу не спась, а себя погубилъ. Ей, какъ потомъ оказалось, и не нужно было спасенія, только въ тотъ вечеръ, когда вѣжала ко мнѣ, отъ побоевъ пряталась, да отъ какого-то пьяного старика, давшаго матери большія деньги. Да, Фекла, жена моя оказалась развращеною до корня, ласки ея были развратъ, хвость—пьянство. А было ей всего восемнадцать лѣтъ! Я уговаривалъ ее, ласкалъ, баловалъ, какъ ребенка, сердился и ждалъ, что исправится, ничто не брало. А любилъ я ее, любилъ страстно и ждалъ исправленія, жаждалъ его больше всего въ жизни. Вышла она за меня, чтобы голову прикрыть, а не любила меня и скучала со мною, бѣгала къ матери, приводила къ намъ гостей—старыхъ пріятелей своихъ, уходила съ ними, пропадала сутками. Бросить-бы мнѣ ее да уйтѣ! Такъ не могъ! И любилъ сильно и хотѣлъ поставить на своемъ. Стали у насъ выходить страшныя ссоры, я грозилъ, она смѣялась, издѣвалась надо мною, дразнила, хвасталась своими похождѣніями. Я сталъ такимъ, что себя не узнавалъ, ходилъ постоянно точно въ чаду, голова кружилась, мѣста отъ сердечной боли нигдѣ не находилъ, отъ сна, отъ пищи отбился, бросилъ занятія, а тоска и злоба душили меня, ихъ я только и чувствовалъ и будто нарочно берегъ, посился съ ними и ждалъ того часа, ждалъ и зналъ, что прорвѣтъ меня.

Онъ вдругъ поблѣднѣлъ и нахмурился, глаза засвѣтились злобою, точно снова въ эту минуту онъ переживалъ то ужасное прошлое.

Фекла боялась пропустить слово. Глаза ея, широко раскрыты, впились въ его глаза. Онъ же сталъ говорить отрывочно, безпорядочно:

— Пропадала она одинъ разъ двое сутокъ,

вернулась пьяная, растрепанная, истерзанная и бухла на постель.

У меня въ глазахъ потемнѣло и чувствую я, что что-то страшное настаетъ.

— Гдѣ ты была? говорю я, не говорю, а шепчу, потому что голосъ у меня вдругъ пропалъ.

— А гдѣ была, тамъ меня нѣтъ! вскрикиваетъ она и хохочетъ пьянымъ голосомъ.

Я задрожалъ весь, зубы у меня стиснулись, я подошелъ къ ней близко, близко.

— Офицеръ, говоритъ она, тебѣ гостиничекъ прислалъ и бросила мнѣ фотографическую карточку; то былъ портретъ ея во весь ростъ безъ всякаго признака одежды...

Онъ прижалъ обѣ руки къ груди еще болѣе, поблѣдѣлъ и нахмурился, губы его дрожали.

— Въ глазахъ у меня все потемнѣло, духъ захватило, продолжалъ онъ, — все-все куда-то исчезло, забылось, кромѣ того, что берегъ. Оно наступило и охватило всего. Тутъ.. на камодѣ бритва была брошена, валялась, а можетъ-быть я брался или бриться хотѣлъ, не помню, только ее одну я въ ту минуту и увидѣлъ... одинъ ударъ... она вскочила, обливаясь кровью, вскрикнула и тутъ-же рухнулась на полъ. Только одинъ разъ вскрикнула, но этотъ крикъ... я и теперь его часто слышу, а много дней прошло, ужасный крикъ, онъ все во мнѣ перевертываетъ. Забыть его хочется... все это забыть...

Самъ не зная, что дѣлаетъ, онъ схватилъ Феклу и такъ скажь, что у той кости хрустнули, но это было мгновеніе, тотчасъ же выпустилъ ее изъ рукъ и опрокинулъ павзничъ на траву.

— Крикъ этотъ тогда пробудилъ меня, все совершенно ясно увидѣлъ я и созналъ. Была минута рѣшиности бѣжать и объявить себя преступникомъ, но въ эту минуту вошла ея мать съ двумя лизинными пріятелями... бритва была еще у меня въ рукѣ. Меня схватили и вмѣсто порыва искренняго сознанія вдругъ охватила меня жажда свободы, страхъ передъ правосудиемъ; я рвался и кинулся по лѣстницѣ. Слышалъ погоню, слышалъ крики: «ловите! держите! убийца!» И эти крики я и теперь часто слышу, иногда по ночамъ отъ нихъ просыпаюсь! Не поймали они меня, да и не удержали бы, я былъ въ такомъ состояніи, что, кажется, стѣну пробилъ бы, камень своротилъ бы, если бы они преградили мнѣ путь. Кто-то на дворѣ схватилъ меня за полу, я его паотмашь сбросилъ на камни... вечеръ былъ темный.. темный переулокъ, проходной дворъ, тамъ еще переулокъ, другой, — и вотъ я скитаюсь и кинулся по лѣстницѣ. Люди добрые отъ стужи спасали, не зная, что спасаютъ и грѣютъ убийцу! Съ бурлаками лямку тянуль и тѣхъ обманывалъ и всѣмъ до сихъ поръ лгу. Ты что-жъ не бѣжишь отъ меня, Феклуня? Не проклинаешь, не откращиваешься?

— Люблю я тебя теперь еще больше, шептала она, рыдая и прижимая заплаканное лицо къ его плечу.

— Милая, дорогая, не люби, не стою! Мнѣ и самому теперь любить нельзѧ, потому что кто-жъ мнѣ теперь повѣрить? Какая дѣвушка не побоится такого... убийцу.

— Кто пойметъ, не побоится! Любиль бы ты меня хоть капельку. Я бы жизнь за тебя отдала. Нѣтъ во мнѣ ни терпѣнія, ни силушки молчать дольше.

— Феклуня, милая, дорогая, я и самъ давно о тебѣ думаю и самъ бы сказалъ тебѣ словечко, что давно съ языка просится, да боялся двухъ причинъ: первую, которую ты только-что слышала, вторую — я не могу жениться, Феклуня, не могу вить гнѣзда, нельзѧ мнѣ, долженъ бобылемъ остаться, всю жизнь бродить изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, такое дѣло выбралъ, его и долженъ держаться, а безъ этого дѣла что я за

человѣкъ буду, не выжить мнѣ, ни за что не выжить столько лѣтъ, сколько остается.

Онъ сильно скажь ея руки, голосъ его былъ горячъ, убѣдителенъ.

— Не всѣмъ жениться, не всѣмъ и замужъ выходить! прошептала Фекла, наклонившись къ самому лицу его.—Люби, пока любится.

Она коснулась его губъ и вдругъ отклонилась.

— Да полно, любится-ли? Въ голосѣ звучало сомнѣніе и робость.

— Видить Богъ, проговорилъ онъ и, прижавъ дѣвушку къ груди своей, стала осыпать лицо и шею ея поцѣлуями.

Въ нѣсколькохъ саженяхъ отъ нихъ, тихо разобравъ сосновыя вѣтви, выглянула Петръ. Вонъ кого ласкаетъ, вонъ кого любить Фекла! подумалъ парень въ отчаяніи. Теперь ужъ всякая надежда пропала! Поглядѣть-ли она на меня, коли Баскѣта любить? И онъ тихо побрель въ деревню, самъ того не замѣчая, что у него, у дюжаго парня, слезы одна за другой такъ и катятся. Въ то же самое время съ противоположной стороны къ берегу рѣченки подходила Дарья п., замѣтивъ Феклу съ Баскимъ, притаилась за деревомъ. Вся кровь прилила къ ея сердцу, бѣшеная ревность овладѣла женщиной. Едва сдергивая себя, она видѣтъ, какъ Фекла наклоняется къ нему, какъ они тихо разговариваютъ, какъ она наклоняется еще ниже, какъ обнимаетъ, цѣлуетъ его. Дарья замерла на мѣстѣ. А вотъ и онъ отвѣчаетъ Феклѣ такими же ласками.

— Вонъ кто его обошелъ! вскрикнула Дарья и кинулась по дорогѣ въ Косу.—Ворогъ, матушка! ворогъ у меня, супостатъ! кричала Дарья вѣдь себѣ, то жалобнымъ, то угрожающимъ тономъ, впоыхахъ вѣгая въ избу своей матери.

На другой день, утромъ, Фекла полода гряды на своею огородѣ. Послѣ туманной ночи гряды долго оставались влажными, удобными для полоты. Счастье сказывалось въ каждомъ движении дѣвушки.

— Укажи, какую траву дергать, проговорилъ Баскѣтъ, вотъ я тебѣ эту гряду выполню да и пойду къ ребятишкамъ, скоро собираять начнется.

— А все и поли. Тамъ кромѣ картофельныхъ стеблей все трава, ишь она всю гряду покрыла, заглушить совсѣмъ молодую картофель, отвѣтила Фекла, подойдя вмѣстѣ съ нимъ къ картофельной грядѣ.—Съ косьбой да дровами совсѣмъ я огородъ запустила.

— Не бѣда! Гляди, какимъ я тебѣ помощницомъ буду, сегодня послѣ школы приду и все покончимъ.

— Ладно, спасибо! молвила она съ улыбкой и взглянула на него счастливыми глазами.

— Милая! прошептала онъ и, взявъ обѣими руками ёя лицо, приблизилъ къ себѣ и поцѣловалъ въ губы.

— Прощенья просимъ! послышалася изъ-за плетня голосъ Дарьи.

Оба обернулись, но не испуганно, не отскочивъ другъ отъ друга, а напротивъ Баскѣтъ обвили рукою шею Феклы, когда пожелалъ Дарью «хорошаго пути» и просилъ кланяться Сидору.

— Ладно! Буду кланяться! крикнула Дарья зловѣщимъ голосомъ и быстро пошла изъ Ка-менки.—Будешь ты меня помнить! прошипѣла она, кинувъ послѣдній взглядъ на огородъ дядя Пер-филы.

— Матка! когда еще на почевку приедешь? спросилъ ухватившись за ёя сарафанъ сынишка.

— Поншто ты бѣжишь-то со мною, пострѣль? я и не замѣтила. Ступай къ учителю. Можетъ, завтра, а то послѣ завтра приду, коли отецъ пустить. Теперь часто стану на почевку ходить. Ха, ха! Прощай!

— Мнѣ кажется, давеча отецъ видѣлъ, какъ мы цѣловались, проговорила Фекла, счастливо смеясь.

— Ну, и пусть его видѣтъ! отвѣтилъ Баскѣтъ, наклоняясь къ грядѣ.

— А какъ повѣнчаться велитъ?

— Велитъ, такъ и повѣнчаемся. Меня вѣдь тутъ только одно беспоконитъ, что загублю я тебя этой женитьбой, отъ стараго гнѣзда оторву, а новаго не совью. Чрезъ три года уйду въ какую-нибудь другую Каменку, открывать новую школу, а ты останешься связанныя по рукамъ и по ногамъ.

— Не останусь я, Павелъ. Вѣнчаная али не вѣнчаная, все одно за тобой пойду!

— Наголодаешься со мной, нужду да стужу терпѣть придется. Плохой я кормилецъ-поилецъ. Фекла засмѣялась.

— Нашелъ чѣмъ страшать! Чать видишъ: мы, здѣшнія бабы да дѣвки, не изъ-за мужнинъ да отцовскихъ спинъ кормимся.

— Такъ! проговорилъ онъ задумчиво,—знаю я, кабы не эти руки, изба дяди Перфилы не стояла бы такъ крѣпко. (Онъ сильно пожалъ руку Феклы.) Много здѣсь баба трудится, да много надѣяю власти мужикъ имѣть и часто мужикъ не стоящи и ея мезинца. Одно только хорошее могу я дать тебѣ, какъ мужъ, — это свободу. Никогда ни въ чемъ не помѣшаю, милая, дорогая... Онъ не договорилъ и, вдругъ поблѣдѣвъ, схватился за голову.

— Сдержу и я свое слово, что въ дѣлѣ твоемъ иомѣхой не буду, хоть бы и не говорилъ мнѣ, такъ сама догадалась давно, что безъ дѣла этого тебѣ жизнь не въ жизни будетъ.

— И какъ это все странно вышло, Феклуня, чудно вышло, не скажи ты мнѣ вчера въ лѣсу, что любишь меня, не откроися я тебѣ во всемъ, можетъ быть, я такъ и не закинулся бы, что люблю тебя. Пожалуй, во всѣ три года глядѣть бы на тебя, какъ на хорошую дѣвушку, какъ на красавицу Феклуню, зазнобушку всѣхъ парней, и всѣ три года, пожалуй, сторонился бы отъ тебя, говоря себѣ: на чужой каравай рта не разѣвай!

Оба засмѣялись. Черезъ дорогу на дворѣ дяди Ивана собирались ребятишки, нѣсколько громкихъ голосовъ послышалось оттуда.

— Пора мнѣ идти! встрепенулся Баскѣтъ, — заговорился и гряды тебѣ не выпололъ да и тебя отъ дѣла оторвалъ, ну, ужо наверстаю, сама поглядишь, какъ мужики полютъ, коли захотятъ!

Часа черезъ два Фекла, вся потная, разгорѣвшаяся, вошла въ избу и жадно схватилась за жбанъ съ квасомъ, стоявшій тутъ же на столѣ.

— Не хороши у насъ съ тобой, дѣвка, вчера-ранній квасъ вышелъ, отецъ-отъ глотнулъ да сплюнулъ, «съ горчинкой», бантъ. Неужто всю корчагу выливать придется? сказала ей Марфа, хлопотавшая у печи.

Но Фекла, быстро и съ жадностью осушившая жбанъ, никакой горчинки не почувствовала. Приворно вытерѣвъ лицо рукавомъ, она ужъ собиралась выходить изъ избы, да записки Баскѣтова, валявшіяся на лавкѣ, обратили на себя ея вниманіе. Ея одежда также была сброшена.

— Чудно! подумала дѣвушка и спросила: — Кто у насъ былъ, матушка?

— А никого, кромѣ Дарьи. Пришла я съ вѣдой, гляжу, сидитъ она въ переднемъ углу. «Забѣжала, говорить, я на имянину васъ звать, пива да браги столько, говорить, сварила, что хотъ всю Каменку опою». Ха, ха! Ладимъ съ отцомъ-то идти.

— А чего она рылась-то тутъ?

— Чего рыться? Станеть она рыться! Поди, вѣтромъ сдуло.

Баскóй кончалъ уже свой передобѣденный урокъ, ребята внимательно прислушивались къ объясняемому имъ новому арифметическому дѣствію. Тишина была полная, звучалъ только мѣрный голосъ учителя; всѣ глазенки дѣтей были обращены на самодѣльной работы доску, где онъ углемъ выводилъ крупные, ясныя цифры.

— Ну, понялъ? хотѣлъ онъ спросить и повернулся къ слушателямъ, какъ вдругъ во дворъ опрометью вѣжаль Петръ, весь блѣдный, взмолванный ужасно. Онъ дернулся за рукавъ Баскова и, смотря въ сторону, быстро проговорилъ хриплымъ, прерывающимся голосомъ:

— Бѣги... Фекла... помираетъ... не ладно...

Присутствующіе еще не успѣли опомниться отъ удивленія, какъ Петръ уже песя вдоль деревни къ избѣ баушки-лекарки. Въ свою очередь, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Баскóй въ два прижка перебѣжалъ улицу и очутился у крыльца избы дяди Перфилы. Вслѣдствіе криковъ Петра, въ избу ужъ набралось много народа. Всѣ крестились, вздыхали, охали, всѣ жалѣли любимую деревнѣй дѣвушку.

— Что съ Феклой? спрашивалъ Баскóй шепотомъ, пробираясь сквозь толпу.

— А испорчена, вишь ты, дѣвка-то! Испорчена бѣдная! отвѣчали ему тоже шепотомъ.—Кричить, вишь, на разные голоса, бѣться, корчиться, всѣ волосы на себѣ прирвали!

Глазамъ Баскова представилась Фекла въ безпамятствѣ, лежащая среди избы, на полу, съ пѣной у рта, съ мутнымъ взоромъ. Онъ взялъ дѣвушку въ охабку и бережно опустилъ ее на ту же лавку, на которой когда-то самъ лежалъ въ горячечномъ бреду. Въ это время въ избу вошла лѣкарка въ сопровождѣніи Петра. Парень такъ и замеръ на мѣстѣ, такъ и впился глазами въ глаза старухи. Не менѣе тревожно было и лицо Баскова, пока старуха дѣлала свой осмотръ.

— Ничего! проговорила она, обращаясь сперва къ плачущимъ отцу съ матерью, а потомъ и ко всѣмъ присутствующимъ,—порча сплыла, да не вѣчна, Господь Богъ поможетъ! Знаю я эту пѣну, знаю и глаза эти мутные, все какъ рукой снимемъ! Старуха начала шептать и отплевываться кругомъ себя, а затѣмъ, перекрестившись три раза, потребовала воды и парного молока.

— Ладно-же! проговорилъ Петръ, ударивъ кулакомъ правой руки по ладонѣ лѣвой. Онъ обратился къ Баскову:—Теперь твоё дѣло здѣсь быть, а мое тамъ.

Странно блестѣли глаза парня, мрачно было выраженіе его лица, движенія поспешны, когда онъ выѣжалъ изъ избы и бѣгомъ пустился къ лѣсу, а тамъ тропинкой — прямою дорогой къ Косѣ.

— Аспидъ! бормоталъ онъ,—за что испортила дѣвушку? Кому она ворогъ, кому зло сдѣлала? Чѣмъ не поглянулась она дочери твоей, такой же вѣдьмѣ, какъ и ты? Ладно же! Ладно! Проклятая колдунья, не стерилю я, не пропущу тебѣ этого!

Петръ бѣжалъ безъ остановки, и то стональ и плакалъ, то ругался и грозилъ. Еще не успѣли Феклу привести въ чувство, еще народъ, дождавшійся этого мгновенія, не разошелся, какъ къ избѣ Перфилы подѣхалъ въ качалкѣ становой съ сотскими. Ихъ сопровождалъ отецъ Никаноръ. Этотъ пріѣздъ произвелъ новый переполохъ въ избѣ. Народъ закашлялся, заволновался, задвигался. На лицѣ Баскова выразилась тревога, онъ поблѣднѣлъ и пристально въ упоръ смотрѣлъ въ глаза станового.

— Вонъ онъ самый и есть Павелъ Баскóй, школьній учитель, указалъ на него пальцемъ отецъ Никаноръ.

Волосы на головѣ Баскова поднялись дыбомъ. Безсознательно, молча, онъ сдѣлалъ два шага впередъ и хотѣлъ сказать что-то, но языкъ его не послушался.

— Вы Анатолій Ивановъ, бывшій студентъ, сынъ священника? спросилъ выступившій впередъ становой.

— Я! отвѣчалъ Баскóй какъ-то беззвучно и покорно опустилъ голову. «Свобода, дѣло, любовь, все пропало!» мелькнуло въ головѣ молодого человѣка.

— Кандалы! крикнулъ становой, обращаясь къ своимъ спутникамъ. Глаза «Баскова» какъ-то вдругъ особенно блеснули, онъ отпрянулъ въ уголъ избы и сорвалъ со стѣны ружье. Прошло мгновеніе: ногою взвѣденный курокъ щелкнулъ и тѣло учителя съ кровавымъ пятномъ во лбу рухнуло на полъ. Присутствующіе задрожали и понялились. Изба была безмолвна, паника овладѣла всѣми.

Молча, въ недоумѣніи, какъ бы боясь проронить слово, разошлись каменцы въ разныя стороны, не дождавшись результата хлопотливыхъ трудовъ баушки-лѣкарки. Фекла втеченіи нѣсколькоихъ дней никого не узнавала, припадки судорогъ возобновлялись нѣсколько разъ. Однако страданія ея, благодаря тщательному уходу лѣкарки, начали мало-по-малу стихать и, наконецъ, къ величайшей радости окружающихъ она сознательно обвела избу глазами и спокойнымъ голосомъ попросила «испить». Ей подала воды баушка-лѣкарка, на днѣ ковша лежалъ кипарисный крестъ, поверхъ воды плавали три уголька. Фекла перекрестилась, отпила нѣсколько глотковъ и, благодарно взглянувъ на лѣкарку, заснула сномъ выздоравливающаго. Петръ, убѣжавший въ лѣсъ въ то утро, когда заболѣла Фекла, еще не возвращался. Никто не удивлялся этому, такъ какъ онъ особенно въ послѣднее время, часто уходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ на пѣсколько дней. Парень бродилъ около Косы, выжидая удобной минуты для мщенія. Никто не подозревалъ созрѣвшаго въ его головѣ плана и въ тотъ вечеръ, какъ Фекла пришла въ себя, въ Косѣ шла суматоха, люди бѣгали къ рѣкѣ и обратно, слышались испуганные крики и плачъ дѣтей. Густые сумерки прорѣзывали пламя горящей избы. Вечеръ былъ тихій и дымъ поднимался прямо кверху и ложащейся туманъ, и снующія фигуры освѣщались непрошенными, нежеланными яркими свѣтомъ. То горѣла изба знахарки Василисы — матери Дарьи. Въ самомъ разгарѣ пожара въ избѣ слышались чьи-то стоны; одинъ изъ сосѣдей кинулся на стѣны, но его остановила жена словами:

— Куда сушься-то, не впадай развѣ, что дверь была припerta коломъ снаружи, стало—выпластаруха, а стонеть тамъ домовой, его она и приверла.

— Домовой и есть, подтвердили другіе и никто ужъ не кинулся на помощь стонущему. А голосъ вскорѣ затихъ. Сначала косинцы совались безъ толку взадъ и впередъ, потерявъ головы отъ ужаса, но вскорѣ сообразили, что спасти избы старой Василисы нѣть возможности и принялись спасать сосѣднія избы. Дѣло это особенно подвигнулось, когда изъ лѣса выбѣжалъ къ нимъ на помощь свѣжій человѣкъ. То былъ Петръ изъ Каменки съ ружьемъ за плечами, охотившійся, по его словамъ, не подалеку. Парень оказался особенно расторопенъ, смѣтливъ и старательнъ. Всѣ плетни и заборы, сообщавшіе горящую избу съ другимисосѣдними, были

живо общими силами уничтожены. Подъ его руководствомъ люди работали топоромъ и водой такъ быстро, что пожаръ не успѣлъ распространиться, и на слѣдующій день павдинскій писарь имѣлъ возможность составить донесеніе, въ которомъ говорилось, что отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ крестьянки Василисы Лукьяновой, загорѣлась ея изба, но что, благодаря быстрой распорядительности волостного старшини и его десятниковъ, пожаръ былъ тотчасъ же прекращенъ и огнемъ уничтожена только

одна изба виновницы пожара, Василисы Лукьяновой. Косинцы, конечно, удивились бы, если бы прочли это донесеніе, такъ какъ никто изъ нихъ волостного старшины на свое мѣсто пожарѣ не видѣлъ, а дано ему было знать только на разсвѣтѣ, когда все успокоилось.

Первое лицо, попавшееся на глаза проснувшейся Феклы, былъ Петръ. Онъ сидѣлъ задумчиво, встревоженный, блѣдный, съ впалыми глазами. Фекла онъ улыбнулся и проговорилъ:

— Слава тѣ, Господи, тебѣ лучше! а колдуны, что тебя испортила, нѣту больше, сгорѣла вѣдьма и съ избой своей проклятой. Люди-то баять: Божіе попущеніе! Ну, и пускай себѣ, а у насъ теперь всѣ дѣла лучше пойдутъ и порченыхъ не будетъ! Поди вѣдь и на Баскова-то бѣду она напустила.

Фекла встревожилась. Петръ передалъ ей о происшествіи, какъ самъ слышалъ отъ сосѣдей.

Горе дѣвушки произвело на него тягостное впечатлѣніе. Онъ спова попурилъ голову и молчалъ, такъ какъ утѣшить Феклу не умѣлъ, да и не былъ въ состояніи. Приподнявшись съ лавки дѣвушка не могла, она чувствовала сильную головную боль, слабость, боль подъ ложечкой и въ желудкѣ и только металась, плакала да стонала.

— Чего ужъ убиваться-то такъ, проговорилъ, наконецъ, Петръ,—чать у тя отецъ, мать, братишко есть, слезами мертваго не воротишъ! И то все общество, всѣ хрещеные ходять, опустя головы, ровно ихъ кто обухомъ по головамъ хватитъ. А ты себя-то береги, оправляйся! Знамо другого Баскова не сыщешь. Онъ замолчалъ и потупился.

— Охъ, Петръ, Петръ, вѣдь ты не знаешь вѣдь онъ, Павелъ-то... я тѣ, ровно на духу открываюсь, любила я его!

— Знаю я все, не говори, не ворочай пожа въ сердцѣ. Лучше оправляйся, а пока я за тебя, буде что попадобится по хозяйству, помогу дядѣ Перфилу. Онъ отвернулся и смигивалъ слезы. Она поняла его совершенно и замолчала, затапывъ свое отчаяніе. Участіе, которое Петръ принималъ въ семѣ во время болѣзни Феклы, его воспоминанія о Басковѣ, какъ о человѣкѣ любимомъ, полезномъ деревенѣ, очень сблизили молодыхъ людей. При немъ Фекла чувствовала себя не такъ одинокою. Петръ сумѣлъ возбудить къ себѣ ея полное довѣріе и былъ счастливъ. Онъ почти безотлучно былъ въ избѣ дяди Перфилы. Фекла такъ привыкла къ нему, что сама шла за нимъ, если онъ замѣшивался дома. Дядя Перфилъ радовался этому обѣженію и смотрѣлъ на парня какъ на женicha, избраннаго Феклой. Мало-по-малу, видя безграничную любовь и преданность къ себѣ парня, она и сама стала останавливаться на немъ задумчивый, мягкий взглядъ и не сердилась, какъ прежде, когда онъ заговаривалъ о сватахъ. Осеню Фекла обвѣнчалась съ Петромъ.

Прошли годы. Со смертью Баскова школа каменская тотчасъ же пала, да не поднялась отъ этого и павдинская, заправляется по прежнему Софониемъ. Въ официальныхъ учителяхъ чувствовалась недостатокъ, не было ихъ и не въ одной Каменкѣ, добровольцы туда также не являлись болѣе.

Спитъ Каменка и ея окрестности по прежнему безмятежнымъ сномъ. Острый впечатлѣнія памятнаго лѣта давно миновали. Порою лишь встаютъ воспоминанія о сказкахъ учителя, какъ о снахъ минувшихъ лѣтъ. «Эхъ, кабы еще забрѣлъ къ намъ такой же Басковъ», проговорить кто-нибудь, тяжело вздохнувъ, и снова все смолкнетъ. Только слышится лѣтомъ стонъ о безхѣбницахъ, а зимою тканье да крики на пугомъ зараженныхъ лошадей...

КОНЕЦЪ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ
КАРТИНА Ф. КАУЛЬБАХА.

Гос.
Публичная
Библиотека
Санкт-Петербург

Рѣшительная минута.
Рѣзаль на деревѣ А. Шлиперъ.

Будущему году.

Стих. Кн. Дм. Голицына.

Пронеслись, чередуясь, печальные дни...
Мнѣ тяжелую скорбь приносили они
И лплася слеза за слезою.
Новый годъ настает... Что несетъ онъ съ собой?
Обращаюсь я къ Богу съ горячей мольбой,
Какъ предъ новой ужасной грозою.

Старый годъ, ты исчезни и про克莱ть ты будь!
Скорбь рвала при тебѣ мою бѣдную грудь,
Извыала души моей спла.
Старый годъ, ты исчезни, тебя мнѣ не жаль!
При тебѣ я кручину терпѣль и печаль
Жизнь тоску въ моя думы вносила.

Мы томились тяжелой печалью, тоской...
Новый годъ, принеси намъ блаженства покой,
Осушь ты отчаянья слезы.
Ты, быть можетъ, внесешь благодатную тишину
Въ моя думы и жажду души утолишь,
Приведешь въ исполненіе грэзы.

Какъ невѣдомый дарт напередъ полюбя,
Посмотри, какъ весельемъ встрѣчаютъ тебя,
Какъ звенять за столами бокалы!
Мы страдали въ напрасной душевной борьбѣ;
Вѣримъ мы, что несетъ блаженство въ тебѣ,
Что свершается мечты, идеалы.

Но надежды страдальцевъ испоплишь-ли ты,
Ты испоплишь-ли ихъ идеалы, мечты?
Оправдай, новый годъ, пхъ веселье,
Чтобъ въ слезахъ не забыть былъ счастливый
нашъ смѣхъ,
Замѣнить не могло тѣхъ веселыхъ утѣхъ
Годовое похмѣлье.

Исповѣдь синьоры Дореты.

(Переводъ съ итальянскаго.)

— А, отлично, синьоръ Анзельмо, говорила Дорета, протягивая обѣ руки только что вошедшему господину.— Вы пришли, какъ разъ во-время. На исповѣдь я не люблю ходить, но старому другу дома, который видѣлъ меня еще ребенкомъ и почти могъ-бы быть моимъ отцомъ...

— Покорно благодарю...

— За что?

— Да за это «почти».

— Ну, словомъ, продолжала молодая женщина,— я готова передъ вами каяться, открыть вамъ свою душу... Вы будете меня исповѣдывать.

— Ахъ, вы думаете...

— Да, я хочу, хочу непремѣнно. Это первая услуга, которой я прошу отъ васъ... Вы не должны отказываться.

— Если вы думаете, что это необходимо...

— Совсѣмъ необходимо. Сами посудите... Я только два дня какъ прїѣхала сюда повидаться съ родными и вдругъ мужъ затѣваетъ противъ меня процессъ.

— Милая Дорета, прерваль Анзельмо,—пельзяли отпестись къ этому спокойнѣе, напримѣръ, усѣться?

— Сядемте, сказала Дорета.

Но и сидя, она не умѣрила своей пылкости. Дорета любила перемывать косточки своихъ близкихъ.

— Вы знаете, о чѣмъ идеть рѣчь?

— Правду сказать, я знаю очень мало.

— Полно. Лучше меня еще знаете. Дѣло идетъ о маленькомъ поручикѣ Барольди, который будто-бы за мнѣ ухаживаетъ и съ которыми я, по ихъ словамъ, кокетничала. Чистѣйшая ложь. Я въ первый разъ увидѣла Барольди три мѣсяца тому назадъ у графини Орели... т. е. она вовсе не графиня, но хочетъ, чтобы ее такъ величиали: пынче кого не встрѣтишь, всѣ знатного происхожденія и даже кухарка моя увѣряетъ, что она приходится сродни Перуци. Впрочемъ, дѣло не

въ этомъ, терпѣть не могу разглагольствованій. И такъ, мы были у графини Орели. Насъ было человѣкъ двѣнадцать всего. У самой Орели болѣла голова, а потому въ гостиной горѣла только двѣ карсельскія лампы, на одной былъ розовый абажуръ, на другой зеленый. Хозяйка дома, сидя возлѣ зеленаго свѣта, походила на кислый лимонъ, сестра ея Дерилири, сидѣвшая подъ розовымъ колпакомъ, напоминала свеклу... Посрединѣ сидѣла тетка; у нея профиль съ одной стороны былъ зеленый, съ другой розовый и каждый въ своемъ родѣ былъ восхитителенъ. Впрочемъ, онъ обѣ, и Орели, и Дерилири, женщины пожилыя, но тѣмъ не менѣе не желаютъ еще уступать мѣсто молодымъ. Вся Флоренція говорить про связь Орели съ...

— Дорета!..

— Ахъ, связь чисто-платоническая. Вообразите съ какимъ-то членомъ кассационнаго департамента. Старикъ останется старикомъ, хотя бы даже онъ иѣздилъ каждое лѣто въ Ороно въ водолѣчебное заведеніе. А Дерилири приписываютъ, не знаю, можетъ по злости, стараго генерала Ротіо; ее называютъ пріютомъ инвалидовъ, потому что, говорятъ, передъ этимъ у нея былъ отставной полковникъ Мерили, который потерялъ одну ногу при С. Мартине. Про тетку не думаю, чтобы говорили что-нибудь. Еще-бы съ ея-то лицомъ, да съ ея фигурой! Эта педантическая особа если сама не говоритъ, то засыпаетъ среди разговора, а когда противъ обыкновенія рѣшается замолчать и не засыпаетъ, то наводить па васъ головокруженіе, потирая безпрестанно одну руку объ другую, какъ-будто она пхъ moetъ.

— Но вѣдь это, Дорета, вовсе не относится къ дѣлу.

— Какъ не относится? Еще какъ относится! Вы видите, что изъ всѣхъ присутствующихъ дамъ въ этой гостиной одна я была молода; изъ мужчинъ было двое дежурныхъ при обѣихъ сестрахъ, т. е. статскій совѣтникъ и генераль, потомъ господинъ, который, какъ говорятъ, обогатился при помощи трехъ банкротствъ, былъ еще одинъ депутатъ, не знаю, которой стороны—правой или лѣвой, но безтолковый во всякомъ случаѣ, былъ крохотный литераторъ—Боже меня избави, отъ ему подобныхъ! Былъ мой мужъ и былъ Барольди. Отнимите Барольди и меня и посудите сами, что это было за общество. Потому что, скажу по правдѣ, мужъ мой отличный человѣкъ, но вы сами однако сознаетесь, что онъ прескучный; ужъ одно то, что мужъ; и это, кажется, свойство, общее всѣмъ мужчинамъ. Нечего головой качать. Вы не можете въ этомъ дѣлѣ быть судьей, синьоръ Анзельмо. Если-бы вы пробили хотя съ недѣлю женщиной, да къ тому же замужней, тогда-бы вы увидѣли! Мужья, если и бываются любезны вѣдь дома, у себя въ домѣ всегда грубы и ворчливы. Ничѣмъ не угодишь имъ, они готовы придраться ко всякому случаю, чтобы прочесть длинное предлинное правоученіе. Они пришли къ вашимъ юбкамъ, когда вы хотѣли-бы, чтобы они ушли; уходять, когда намъ нужно, чтобы они оставались; все-то они дѣлаютъ не во-время. А когда они выходятъ съ нами гулять или въ театръ, дѣлаютъ такія постыдныя рожи, пока остаются съ нами вдвоемъ и только тогда становятся веселыми, когда встрѣчаются съ чужими женщинами. Такъ что, въ концѣ-концовъ, намъ, женщинамъ, еще менѣе худо приходится, когда случается составить двойную пару такъ, чтобы было два мужа и двѣ жены. Въ такомъ случаѣ можетъ произойти *chassez-croisez*, не лишенное своего рода привлекательности... Но бѣда, если мужъ пожелаетъ остаться въ такомъ кружкѣ, гдѣ пѣтъ другихъ женщинъ, кроме его жены, а вмѣсто того есть нѣсколько мужчинъ. Тогда онъ непремѣнно мѣшаетъ всякому разговору, онъ какъ-будто на-

рочно выбираетъ тѣмы самыя сальныя, самыя неприличныя. А если попадаются такія вещи, которыхъ положительно нельзѧ сказать громко, онъ нагибается къ своему сосѣду и напечтываетъ ему на ухо какую-нибудь пошлость; и тогда вокругъ раздается сдержанній хохотъ, точно простудившіяся кошки чихаютъ!

— Милая Дорета, вы очень умны, но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ маленькое замѣчаніе?

— Говорите.

— Я хотѣлъ сказать, что если мы такъ будемъ продолжать, я никогда не узнаю того, что мнѣ слѣдовало узнать... Вы забываете, о чѣмъ идѣть рѣчъ..

— Совсѣмъ пѣтъ. О, какую длинную рѣчъ мнѣ пришлось-бы держать. Но довольно. Буду говорить, какъ можно короче. Я описала вамъ среду, въ какой находилась при первой встречѣ съ Барольди. Можете себѣ представить, какъ онъ тоже скучалъ. Маленький литераторъ приѣхалъ къ нему, завлекъ его въ уголъ и подъ тѣмъ предлогомъ, что Барольди любить стихи, декламировалъ ему виолголоса свои собственныя произведения. Наконецъ, когда молодой человѣкъ избавился отъ своего учителя, онъ приблизился ко мнѣ и мы принялись болтать. Онъ самыми яркими красками описалъ мнѣ тяжелое положеніе, въ какомъ находился за нѣсколько минутъ. Молодой поэтъ крѣпко сжималъ ему колѣно и потому-ли, что онъ говорилъ съ такимъ жаромъ, или затѣмъ, чтобы остальные не слышали того, что онъ говорить, но онъ такъ близко наклонялся къ Барольди, что тотъ постоянно чувствовалъ на себѣ его дыханіе... и еще кое-что! Барольди говорилъ, что ему казалось, точно будто онъ стоитъ возлѣ водопада, который съ ногъ до головы обдастъ его брызгами, проникающими подъ платье и даже въ самое тѣло... Ну, посмѣялись мы немножко падь литераторомъ, немного надѣ окружавшимъ насъ обществомъ... Мы, должно быть, отѣлѣлись немножко отъ остальныхъ гостей, но какое мнѣ дѣло до этихъ мумій! Мужъ мой безпрестанно поглядывалъ на меня, такой противный! Не угодно-ли ему еще, чтобы я забавляла его, вступала съ нимъ въ разговоры? На слѣдующій день Барольди оставилъ свою визитную карточку—Людовикъ Барольди. Поручикъ артиллеріи. А въ углу графская корона. Впрочемъ, эта корона не производитъ болѣе никакого впечатлѣнія, потому что она есть у всѣхъ. Вѣроятно, ее печатаютъ заранѣе на карточкѣ. На этой же недѣлѣ Барольди лично явился ко мнѣ. Это такъ и слѣдовало, этого требовала вѣжливость. Впрочемъ, онъ меня не засталъ одну. У меня была Ринуччи со стекляннымъ глазомъ, та, что носить каучуковый турнюръ, она, говорятъ, однѣ разъ потеряла его на улицѣ. Можетъ, это правда, а можетъ, и ложь. Я, впрочемъ, говорю только, чтобы показать, что мы не оставались вдвоемъ. Но Ринуччи сипетница и тотчасъ принялась за свое обычное злословіе. По ея словамъ, я назначила Барольди свиданіе въ «Кассино»*). Надо именно быть такимъ уродомъ, какъ она, чтобы придумать подобныя нелѣпости! Конечно, я сказала Барольди, что когда бываю во Флоренціи, то хожу въ «Кассино» гулять въ четыре часа... вѣдь надо о чѣмъ нибудь говорить... Но чѣмъ я виновата, что это время показалось и ему удобнымъ для прогулки? Я ходила въ экипажѣ, онъ шелъ пѣшкомъ; понятно, на площади экипажи останавливаются и пѣшеходы подходятъ и здороваются со своими знакомыми. Однѣ разъ только, больше затѣмъ, чтобы размѣтъ ноги, я вышла и прошлась...

— Съ поручикомъ?..

— Да, съ поручикомъ, и даже изумилась, увидавъ въ одной изъ аллей маркизу Даль-Поццо, объясняющую въ любви съ его превосходительствомъ; лучше-бы было, еслибы его пр-ство оsta-

* Мѣсто для прогулки во Флоренціи.

валось въ Римѣ, а то, благодаря подобнымъ выходкамъ господъ депутатовъ, въ палатѣ никогда не бываетъ достаточного числа членовъ... Впрочемъ, я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла... Я, кажется, прошлась всего минутъ десять. Всѣ подняли такой гвалтъ... Мнѣ запретили ходить въ Кассино въ четыре часа, а потомъ увезли въ Болонью, чтобы провести нѣсколькою недѣль со своими. Теперь новый casus belli: зачѣмъ Барольди прѣѣхалъ тоже въ Болонью? Да я-то тутъ при чѣмъ? Развѣ я его полковникъ? Развѣ люди не имѣютъ права путешествовать по желѣзной дорогѣ, когда имъ вздумается? И свекровь тоже пишетъ мнѣ правоученія, она бы лучше мѣшалась въ свои дѣла и подумала-бы о томъ, что разсказываютъ про грѣхи ея молодости... Теперь никто, пожалуй, не догадается, что и она была мѣлода...

Въ эту минуту въ гостиной пробили часы...

— Три часа? спросила Дорета.

— Нѣтъ четыре.

— Четыре! Батюшки мои! Не могу оставаться ни минуты! Я заказала карету къ тремъ!...

— Но, Дорета, теперь я долженъ говорить.

— Другой разъ. Сегодня невозможно... Исповѣдь моя кончена.

— Я долженъ замѣтить вамъ, дочь моя, что вы каялись особенно въ чужихъ грѣхахъ... Что касается до вашихъ...

— Ахъ, мои такіе маленькие, что заслуживаютъ полнаго прощенія. Я не сомнѣваюсь, что вы постараитесь убѣдить моихъ родителей.

— Минуту одну!..

— Некогда, некогда!.. Благодарю васъ, синьоръ Анзельмо, до свиданія.

И Дорета быстро выбѣжала изъ комнаты, оставивъ своего собесѣдника съ длиннѣйшимъ носомъ.

Ночи.

Стих. Вл. Юрьева.

1.

Туманъ волнистый стелется
Надъ синею рѣкой.
Тростникъ едва шевелится,
Колеблемый волной.

Съ тоскою затаеною,
Какихъ-то думъ полна,
Глядѣть на землю сонную
Красавица луна...

2.

Въ поляхъ окончены работы,
Косцы вернулися домой.
Пора забыть свои заботы
И трудъ въ поту въ палящей зной!
Село затихло... За горою
Садится солнце въ облакахъ...
И искрой блѣдно-золотою
Звѣзда сверкнула въ небесахъ.
Свѣжѣть... Сѣномъ и цвѣтами
Запахло съ дремлющихъ полей
И ночь чарующими снами
Даритъ трудившихся людей....

3.

Осень глубокая... Ночь, какъ могила, темна!
Камнемъ тиженльмъ на землю ложится она.
Вѣтеръ поблѣкши листья съ деревьевъ сорвалъ;
Воетъ онъ въ полѣ, какъ будто голодный шакаль.
Осень глубокая... Нѣтъ уже солнечныхъ дней!
Замерло все и безмолвно смирилось предъ ней.
Грустно мнѣ, милая: мы распрошались съ тобой!
Дни золотые любви пролетѣли толпой,
Время разлуки настало, разбились мечты
И на груди моей долго проплакала ты...
Осень глубокая... Ночь, какъ могила, темна!
Другъ мой, надѣйся... Должна-же вернуться ве-
сна!..

Подъ полозьями легкихъ саней
Бѣлый спѣгъ, разсыпалась, хруститъ
И, какъ рой драгоценныхъ камней,
При лунѣ яркимъ свѣтомъ блестить.
Безконечная степь предо мной;
Въ бѣлый саванъ одѣта она.
Только слышно коныто порой,
А вокругъ и въ душѣ—тишина...

5.

Догораетъ свѣча у меня;
Мигъ настанетъ,—не будетъ огня
И, холодной охваченный тьмой,
Я засну и забудусь душой!
Отчего-же все кажется мнѣ,
Что и въ этомъ таинственному снѣ
Свѣтъ знакомый мнѣ будетъ сіять
И въ края лучезарные звать?

Изъ исторіи романтизма.

Ст. Диллетанта.

(Окончаніе.)

VIII.

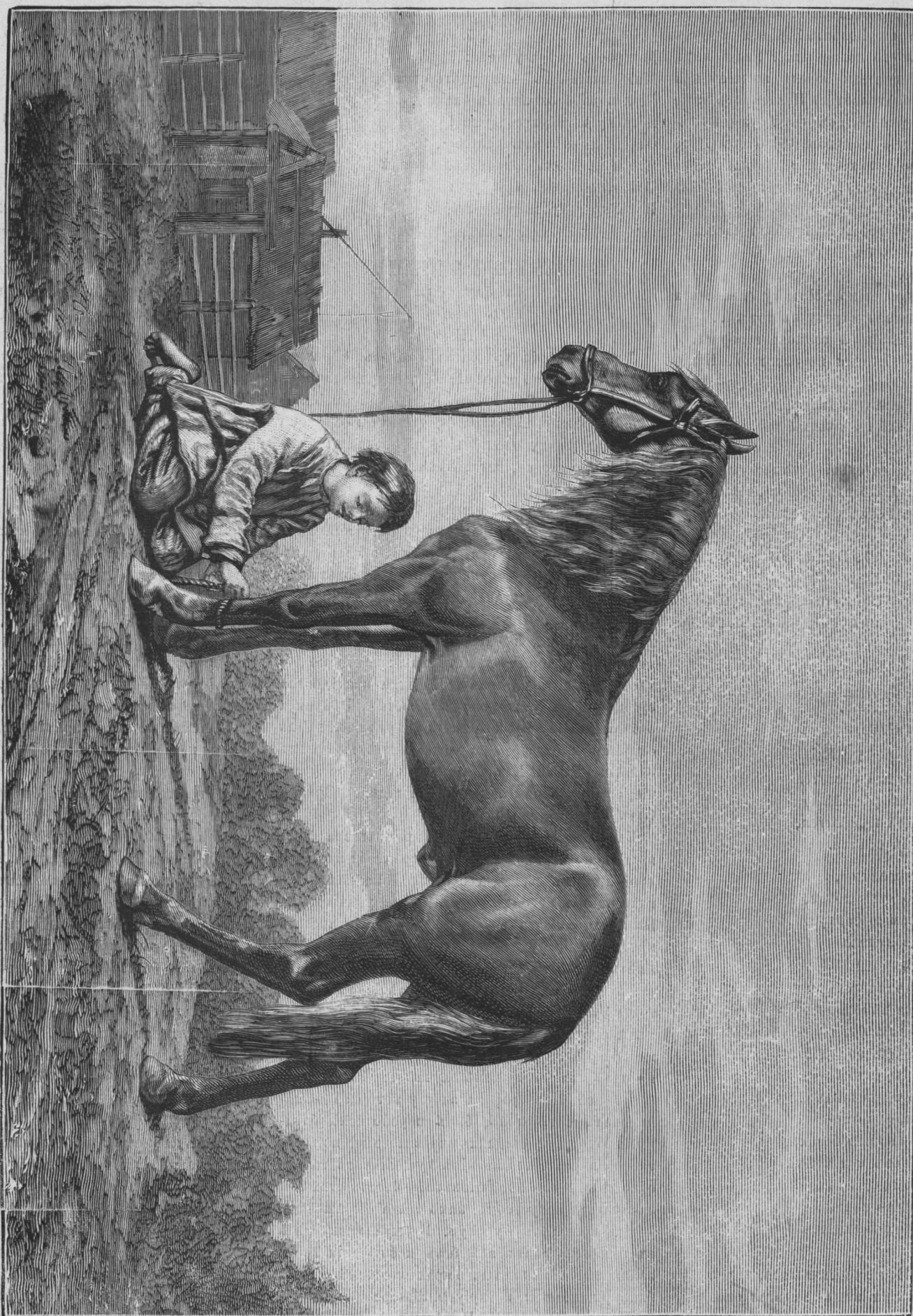
Для поколѣнія тридцатыхъ годовъ «Эрнани» былъ несомнѣнно тѣмъ, чѣмъ для современниковъ Корнеля былъ «Сидъ». Все, что тогда было мѣдо, влюблено, поэтично, было какъ бы охвачено поэтическимъ дуновеніемъ. Эти геронческія, кастильскія выходки, великолѣпная испанская напыщенность, гордый, но въ то же время естественный и простой языкъ, бросали молодыхъ романтиковъ въ лихорадку свою опьяняющею поэзіей. Теперь, спустя безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ, изъ этихъ романтиковъ, присутствовавшихъ на первомъ представлѣніи «Эрнани», осталось очень немногого. Время успокоило страсти, примиро враговъ и «Эрнани» не нуждается уже въ своихъ храбрыхъ защитникахъ: никто не думаетъ нападать на драму. Публика послѣдовала примѣру донъ-Карлоса, она простила Эрнани и возвратила ему всѣ его титулы, а руки доны Соль окружаютъ его шею, на которой виситъ орденъ Золотого Руна... Если бы не рискованное условіе, заключенное имъ съ Рио Гомезомъ, Эрнани былъ бы на верху блаженства.

Благодаря Эрнани, побѣда романтизма была полная, но не окончательная; сраженія и стычки продолжались еще долгое время, пока, наконецъ, классицизмъ не былъ окончательно уничтоженъ. Къ этимъ эпизодамъ борьбы можно причислить представление «Чаттертона», драмы Альфреда де-Винни (1835 г.) и пьесы Александра Дюма «Антоній» (1831 г.). Молодое поколѣніе упивалось тогда искусствомъ, страстью, поэзіей; мозгъ кипѣлъ, сердце дрожало... Эта экзальтациѣ можетъ казаться теперь странной, почти не понятной, но она была во всякомъ случаѣ необыкновенно искренней. Партеръ, на виду у которого декламировалъ Чаттертонъ, былъ переполненъ блѣдными юношами съ длинными волосами, которые твердо вѣрили, что въ мірѣ существуетъ только одно дѣло, достойное человѣка,—писать стихи,—заниматься искусствомъ, какъ тогда выражались, — и... презирать буржуа. Буржуа назывались въ то время почти всѣ безъ исключенія люди, занимавшіеся какимъ-либо практическимъ дѣломъ: банкиры, мѣнѣлы, нотаріусы, комерсанты, лавочники, отцы семействъ. Никогда еще такая жажды славы не сжигала человѣческія уста. Понятно, поэтому, какой взрывъ восторга долженъ быть произвести Чаттертонъ, заключающій въ себѣ исторію страданій молодого поэта, дѣлающагося жертвой дѣйствительности и прозы,—сюжетъ по преимуществу романтическій. Теперь Чаттертонъ уже забытъ, фальшивъ нѣкоторыхъ положеній очевидна, блестки, казавшіеся тогда алмазами, потускнѣли и никого не обманываютъ; но дѣло было сдѣлано...

Тоже можно сказать и объ «Antony» Александра Дюма. Теперь эта пьеса возбуждаетъ чувство, подобное тому, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ встрѣчается съ своей первой любовью, передъ которой онъ млѣль и таялъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Какъ и этотъ увидѣший предметъ любви, пьеса постарѣла, покрылась морщинами, пожелѣла и потухла, но въ свое время она была мѣода, блестѣла красотой и видѣла у ногъ своихъ сотни тысячъ поклонниковъ. Въ вечеръ первого представлѣнія зрители, наполнившіе театръ, были въ какомъ-то бѣшенствѣ: аплодировали, рыдали, плакали, кричали. Страсть, изображаемая въ пьесѣ, такъ сказать, сожигала сердца. Всѣ дамы, и старыя, и мѣоды, обожали Антонія; мѣоды люди готовы были стрѣляться изъ-за Адели д'Эрвэ. Современная любовь великолѣпно олицетворялась въ группѣ, которой актеръ Бокажъ и г-жа Дорваль придавали необыкновенную интенсивность жизни. Генрихъ Гейне въ своихъ письмахъ о Франціѣ, послѣ параллели между Киномъ и Фредерикомъ Леметромъ, выражается слѣдующимъ образомъ о Бокажѣ: «Было бы несправедливо ничего не сказать о другомъ великому актерѣ. Бокажъ пользуется здѣсь столь же громадной репутацией, какъ и Леметръ, и его личность, если не такъ замѣчательна, то, по крайней мѣрѣ, такъ же интересна, какъ и личность его собрата. Бокажъ — красивый мужчина, съ манерами и движеніями необыкновенно изящными. Его металлический голосъ также способенъ передавать громовые порывы страсти и бѣшенства, какъ и самъ нѣжный шопотъ любви. Во взрывахъ страсти онъ всегда сохраняетъ грацію и достоинство искусства и никогда не прибѣгаешь къ грубымъ вспышкамъ Фредерика Леметра, который, благодаря имъ, достигаетъ по временамъ замѣчательныхъ эффектовъ, но эффектовъ, лишенныхъ поэтической красоты. Леметръ — натура исключительная; онъ не столько управляетъ своей демонической страстью, сколько самъ управляетъ ею; вотъ почему я и сравниваю его съ Киномъ. Бокажъ такъ же созданъ, какъ и прочие смертные; онъ отличается только отъ нихъ большимъ совершенствомъ организаціи. Это не уродливый отпрыскъ Ариэля и Калибана, но существо гармоническое, возвышенное и красивая фигура, въ родѣ фигуры Феба Аполона. Его глазъ не такъ значителенъ, но онъ можетъ производить необыкновенные эффекты, въ особенности извѣстнымъ движеніемъ головы, когда онъ презрительно отбрасываетъ ее назадъ; его безстрастны, иронические вздохи рѣжутъ сердце, точно сталь ножа. Въ его голосѣ бываютъ такія слезы и такія страданія, что кажется, будто онъ истекаетъ кровью. Когда онъ скрываетъ лицо руками, — точно слышишь смерть, говорящую: пусть будетъ ночь! Потомъ, когда онъ улыбается, кажется, что солнце восходитъ на его лицѣ!..»

Что же касается г-жи Дорваль, то она поражала своею женскою изящностью. По свидѣтельству современниковъ, хотя она и не была особенно хороша, она, тѣмъ не менѣе, была необыкновенно привлекательна; своимъ взволнованнымъ, какъ бы помутившимся голосомъ, который, казалось, звучалъ среди слезъ, она закупала сердце и съ первыхъ же фразъ овладѣвала публикой гораздо сильнѣе, чѣмъ другая, гениальная актриса, необыкновенной красоты. Въ голосѣ у ней были такія интонаціи, которыя буквально фанатизировали зрителей. Первая, попавшаяся фраза, въ родѣ, напр.: «comment faire?» или «je suis bien malheureuse!» или, наконецъ, «mais je suis perdue moi!» были предлогомъ самыхъ удивительныхъ и неожиданныхъ сценическихъ эффектовъ. Современники утверждаютъ даже, что и этого было не нужно: когда она развязывала ленты своей шляпки и бросала ее на кресло, — зрители ощущали не-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ
РИСУНОК КЕППЕНА.

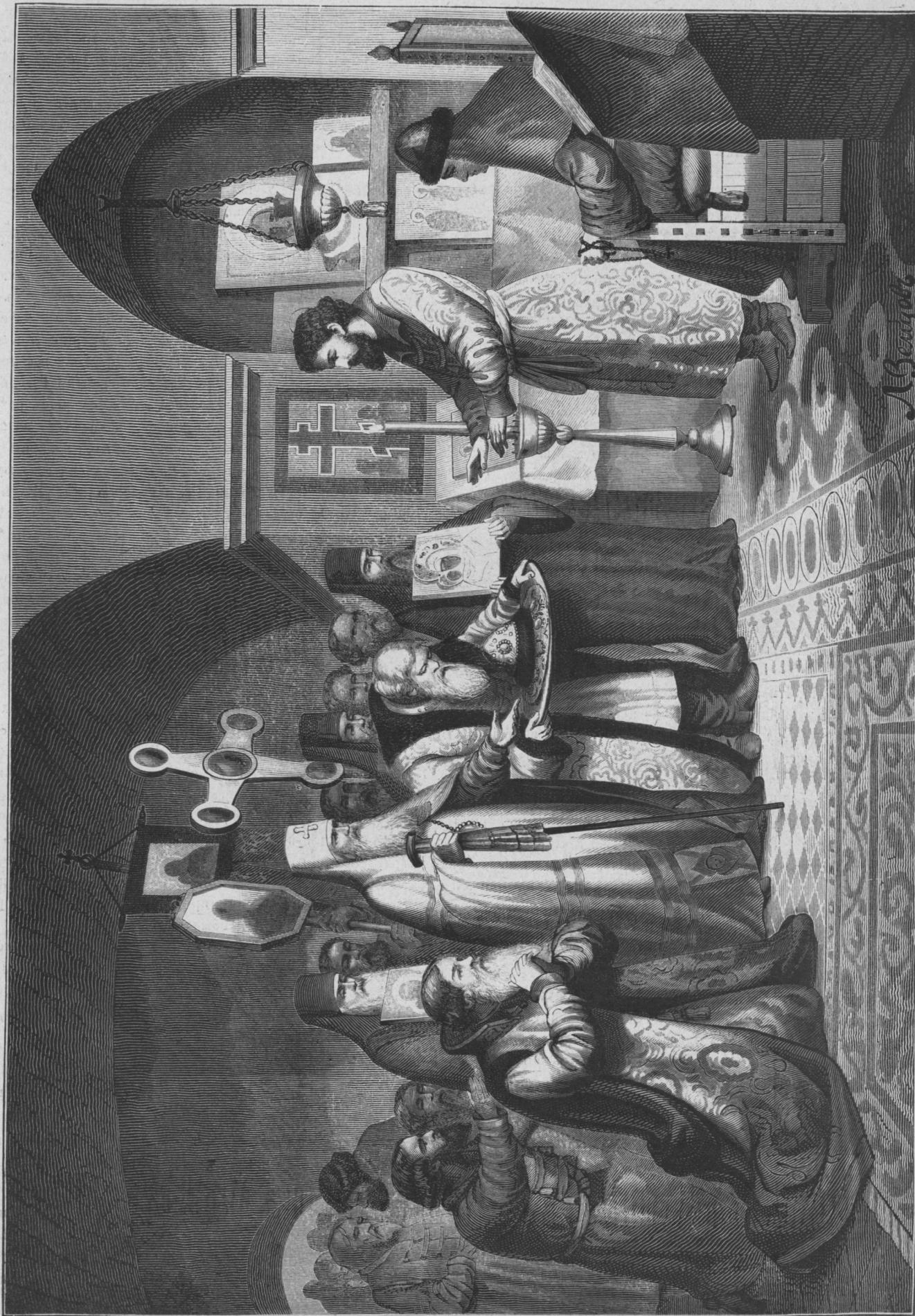

Стрепокинание.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской Политехніи».

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОК А. ЗЕМЦОВА.

Признание Бориса Годунова на царство.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политицкѣй»

вольно волненіе, какъ при самой трагической сценѣ.

Впечатлѣніе, произведенное этой странной, но талантливой пьесой и этой удивительной игрой было громадно. Александръ Дюма разсказываетъ, что при выходѣ изъ театра слишкомъ горячіе и необузданніе романтики съ яростью бросились на него и разорвали на клочки его зеленый фракъ, желая сохранить на память хоть маленький кусокъ его!..

IX.

Импульсъ, данный романтической школой литературѣ, поэзіи, живописи, скульптурѣ, музыкѣ, даже архитектурѣ нѣсколько позднѣе, — былъ такъ силенъ, такъ могуществененъ, такъ богатъ содержаніемъ, что движеніе, произведенное имъ, продолжается и понынѣ. Даже у большинства настоящихъ реалистовъ мы встрѣчаемъ черты, родственная романтизму и едва-ли, покрайней мѣрѣ, можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что современная реалистическая школа есть не болѣе, какъ побочная, своеобразная вѣтвь романтизма. Движеніе, вызванное школой тридцатыхъ годовъ, по своему блеску, богатству содержанія, изяществу формы, количеству талантовъ во всѣхъ отрасляхъ искусства можетъ быть сравнено только съ расцвѣтомъ драмы въ Англіи въ XVI столѣтіи. Какъ тутъ, такъ и тамъ аналогичны общественные и политическія сообщенія, условія времени, настроеніе массъ вызвали аналогичнія явленія въ области искусства, и если Шекспиръ романтической школы, — Викторъ Гюго, уступая величайшему изъ всемирныхъ поэтовъ, во всякомъ случаѣ является единственнымъ великимъ поэтомъ современной Европы.

Благодаря импульсу, данному романтической школой, поблекшая и безсодержательная живопись снова возрождается съ такимъ богатствомъ и разнообразіемъ силъ, какое мы замѣчаемъ только въ эпоху возрожденія. Имена служителей нового искусства въ настоящую минуту извѣстны всѣмъ и каждому; я упомяну только о величайшихъ изъ нихъ, наиболѣе оригиналныхъ, лучше и полнѣе другихъ выразившихъ стремленія времени, — Деларошъ, Делакруа, Теодоръ Руссъ, Деверіа, Барнъ, Гаварни... Наболѣе выдающимся представителемъ новой школы былъ, безъ сомнѣнія, Поль Делакруа. Теперь, когда тишина и спокойствіе окружили это великое имя, — одно изъ тѣхъ, которые не будутъ забыты человѣчествомъ, — невозможно себѣ представить среди какихъ нападокъ и шума онъ жилъ. Каждая его картина вызывала градъ насмѣшекъ, безконтрольные споры. Его называли маньякомъ, дикимъ, сумашедшимъ, котораго надо отправить въ домъ умалищенныхъ. Классики увѣряли, что онъ любить одно только безобразное, тривиальное, грязное, что онъ не знаетъ рисунка, что онъ выливается на коверъ цѣлыхъ ведра красокъ, что онъ пишетъ не кистью, а пьяной метлой; въ особенности, эта послѣдняя метафора понравилась и повторялась съ удовольствіемъ. Но съ энергіей, по истинѣ изумительной, съ настойчивостью и увѣренностью гепіального человѣка, онъ не смущался этой бранью и продолжалъ начатое дѣло. Делакруа былъ реформаторъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова и не только реформаторъ, а борецъ. Предшествующая школа живописи до такой степени злоупотребляла греками и римлянами въ ихъ тогахъ школы Давида, — что въ концѣ концовъ сдѣлалась безсодержательной и безсмысленной. Вотъ почему Делакруа въ живописи былъ исключительно романтиченъ; онъ ничего не заимствовалъ изъ формъ античнаго искусства. Предметы, выбираемые имъ для картинъ, были сравнительно современны, заимствованные изъ исторіи среднихъ вѣковъ, отъ Данта, Шекспира, Гёте, лорда Байрона, Вальтера-Скота. Онъ всегда и вездѣ искалъ характеристическая черты, страсть,

какую-нибудь исключительную, и странную жизненную поту. Его рисунокъ, несмотря на видимыя несовершенства, чрезвычайно типиченъ; контуры его какъ будто мѣняются, дрожать вокругъ формъ; краски съ необыкновенной смѣлостью накапливаются въ центральномъ пункѣ драмы, какъ бы злоупотребляя сильнымъ ощущеніемъ, которое художникъ вызываетъ волшебствомъ своей кисти. Въ самомъ незначительномъ эскизѣ, какъ и въ тщательно закопченной картинѣ, всѣ аксессуары, — небо, почва, деревья, море, — участвуютъ въ сценѣ, которую окружаютъ; вотъ почему ихъ нельзя перенести въ другую картину, отдѣлить ихъ отъ художественной драмы; они сливаются съ нею. Всѣ тѣсно и органически связаны. Въ живописи одинъ только Рембрандт обнаруживаетъ подобное органическое единство и гармонію...

Въ музыкѣ не менѣе великимъ и колосальными представителемъ романтизма былъ Гекторъ Берліозъ. То, что поэты романтической школы стремились произвести въ поэзіи, то предпринялъ сдѣлать Берліозъ въ музыкѣ со смѣлостью и своеобразностью, которыхъ и теперь еще поражаютъ. Изъ отвращенія къ рутиннымъ формамъ, изъ желанія выразить въ музыкѣ то, что еще не было въ ней выражено, — Берліозъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, романтикъ. Было бы совершенно излишнимъ распространяться здѣсь о заслугахъ Берліоза, какъ композитора, но необходимо прибавить, что эти заслуги долгое время не были признаваемы. Его «Symphonie fantastique» произвела въ первый разъ такое же впечатлѣніе, какое произвѣль въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Тангейзеръ Вагнера въ Парижѣ: она была освистана самымъ жестокимъ образомъ. Она вызвала цѣлыхъ бури, ожесточенные споры. Тѣмъ не менѣе, хотя Берліоза, по большей части, считали просто маньякомъ, онъ возбуждалъ къ себѣ какой-то непонятный ужасъ. Сквозь странности, неясности, преувеличенія чувствовалась колосальная энергія. Одна черта изъ его жизни ярко объясняетъ его характеръ. Во время своего пребыванія въ Римѣ онъ съ большимъ интересомъ посѣщалъ спектакли англійскихъ актеровъ, дававшихъ Шекспира. Восхищаясь Офеліей, Корделіей и Порціей, онъ въ концѣ концовъ влюбился въ миссъ Смитсонъ, актрису большого таланта и замѣчательной красоты, на которой нѣсколько позднѣе онъ женился. Гейне рассказываетъ, что Берліозъ во время своей любви съ цѣлью приблизиться къ предмету своей страсти и, можетъ быть, не имѣя денегъ, чтобы каждый день присутствовать въ театрѣ, поступилъ въ оркестръ літарвщикомъ и съ бѣщенствомъ каждый вечеръ колотилъ въ свои літарвы, подобно тому, какъ негритянскій король Фрейлихратъ съ яростью колотилъ въ свой барабанъ, — въ особенности при выходѣ на сцену обожаемой актрисы.

Викторъ Гюго, Поль Делакруа, Гекторъ Берліозъ, — натуры родственныя и имѣющія одно и тоже значеніе, каждый въ области собственного искусства. Они дѣйствительные и наиболѣе высокіе представители французского романтизма. Они — реформаторы, внесшіе новыя формулы, новые элементы въ искусствѣ; натуры страстныя, незнающія мѣры, но несомнѣнно необыкновенно богаты и сильныя... Но романтизмъ, развиваясь, все болѣе и болѣе обнаруживалъ слѣды своего происхожденія. Возникнутъ какъ протестъ, какъ освобожденіе отъ старыхъ формъ, онъ невольно подчинился разъ данному импульсу, величие и гармонія формы была пожертвована страстности выраженія; преувеличенія, условная напыщенность, странности стали господствующими и рожковымъ образомъ понизили уровень искусства. Тоже самое замѣчается и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ общественной и умственной жизни

первой половины XIX столѣтія; развитіе точныхъ наукъ, расширение промышленности, свободная мысль сдѣлали то, что люди, отрѣшившись отъ преданій, руководившихъ ихъ вѣрованій, подвергли критикѣ все прошлое. Нравственность, религія, политика — все подверглось пересмотру. Старыя зданія были превращены въ развалины; приходилось строить новые.

Такой порядокъ вещей чрезвычайно сильно повлиялъ на умъ. Въ немъ и объясненіе, и причина романтизма. Первенствующая личность, т. е. личность, занимавшая сцену міра, вызывавшая симпатіи и сочувствіе зрителей, — воплощалась въ печальномъ и задумчивомъ честолюбцѣ — Ренѣ, Фаустѣ, Вертерѣ, Манфредѣ, Оберманѣ, — пенастытомъ, смутно-тревожномъ и неизлечимо-несчастномъ. «Всѣ преграды, сдерживавшія умъ, пали и передъ нимъ открылось обширное, необъятное пространство. Съ беспредѣльною выразительностью и честолюбіемъ онъ искалъ абсолютной истины и безконечнаго счастья. Ни любовь, ни слава, ни наука, ни власть, въ томъ видѣ, въ какомъ они намъ представляются, не въ состояніи были его удовлетворить, а невоздержимость его желаній, раздраженныхъ недостаточностью приобрѣтеній и ничтожностью наслажденій, погружала его въ уныніе падъ развалинами самого себя въ то время, какъ его надломавшееся, безсильное, опустившееся воображеніе не въ состояніи было представить ни того куда-то, къ которому онъ стремился, ни того нѣчто, котораго ему не достаетъ. Эта болѣзнь была названа болѣзникою вѣка, сорокъ лѣтъ тому назадъ она свирѣствовала во всей своей силѣ; она существуетъ еще и теперь подъ паружною холодностью и мрачнымъ равнодушіемъ положительного ума». Эта болѣзнь, слѣдствіе романтизма, замѣчается въ философской поэзіи Англіи, Франціи, Германіи, въ измѣненіи и обогащеніи языка, въ созданіи новыхъ родовъ и типовъ, въ слогѣ и чувствахъ всѣхъ великихъ романтическихъ писателей отъ Шатобриана до Бальзака, отъ Гёте до Гейне, отъ Купера до Байрона, отъ Алльфieri до Леопарди. Тѣ же симптомы встрѣчаются въ рисункахъ, въ лихорадочномъ, тяжеловатомъ археологическомъ стилѣ, въ стремлении къ драматическимъ эффектамъ, въ практическомъ анализѣ, въ мѣстномъ колоритѣ, въ сбивчивомъ смѣшаніи школъ, въ искаженіи приемовъ, въ глубокомъ и новомъ пониманіи природы, породившемъ оригинальность и необычайное совершенство пейзажа, и въ особенности въ крайнемъ и роскошномъ развитіи музыки... Высшее и окончательное выраженіе романтизма, такимъ образомъ, сосредоточивается въ пейзажѣ и музыкѣ...

* * *

Стих. Д. Ушакова.

Я въ жизни испыталъ счастливыя мгновенія...

И снова возвратить теперь-бы я желалъ
И трепетъ, и мечты, и юная волненія,
И грезы въ тишинѣ, и чудный идеалъ.

Я вѣрилъ и любилъ, страдалъ и утѣшалъ,
И смутныя мечты мнѣ волновали грудь;
Весь жизнью я дышалъ и сю наслаждался,
И видѣлъ впереди широкій, славный путь.

Въ мечтахъ я улеталъ въ невѣдомыя дали;
Мнѣ близокъ былъ въ тотъ мигъ мой свѣтлый
идеалъ;

Я жизнью жилъ иной, безъ горя и печали,
И въ тоже время я томился и страдалъ.

Въ груди моей пылалъ огонь святой; видѣнья
Роились пламенной, обманчивой толпой...
Но дорогія тѣ умчалися мгновенія,
Какъ мимолетный сонъ души моей болѣй.

ЗОЛОТО И ИМЯ.

(Романъ г-жи Шварцъ.)

(Окончаніе.)

Успокоившійся капитанъ продолжалъ:

— Пока въ лавкѣ осматривали бумажку, Бромеръ, какъ мы знаемъ, выскочилъ на улицу и увидалъ, что Августъ стоитъ у соѣднаго дома.

— Твою жену арестуютъ, бумажка оказалась фальшивою, сказалъ онъ, — Агда послала меня просить тебя спасаться бѣгствомъ.

— А, какъ же Агда? прошепталъ Августъ.

— Бѣги, говорю тебѣ; отецъ спасетъ ее; я сейчасъ отправлюсь въ Тимасіо. Все пропало, если тебя поймаютъ.

«Выходя изъ воротъ, Августъ поспѣшилъ направился къ любекскому пароходу, уѣзжавшему въ 12 часовъ. Д. тоже успѣлъ скрыться.

Агда скрыла свое имя, но отъ квартирной хозяйки узнали, что фамилія ея мужа — Фрісъ изъ Стернгаса, что подтвердились письмами, найденными въ забытомъ имъ бумажникѣ.

«Поѣхавъ въ Тимасіо съ увѣренностью, что Гарленъ не откажется спасти свою дочь, Бромеръ ошибся; фабрикантъ указалъ ему на дверь. Карль рассказалъ, будто Агда до того опустилась, что распространяла фальшивыя деньги, выпущенные Августомъ. Гарленъ не желалъ знать дочери, считая ее соучастницею Августа, даже не обратилъ вниманія на слова Бромера, что дочь его близка къ смерти. Черезъ недѣлю Агда умерла, родивъ дочь въ тюрьмѣ.

«Лотти получила дозволеніе оставаться при Агдѣ, Бромера также допускали къ ней. Передъ смертью Агда взяла съ него обѣщаніе заботиться объ ея ребенкѣ, не отдавать его въ зависимость Карла, а воспитывать въ неизвѣстности о несчастной судьбѣ матери и преступленіи отца.

«Бромеръ, давая это обѣщаніе, зналъ, что отецъ несчастной женщины не захочетъ признать ребенка.

— Милордъ, сказалъ Штромъ, обращаясь къ Эдвину, — ребенокъ, родившійся при этихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, была леди Кастертонъ!

— Лотти также обѣщала скрывать тайну родителей отъ дѣвочки, продолжалъ капитанъ. — Отдавъ ребенка въ вѣрныя руки, Агда при послѣднемъ издыханіи молилась о мужѣ, причинѣ всѣхъ ея несчастій. Дѣвица Малинъ, страданія которой тронутъ отца пропадали напрасно, разсердила на него жестокость и прїѣхала въ столицу, куда прибыла на другой день смерти Агды. Отецъ Августа, сильно горевавшій о преступленіи сына, умеръ отъ удара. Его похоронили вмѣстѣ съ Агдой; дѣвица Малинъ поставила надъ ними простой памятникъ. Она каждый день посѣщала ребенка, желая убѣдиться, что онъ ни въ чёмъ не нуждается. Черезъ нѣсколько времени она написала письмо фабриканту, извѣщаю ѹего о томъ, что тотъ самъ Бромеръ, котораго онъ выгналъ за воровство и запретилъ принимать его у себя въ домѣ, призналъ дочь Агды своимъ ребенкомъ: — Преступленіе отца лишило дѣвочку имени, сказалъ Бромеръ, — отецъ ея матери утаилъ ея состояніе, я же знаю одно: бѣдный презираемый ворт и игрокъ не умретъ, не добывъ дочери Агды фон-Гарленъ, состоянія и имени. Это письмо не дошло до Гарлена. Карлу удалось скрыть его. Когда фабрикантъ поручилъ ему узнать, гдѣ находилась его внучка, Карль, вернувшись изъ города, объявилъ, что ребенокъ вѣроятно умеръ вскорѣ послѣ матери, такъ какъ никому не было извѣстно, куда онъ пропалъ. Карль отправлялъ обратно письма Малинъ къ брату нераспечатанными, надѣясь, что она перестанетъ болѣе писать. Черезъ полгода послѣссоры между братомъ и сестрою, пришло извѣстіе о смерти дѣвицы Малинъ. Послѣдняя связь,

соединяющая ребенка Агды съ отцемъ, порвалась; Карль могъ безпрепятственно продолжать свою игру. Черезъ годъ фабрикантъ уѣхалъ изъ Швеціи, подаривъ полковнику Тимасіо и представивъ Форсвикъ въ его распоряженіе.

«Что касается Августа, ему удалось скрыться въ Англіи, гдѣ сестра его жила уже нѣсколько лѣтъ. Каролина Дальстромъ была гувернанткой въ шведскомъ семействѣ, проживавшемъ въ Англіи; тамъ вышла она замужъ за англичанина, управляющаго въ Гартонкуртѣ, имѣніи маркизы Бризье. Образованная, скромная Каролина скоро сдѣлалась любимицею маркизы и проводила цѣлые дни въ ея обществѣ, когда та жила въ Гартонкуртѣ. Между гордою, знатною англичанкою и женой управляющаго, установилась дружба. Каролина искренно привязалась къ маркизѣ; она сообщила ей о бракѣ Августа какъ только получила извѣстіе отъ отца, такъ же о томъ, что онъ проигралъ приданное жены и почти безъ денегъ вернулся въ Швецію. За грустными извѣстіями послѣдовали болѣе радостныя; старикъ Дальстромъ постоянно расхваливалъ Агду и Каролину, не зная невѣстки, полюбила ее.

«Черезъ два года она получила изъ Швеціи письмо съ черною печатью, съ двумя траурными билетами, написанными Бромеромъ, съ извѣщеніемъ о смерти отца и невѣстки. Вскорѣ послѣ этого, въ одинъ темный осенний вечеръ въ Гартонкуртѣ появился человѣкъ, въ лохмотьяхъ, спрашивавший ее. Каролина, восемь лѣтъ не видавшая брата, тотчасъ же узнала его въ изорванномъ пиджакѣ. Не буду описывать, что они говорили между собою, но только послѣ его ухода Каролина сообщила тайну маркизѣ, но мужу побоялась передать ее, зная, что онъ ни за что не согласится укрывать производителя фальшивыхъ денегъ. Августъ пришелъ къ сестрѣ безъ копѣекъ; два дня онъ ничего неѣлъ. Выслушавъ разсказъ Каролины, маркиза обѣщала помочь ему. Пробывъ нѣсколько недѣль въ Гартонкуртѣ, Августъ едва не сошелъ съ ума, при получении письма Бромера, съ описаниемъ смерти старика Дальстрома и Агды, а также при извѣстіи, что Бромеръ усыновилъ дочь Агды. Онъ не могъ перенести мысли, что былъ причиною смерти отца и жены и что дочь его должна находиться въ рукахъ отъявленного игрока Бромера. Самая крѣпкая натура не въ силахъ вынести такого морального потрясенія; сознаніе вины и несчастныхъ послѣствій ея для тѣхъ, кого мы любимъ, — ужасны. Августъ захваченъ сильнымъ воспаленіемъ въ мозгу; нѣкоторое время грозила опасность для его жизни, но судьба рѣшила иначе. Поправившись, онъ пожелалъ принять участіе въ войнѣ, поступивъ на службу во французскую армію въ Алжиръ. Маркиза обратилась къ Вильяму Кастертону, имѣвшему черезъ жену связи во Франціи, и Августъ былъ принятъ во французскую службу. Одѣяніемъ маркизою деньгами и рекомендациими къ лорду Кастертону, Августъ уѣхалъ, давъ торжественное обѣщаніе вернуться въ отечество къ своему ребенку только тогда, когда честнымъ образомъ дѣйствій заслужитъ всеобщее уваженіе.

— Я сжалась надъ вами, сказала ему на прощанье маркиза, — надѣясь сдѣлать доброе дѣло. По молодости, изъ желанія добыть денегъ, вы поступили противозаконно, постарайтесь исправить сдѣланное зло, заслужите уважаемое имя, которое тогда смѣло передадите своей дочери.

«Познакомясь съ Дальстромомъ во Франціи, я вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Алжиръ и поступилъ въ одинъ полкъ. Черезъ четыре года шведскія газеты извѣстили о смерти Дальстрома въ Алжирѣ. Умирая, онъ просилъ меня отомстить за Агду, что, кажется, я довольно удачно исполнилъ. Мнѣ остается разсказать объ оставшихся въ живыхъ. Фабрикантъ продолжалъ жить за гра-

ницею, рѣдко переписываясь съ своими и то только по дѣламъ. Онъ жилъ въ Италии; Карль узналъ отъ знакомыхъ, встрѣчавшихъ Гарлена за границею, что онъ подъ чужимъ именемъ живетъ въ уединенной виллѣ съ однимъ слугою. Черезъ годъ, по выходѣ Эльвиры изъ пансиона, къ Карлу явился комиссаръ отъ Гарлена съ письмомъ и просьбою извѣстить его о мѣстопребываніи Бромера и есть ли у него дочь. Онъ объяснилъ, что ему удалось собрать нѣкоторыя свѣденія о Бромерѣ, бывшемъ закладчикѣ въ Парижѣ; говорили, что онъ въ настоящее время уѣхалъ на какія-то пѣмѣцкія воды, кажется, въ Висбадель. Карль, испугавшійся, чтобы тестъ не сдѣлалъ чего-нибудь для внучки, самъ отправился за границу. Онъ повезъ жену, нѣсколько лѣтъ страдавшую изнурительной болѣзнью, въ Висбадень, намѣреваясь развѣдать, видался ли Гарленъ съ Бромеромъ, или не требовалъ ли себѣ внуки. Вскорѣ онъ узналъ, что Бромеръ съ дочерью въ Висбаденѣ и что они не получали никакихъ извѣстій отъ Гарлена. Разъ какъ-то, въ библиотекѣ, читая газеты, Карль замѣтилъ старика, внезапно вскрикнувшаго по шведски: «Какая низкая ложь!» Узнавъ тестя, Карль побѣжалъ за нимъ. Догнавъ его, онъ поздоровался со старикомъ, выражая притворное удивленіе и радость; потомъ спросилъ, получилъ ли онъ письмо о дочери Агды (разумѣется, онъ никогда не писалъ его), въ которомъ онъ, Карль, просилъ тестя помочь несчастной дѣвушкѣ, которую ему удалось найти. Рѣшась дѣйствовать по обдуманному плану, Карль прежде всего удостовѣрился, что старику еще неизвѣстенъ адресъ Бромера. На вопросъ о причинѣ его прїѣзда, Гарленъ объяснилъ, что желаетъ видѣть внучку. Карль рассказалъ тогда, что Бромеръ, проигравъ все состояніе, уѣхалъ изъ Висбадена, и что онъ, Карль, намѣревается уѣхать въ Швецію за Бромеромъ, желая вырвать дочь Агды изъ рукъ человѣка, который, обанкротившись, вѣроятно, станеть торговатъ красотою дѣвушки. Тронутый его словами, старикъ довѣрчиво объяснилъ о своемъ намѣрѣ помочь внучкѣ. Карль готовъ былъ рѣшиться на все, не желая допустить, чтобы состояніе, казавшееся ему собственностью, на половину уменьшилось изъ-за капріза старика, рѣшившагося оказать справедливость внучкѣ. Повѣривъ, что Карлу извѣстно мѣстопребываніе Бромера, Гарленъ спѣшилъ отъѣздомъ въ Швецію. Карль уговаривалъ его остататься, зная заранѣе, что онъ не измѣнитъ разъ принятаго рѣшенія, но, по крайней мѣрѣ, поѣхать въ Ниццу, прїѣхавшую въ Висбадень лечиться.

— Нѣтъ, я уѣзжаю завтра, отвѣчалъ старикъ. — Я не совсѣмъ доволенъ Ниццу, она первая выдала Агду. Поклонись ей отъ меня и скажи, что моего камердинера убили.

— Убили! вскричалъ обрадованный Карль; казалось адскія силы помогали исполненію его плана.

«На слѣдующее утро, онъ пришелъ къ Гарлену, предлагая помочь ему въ Швеціи, если Бромеръ вздумаетъ скрыть дочь Агды. Вечеромъ они прїѣхали въ Стокгольмъ и, по совѣту Карла, не останавливаясь, сѣли въ карету и отправились въ Альтропъ, гдѣ воспитывалась дочь Агды, и гдѣ можно было узнать отъ пасторши Бругренъ о ея мѣстопребываніи и безъ скандала отнять ее отъ Бромера. Старикъ соглашался на все. Предполагалъ, что вечеромъ человѣкъ прїѣхать въ Альтропъ, Карль предложилъ переночевать въ его имѣніи. Они прїѣхали очень поздно; Карль провелъ Гарлена въ жилой домъ, занятый старымъ солдатомъ, находившимся въ полной власти полковника, спасшаго его отъ послѣдствій какого-то плутовства. Солдатъ, не видя старика на другой день, сталъ подозрѣвать, что Карль скрылъ его куда-нибудь, но не смѣлъ высказать своего мнѣнія, боясь лишить себя и свое семейство,

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ГРЮЦНЕРА.

ство покровительства полковника. Упрятав Гарлена въ комнату рядомъ со своею и забивъ окно, Карлъ объявилъ ему, что при малѣйшемъ крикѣ о помощи или стараніи уйти, онъ убьетъ его; а затѣмъ пустилъ въ газетахъ слухъ, что Гарленъ убитъ и ограбленъ, всего вѣроятнѣе своимъ пропавшимъ камердинеромъ. Извѣстіе о смерти отца убило Нину. Умирая, она просила Карла Брогрена напомнить мужу, чтобы онъ отдалъ дочери сестры причитающуюся ей часть состоянія. Зная эту тайну, Брогренъ принудилъ полковника оказать ему пропекцію при поступленіи на службу.

«Черезъ два года я явился въ Швецію, намѣреваясь черезъ Лотти узнать подробности о дочери Агды. Раньше еще я встрѣтился съ Бромеромъ и получилъ отъ него некоторыя свѣдѣнія; въ день свадьбы Эльвиры, онъ подвелъ ее къ окну, чтобы показать мнѣ. Съ первого взгляда я полюбилъ ее. Лотти нечаянно въ разговорѣ упомянула о томъ, что Карлъ продалъ Тимасіо и безвѣздно живеть въ небольшомъ имѣніи. Ненавидя его, я рѣшился узнать прічпну, приводившую его жить въ этомъ имѣніи. Слухъ о томъ, будто онъ, послѣ смерти фабриканта, нашелъ кладъ и до того сталъ подозрителенъ, что допускаетъ въ свою комнату одного Флинка, не напомнилъ другой прислуги изъ боязни воровъ, павель меня на истину. Не буду рассказывать, какъ мнѣ удалось выѣдать отъ Флинка, что полковникъ пріѣхалъ со старикомъ, который вслѣдъ затѣмъ исчезъ. Я сейчасъ же отправился въ Италію, гдѣ пришелъ къ заключенію, что Гарленъ не умеръ, а находится во власти Карла, который, не имѣя смѣлости убить старика, похоронилъ его заживо, держа въ заключеніи. Этой тайнѣ я обязаюсь властю падь свободою и честью Карла.

«Уединенное заключеніе лишило старика зреѣнія; отъ слабости онъ даже впалъ въ дѣтство. Мнѣ удалось уговорить его, для изѣжанія скандала, при людяхъ выдавать себя за моего отца. Единственнымъ его желаніемъ было увидать внучекъ и, возвративъ дочери Агды законныя права, сдѣлать ее наследницей половины имущества. Онъ уже обнялъ дочь Нину, смерть похитила дочь Агды.

Марта сидѣла, облокотясь на руку, полковникъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, лордъ Кастертонъ рукою придерживалъ повязку.

— Теперь, милордъ, помолчавъ, сказалъ Штромъ,—мнѣ остается только пояснить вамъ нѣкоторые поступки вашей супруги. Впрочемъ, къ чему можетъ это послужить; она умерла и прошлое похоронено съ нею! Ограничусь лучше передачею письма, назначенаго милорду, по украденнаго, почему и не дошло по назначению. Оно писано сэромъ Сиднеемъ въ минуту отправленія на дуэль съ Бромеромъ; выѣзжая изъ дома Лембургъ отправилъ его къ вамъ, желая, чтобы оно дошло до васъ, каковъ бы ни былъ исходъ дуэли.

Марта скрыла лицо въ посовой платокъ, когда Штромъ протянулъ письмо Эдвину; если она и согрѣшила, то была достойно наказана въ эту минуту.

— Все же я желаю объявить милорду, въ присутствіи особъ здѣсь находящихся, продолжать капитанъ,—что леди была искренно привязана къ милорду. Въ день третьей разлуки, она получила письмо отъ Фредерика Брогрена, просившаго ее пріѣхать въ Альтропъ для получения свѣденій объ ея рожденіи, которыя она поручила ему собрать по пріѣздѣ въ Тимасіо. Фредерикъ, встрѣтя ее въ саду, сообщилъ, что отецъ ея поддѣлъ ассигнаціи, мать, изъ любви къ нему желавшая скрыть преступленіе, попала въ тюрьму, гдѣ и скончалась. Вотъ причина, побудившая вашу супругуѣхать въ Альтропъ. Вы

за нѣсколько часовъ отпали въ Скокгофъ, по полученіи письма отъ моей жены, писавшей вамъ о происхожденіи вашей супруги. Я не знаю, что произошло между вами; мнѣ извѣстенъ только результатъ разговора, а именно поѣздка ваша въ Крымъ. Боюсь, не вина-ли это моей жены, вмѣшившейся въ вашу семейную тайну.

— Нѣтъ, г. капитанъ, прервалъ его Эдвинъ,—ваша супруга напрасно беспокоилась; передъ смертью, маркиза разсказала мнѣ исторію родителей Эльвиры. Осмѣлюсь напомнить вамъ, г. жа Штромъ, что я поѣхалъ васъ единственno изъ желанія сообщить вамъ, что знаю о происхожденіи моей супруги; я даже имѣлъ смѣлость, если не ошибаюсь, сказать вамъ, что леди Кастертонъ приходится вамъ кузиною.

— Ты мнѣ ничего не сказала, мой ангелъ, замѣтилъ капитанъ;—однако, оставилъ этотъ разговоръ; мнѣ остается только прибавить, что Арвидъ Штромъ былъ убитъ въ Алжирѣ, Августъ же Дальстромъ присвоилъ себѣ его имя. Я—бѣжавшій мужъ Агды, упизившійся до того, что допустилъ ее подвергнуться наказанію за мое преступленіе. Я, мужъ Мары, никто иной, какъ поддѣлыватель ассигнацій Августъ Дальстромъ.

Наступило молчаніе; смертельно блѣдная Марта сидѣла, высоко закинувъ голову, полковникъ походилъ на призракъ.

— Теперь когда всѣмъ извѣстно, кто я, мнѣ остается представить м-съ Бровъ. Она—моя сестра, тетка леди Кастертонъ. Это она предупредила милорда о намѣреніи Эльвиры выйти на сцену. Сестра разсказала мнѣ объ интригахъ, окружавшихъ мою dochь; она убѣдила Эльвиру въ коварствѣ Армиды, дѣйствовавшей изъ ревности и жадности, и сообщила ей, что лорду давно извѣстна тайна ея происхожденія. Она провожала Эльвиру, пожелавшую раздѣлить опасности мужа или умереть съ нимъ, въ Крымъ. Смерть расторгла бракъ, къ расторженію котораго стремились многіе. Одинъ лордъ можетъ рѣшить, счастливѣ-ли онъ теперь.

— Прочь повязку! вскричалъ Эдвинъ, поднимаясь во весь ростъ, и срывая повязку,—не хочу больше разыгрывать роль слѣпого!

Твердыми шагами направился онъ къ окну, гдѣ стояла Марія, взялъ ее на руки и вынесъ на середину комнаты.

— Леди Кастертонъ не умерла, она жива и прощаетъ врагамъ своимъ и ея матери, сказалъ онъ.

Поставивъ свою легкую пошу на поль, онъ прибавилъ, цѣляя ея руки:

— Ахъ, Марія, съ первой минуты я узпалъ Эльвиру; прости мнѣ, что я представился слѣпымъ изъ желанія испытать сердце, чтобы въ счастливый день, какъ сегодня, узнать, какъ сильно оно меня любить!

Прижалъ жену къ своей груди, онъ подвелъ ее къ капитану.

Въ то время, когда раскаявшійся отецъ въ первый разъ обнялъ dochь, полковникъ пробороматъ, схвативъ Марту за руку:

— Выходи отсюда!

Пройдя нѣсколько шаговъ онъ покачнулся и упалъ; съ nimъ сдѣлался ударъ.

VIII.

Настала ночь, въ комнатѣ, гдѣ скончалась маркиза Бризье, лежалъ полковникъ Стангенскій. Докторъ, Марта и Штромъ находились при больномъ, лежавшемъ безъ сознанія, Штромъ, безъ прѣжней строгости, съ участіемъ и состраданіемъ смотрѣлъ на Марту, убитую горемъ отъ неожиданнаго потрясенія. Исходъ удара былъ неизвѣстенъ. Къ утру полковникъ пришелъ въ себя, что подало надежду на выздоровленіе, по докторъ боялся, что онъ останется калѣкою.

Черезъ недѣлю послѣ этихъ событий, возвратившихъ Гарлена—внучку, Лотти—воспитанни-

цу, Эльвира мужа и отца, лордъ и леди Кастертонъ готовились къ отѣзду изъ Тимасіо, желая вернуться въ Англію и тамъ спокойно предаться съ трудомъ достигнутому счастью. М-съ Бровъ должна былаѣхать съ ними. Эльвира желала взять съ собой дѣда, но Гарленъ захотѣлъ остаться въ Тимасіо у мужа Марти, которому былъ обязанъ свободою и притомъ съ нимъ однѣмъ онъ могъ говорить про возлюбленную dochь. Лордъ Кастертонъ подарилъ отцу Эльвиры Тимасіо. Армидѣ, по просьбѣ Эльвиры, оставлена ея пенсія. Лотти получила въ подарокъ Альтроптъ; она пожелала остаться при слѣпомъ отцѣ Агды.

— Богъ исполнилъ мою молитву, сказала она,—давъ мнѣ дождь до дня, въ который я вижу Эльвиру счастливой, уважаемой и богатой. Мнѣ остается теперь посвятить себя ухаживанью за отцемъ моей возлюбленной госпожи, такъ какъ dochь ея не нуждается больше во мнѣ.

Согласившись съ Лотти, счастливые супруги простились со Швеціей. Арміда, потерявшая всякую возможность вредить Эльвири, предалась ханжеству, все-таки надѣясь играть какую-нибудь выдающуюся роль въ свѣтѣ.

IX.

Въ родовомъ имѣніи Эдвина дѣлались большія приготовленія къ встрѣчѣ лорда съ его воскресшей супругою. Онъ писалъ, чтобы встрѣтили достойнымъ образомъ леди, слухъ о смерти которой къ счастію оказался ложнымъ.

Сентябрьское солнце ярко освѣщало Кастертонъ въ то время, когда лордъ въ экипажѣ четверней вѣзжалъ во дворъ своего дома, гдѣ собралась парадно-одѣтая прислуга. Ворота и лѣстница были убраны цветами и зеленью. Прислуга, къ немалому своему удивленію, узнала въ леди Кастертонъ бывшую сидѣлку Марію.

Черезъ нѣсколько часовъ супруги вдвоемъ сидѣли въ той библиотекѣ, гдѣ мы видѣли въ послѣдній разъ больного съ его сидѣлкою Марію. Эльвира заняла свое прежнее мѣсто на низкомъ стулѣ у дивана, на которомъ сидѣлъ Эдвинъ. Облокотясь на его колѣни, она со страстью любовью смотрѣла на мужа; его рука покосилась на ея плечѣ, онъ тоже смотрѣлъ на нее.

— Теперь, моя дорогая, возлюбленная Эльвира, сказалъ онъ,—ты получиши давно ожидаемое объясненіе; я нарочно ждалъ первого вечера на родинѣ. Какъ приятно звучать слова «наша родина», какъ долго пришлось мнѣ ждать минуты, въ которую я вправѣ сказать: «ты моя вполнѣ».

— Всегда-ли эта любовь была въ твоемъ сердцѣ, Эдвинъ? сказала Эльвира.—Моя любовь къ тебѣ была причиной всѣхъ моихъ промаховъ.

— Нѣтъ, Эльвира, возразилъ Эдвинъ, проведя рукою по ея гладкому лбу,—причиною всѣхъ несчастій была не твоя любовь, а странное положеніе, въ которое мы поставили себя съ самаго начала: ты—твоимъ дѣтскимъ стремлениемъ за именемъ, я—принужденный пожертвовать собою ради денегъ. Я увѣренъ, что случись мнѣ встрѣтиться съ тобой не по требованію маркизы, мы были бы счастливы съ самаго начала.

— Мы не были достойны счастья, судя по тому, сказала Эльвира,—что оно такъ долго не давалось намъ.

— Можетъ быть! Все случилось къ лучшему, какъ мнѣ кажется, сказалъ Эдвинъ, цѣляя ее, потомъ продолжая, вынимая письмо изъ кармана:—многіе старались разъединить насъ и не допустить сближенія, что доказывается этимъ письмомъ. Попадись оно мнѣ раньше въ руки, мы непремѣнно объяснились бы и я не отправился бы въ Крымъ. Это письмо Сиднея.

— Добрый, благородный другъ! промолвилъ Эльвира.—Зачѣмъ поддавалась я оскорблѣнной гордости, не слушая его совѣтовъ!

— Желаешь ты прочесть его письмо?

— Прочти лучше ты! отвѣчала Эльвира, кладя голову на колѣни Эдвина

«Лордъ Кастертона! Я берусь за перо съ полной увѣренностью, что письмо это будетъ по-слѣднимъ, написаннымъ мною. Мой часъ насталъ, завтра меня не будетъ на свѣтѣ. Хорошо если это случится, леди Кастертона простить мнѣ не-сдержанное обѣщаніе. Выдаю довѣренную мнѣ тайну въ полной увѣренности, что завтра я буду убитъ. Унести ее съ собою значило бы похоронить ея и твоє счастье; я же хочу, чтобы моя смерть принесла благополучіе ей—единственной женщинѣ, которую я любилъ, и тебѣ — моему единственному другу. Передаю ея собственные слова, сказанныя мнѣ, когда я пріѣхалъ въ Тимасіо, съ цѣлью потребовать объясненія. «Я пріѣхала въ Висбаденъ, сказала она, — съ дѣтскимъ желаніемъ сдѣлать блестящую партію и получить имя честное и извѣстное. Сердце мое было полно тщеславія и высокомѣрія; черезъ недѣлю отецъ объявилъ мнѣ, что я могу сдѣлаться супругою благороднаго лорда. Онъ, вѣроятно, видѣлъ меня, такъ какъ переговорилъ съ д'Орбо о желаніи быть мнѣ представлена мъ. Я отправилась въ театръ полная тщеславій надеждъ. Увидавъ лорда Кастертона, я въ душѣ пожелала, чтобы онъ былъ безъ имени и состоянія, тогда я осмѣлилась бы полюбить его. Онъ на другой день сдѣлалъ мнѣ предложеніе, что въ одно время осчастливилъ меня и навело на меня грусть. Какъ кажется, я уже тогда любила его, меня мучила мысль, что его знатное имя не припесетъ намъ счастья. Послѣ его отѣзда, я познакомилась съ вами. Въ моей дружбѣ къ вамъ много искрѣнности, къ будущему мужу я чувствовала такую сильную привязанность, что она даже пугала меня. Я желала спокойно любить его, какъ васъ, но не смотря на это скрѣ соглашалась бы умереть, чѣмъ отказаться отъ этого нескромнаго, сильно волнишаго, но прекраснаго чувства. По выходѣ за него замужъ, для меня не существовало другихъ мужчинъ, но съ усиленіемъ моей любви, я стала замѣтать, что онъ не любитъ меня, въ чемъ удостовѣрилась, подслушавъ вашъ разговоръ съ пимъ. Я рѣшилась не служить болѣе бременемъ для любимаго человѣка, гордость побуждала меня разойтись съ пимъ. Не смотря на то, что я не могла полюбить другого, я скрѣ соглашалась бы разорвать свое сердце, чѣмъ показать человѣку, женившемуся на мнѣ изъ расчета, какъ сильно я люблю его; никогда не могла я рѣшиться на униженіе предложить ему любовь, на которую онъ не отвѣчалъ; я умерла бы отъ стыда за свою слабость». Вотъ тайна, довѣренная мнѣ Эльвирою, я обѣщалъ свято хранить ее! Не держу обѣщанія въ надеждѣ принести пользу твоей женѣ. Забылъ еще прибавить, твоя жена намѣревалась выйти на сцену, желая освободить тебя отъ обѣщанья, даннаго тобою маркизѣ: не разрывать вашего брака. Леди Кастертона думала, что поступлениемъ на сцену, она возвратить тебѣ свободу пользоваться счастьемъ съ Мартой, къ чemu, по ея мнѣнию, она одна стояла препрадою. Всѣ ея проступки были слѣдствіями любви и само-пожертвованія; она сознавалась мнѣ въ этомъ на вѣчерѣ у шведскаго посланника. Тебѣ извѣстно теперь, Кастертона, какъ сильно твоя жена любить тебя; я знаю, что самъ ты привязанъ къ ней съ ревнивою страстью. Почему бы вамъ не объясняться? Ты такъ близокъ къ счастью, тебѣ стоитъ только протянуть руку и ты завладѣешь имъ! Относительно Марты Стангескіольдъ, мнѣ остается прибавить, что она злѣйший врагъ твой жены; замѣта мою любовь къ Эльвири, она всѣми силами старалась внушить мнѣ мысль, что я любимъ ею, надѣясь заставить меня забыть долгъ чести и предаться голосу любви. Тутъ только понялъ я старанія мисс Армиды убѣ-

дить меня, что любовь Эльвиры къ Карлу Бргрену проснулась спова, въ этотъ же вечеръ объяснился я съ нею... Я умру спокойно, если пуля Карла Бргрена испишетъ меня жизни, съ сознаніемъ, что любилъ какъ честный человѣкъ, и что женщина, любимая мною, достойна любви моего лучшаго друга... Будь здоровъ, лордъ Кастертона, клапайся той, чей образъ сойдетъ со мною въ могилу. Старайся осчастливить Эльвиру, люби ее такъ же свято и глубоко, какъ твой искренний другъ

Сидней Лембурнъ».

Долго молчали они, чтеніе письма напомнило имъ о благороднѣшемъ и лучшемъ другѣ.

— Каждое слово этого письма вѣрно изображаетъ его характеръ, сказала Эльвира. — Ахъ, возлюбленный мой, ты не знаешь еще какъ много я обязана ему! Онъ первый, открывъ мое памѣреніе выступить на сцену, направилъ м-съ Бровъ па настоящій слѣдъ и уговорилъ г-жу М. явиться въ рѣшительную минуту. Онъ однѣ спасъ меня изъ пропасти, въ которую я едва не попала! Ослѣпленная, цѣлыя мѣсяцы я подготовлялась къ этому шагу, появляясь въ Парижѣ, Бѣнѣ, Римѣ и даже въ Лондонѣ богатою свѣтскою леди Кастертона, чтобы, когда все узнаютъ меня, принудить тебя нарушить обѣщаніе, данное маркизу. Я готова была на всякий шагъ, унижающій меня какъ твою жену, изъ желанія освободить тебя, такъ мучили меня слова, написанныя тобою Мартѣ: «Выбрось эту женщину изъ моей жизни и я буду счастливѣшъ смертнымъ!»

— Что было не совсѣмъ легко, такъ какъ я самъ не желалъ этого, улыбался сказъ Эдвина.

— Къ сожалѣнію, я узнала объ этомъ слишкомъ поздно! отвѣчала Эльвира. — Но мнѣ все-таки не ясно твое удаленіе въ Крымъ; я поми-ма теперь, что не извѣстіе о моемъ происхожденіи побудило тебя отправиться туда? Зачѣмъ прикинулся ты слѣпымъ, когда узналъ меня раненый па полѣ битвы?

— Объясненіе очень просто, сказъ Кастертона. — Поѣхавъ, по указанію Армиды, въ Альтропъ, я увидалъ тебя съ женщиной, котораго въ сумерки принялъ за Карла Бргрена; мнѣ настолько извѣстенъ шведскій языкъ, что я понялъ слѣдующія слова, сказанныя тобою: «я брошусь къ ногамъ мужа и сознаюсь въ своемъ позорѣ, онъ, можетъ быть, оттолкнетъ меня, но все же проститъ». Потомъ ты сказала что-то о любви, доведшій до преступленія; вѣроятно ты говорила о твоей матери, я же предположилъ, что ты имѣешь въ виду себя. Не стану описывать впечатлѣнія этого разговора на меня. Долго бродилъ я по лѣсу, потомъ вернулся въ Тимасіо ночью, съ твердымъ памѣреніемъ уѣхать, покинуть тебя павсегда безъ злости, скандала и обвиненія. Обдумавъ прошлое, я рѣшилъ, что я не въ правѣ дѣлать тебѣ упреки. Когда я, раненый узналъ тебя, я вообразилъ, что тебя привело въ Крымъ раскаяніе; но мнѣ нужно было убѣдиться въ этомъ; мнѣ помогло воспаленіе глазъ и согласіе доктора увѣритъ тебя, что я ослѣпъ. Отъ камердинера и м-съ Бровъ, единственныхъ личностей, знавшихъ тебя, я узналъ о твоемъ за-прещеніи сообщать мнѣ, что сама ты выдала одну изъ умершихъ сидѣлокъ за леди Кастертона.

— Да, я воспользовалась ея смертью, желая освободить тебя отъ жены, по милости которой ты искалъ смерти.

— Но которую нашелъ однако любящую и готовую пожертвовать собою, сказалъ Эдвинъ, заключая Эльвиру въ свои объятія.

Счастье, такъ долго недававшееся обоямъ супругамъ, сопутствовало пимъ безъ малѣйшей тучки всю оставшую жизнь. Эдвинъ сдѣлался извѣстнымъ ораторомъ Англіи. Эльвира подарила ему

двухъ сыновей, что еще болѣе увеличило счастіе родителей.

Посѣща отца Эльвиры въ Швеціи, они съ удовольствіемъ замѣчали, что разслабленіе полковника, продолжавшееся до смерти, послужило къ сближенію между Мартой и Штромомъ, такъ что они жили дружно и спокойно, если и не вполнѣ счастливо; Штромъ былъ постоянно добѣ съ женой, но не могъ забыть прошлаго, разѣ-лявшаго ихъ.

Гарленъ спокойно уснулъ черезъ два года послѣ соединенія Эльвиры съ лордомъ Кастертономъ; тѣло его покоятся на томъ же кадицѣ, где похоронена маркиза.

Лотти, удивившаяся послѣ его смерти въ Альтропѣ, вѣдѣ спокойную жизнь, радуясь счастью, выпавшему на долю Эльвиры.

Графъ Павель Николаевичъ Игнатьевъ.

20 декабря, въ 2 часа пополудни скончался одинъ изъ полезнѣшихъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, графъ Павель Николаевичъ Игнатьевъ. Человѣкъ добрый, умѣвший входить въ положеніе людей, къ нему обращавшихся, графъ Игнатьевъ возбуждалъ къ себѣ симпатію въ представителяхъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ классовъ. При этомъ онъ обладалъ рѣдкимъ безкорыстіемъ: занимая разомъ пѣсколько должностей, онъ бралъ жалованье по одной изъ нихъ, отказываясь отъ содержанія, присвоенного другимъ, занимаемымъ имъ должностямъ. Въ послѣднее время своей жизни онъ состоялъ: предсѣдателемъ комитетовъ—министровъ и кавказскаго, членомъ государственного совѣта, предсѣдателемъ комиссіи прошеній, членомъ императорскаго человѣколюбиваго общества, почетнымъ членомъ академіи наукъ, московскаго университета и петербургской медико-хирургической академіи; жалованья же онъ получалъ всего 12,000 руб. по званию члена государственного совѣта.

Павель Николаевичъ родился 7 июня 1797 года; онъ происходилъ изъ дворянъ тверской губерніи; образование получило въ московскомъ университѣтѣ. Въ службу онъ вступилъ въ 1814 году въ преображенскій полкъ подпрапорщикомъ; первый офицерскій чинъ получилъ въ 1817 году; назначенъ флигель-адъютантомъ къ государю императору въ 1825 году; въ 1828 году онъ былъ уже полковникомъ; въ 1829 году онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи прошеній, членомъ императорскаго человѣколюбиваго общества, почетнымъ членомъ академіи наукъ, московскаго университета и петербургской медико-хирургической академіи, а въ 1850 году избранъ въ почетные члены этой академіи; въ 1852 году назначенъ членомъ государственного совѣта; въ 1853 году назначенъ витебскимъ, могилевскимъ и смоленскимъ генералъ-тубернаторомъ, а на слѣдующій годъ—петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ; въ 1855 году избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета, а въ 1856 году членомъ академіи наукъ; произведенъ въ генералы отъ инфanterіи въ 1841 году былъ назначенъ начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній. Въ 1846 году, оставилъ начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній, Павель Николаевичъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба его величества; въ томъ же году онъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ къ его императорскому величеству. Въ 1848 году генералъ Игнатьевъ былъ назначенъ попечителемъ императорской медико-хирургической академіи, а въ 1850 году избранъ въ почетные члены этой академіи; въ 1852 году назначенъ членомъ государственного совѣта; въ 1853 году назначенъ витебскимъ, могилевскимъ и смоленскимъ генералъ-тубернаторомъ, а на слѣдующій годъ—петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ; въ 1855 году избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета, а въ 1856 году членомъ академіи наукъ; произведенъ въ генералы отъ инфanterіи въ

1859 году. Въ 1861 году генераль Игнатьевъ уволенъ отъ должности петербургскаго военнаго губернатора. Съ тѣхъ поръ генераль Игнатьевъ, состоя членомъ государственного совѣта и дѣятельно участвую въ его работахъ, занималь много должностей въ различныхъ комитетахъ и коми-сіяхъ. Въ 1867 году, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія служенія его въ офицерскихъ чинахъ, Павлу Николаевичу пожалованъ орденъ Андрея первозваннаго. Въ 1864 году генераль Игнатьевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи прошеній, а въ 1872 году предсѣдателемъ комитета министровъ. 12 декабря 1877 года Павель Николаевичъ возведенъ въ графское до-стоинство съ нисходящимъ потомствомъ.

числу лучшихъ произведеній Грюцнера: здѣсь художникъ предлагаешьъ не этюдъ съ натуры отдельного какого-нибудь католического монаха, а цѣлую группу, цѣлую сцену, удачно задуманную, очень ловко исполненную, полную свойственаго художнику юмора.

Въ пивной. Вотъ и еще пиръ, но пиръ, вызывающій не улыбку, а чувство грусти, — пиръ въ грязценькомъ придорожномъ шинкѣ, — пиръ подонковъ городскихъ низшихъ классовъ. Здѣсь все пьяно, все буйно. Среди этой испрывающей толпы только одна молодая личность возбуждается сочувствіе: это молодой работникъ, спарадившійся въ дорогу, быть можетъ, готовый отплыть въ Америку искать нового счастья въ «Новомъ

я промыслилъ на превысочайшую царскую степень такого великаго и праведнаго царя». Христианство православное было въ недоумѣніи, въ скорби многой, въ плачѣ неутѣшномъ...» Такъ говорится объ этой сценѣ избрания на царство Бориса Годунова, которую передаетъ рисунокъ.

Рѣшительная минута. Сынъ знаменитаго художника К. Каульбаха, Ф. Каульбахъ, давно уже стяжалъ себѣ за границей довольно почетную известность. Одно изъ послѣднихъ, вышедшихъ изъ-подъ его кисти произведеній, «Рѣшительная минута», очень граziозна: передъ зрителемъ одно изъ уединенныхъ мѣстечекъ парка, на скамьѣ сидить пара влюбленныхъ, опъ нови-димому задаетъ ей одинъ изъ тѣхъ вопросовъ,

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ. КАРТИНА ГЕНЦЕЛЕРА.

Въ шиной.

Добрую память оставилъ по себѣ покойный графъ, какъ человѣкъ гуманный и безукоризнен-
ной честности и полезный государственный дѣя-
тель.

которые опредѣляютъ все будущее женщины. Страстное и пасторальное выраженіе его лица, испугъ, написанный на ея лицѣ, схвачены очень удачно и вы понимаете, что действующія лица переживають действительную «решительную минуту», что должно идти о «жизненномъ вопросѣ». Мы не объясняемъ остальныхъ картинъ, такъ какъ ихъ содержаніе ясно само собою: девочка съ цветами и «мальчикъ, стреноживающій лошадь»,—это этюды съ натуры.

этой говорится, что нѣмцы берутся даже за исправленіе носовъ. Можно изъ этого заключить, что русскіе этого дѣлать не могутъ. Въ опроверженіе чего я прилагаю рисунокъ искусственнаго носа, оперированного докторомъ Орловымъ, въ г. Боровичахъ (новг. губ.) у 16-лѣтней дѣвицы. Изъ двухъ прилагаемыхъ рисунковъ на 1-мъ имѣются остатки носа, хрящи и черная дыра—мѣсто надпереносъя, где лежатъ носовая кости въ нормальномъ состояніи, и которые въ такомъ случаѣ

съ какимъ были встрѣчены и прежнія его изданія. Г. Лейкинъ — почти единственный у насъ талантливый юмористъ, выбравшій себѣ предметомъ наблюденій мелкое купечество и дворниковъ Петербурга. Понятно, какъ широко, можно сказать, безгранично поле его наблюденій. Они-то и составляютъ типъ «соврасовъ безъ узды», — слѣдя выраженію г. Лейкина, — которыхъ онъ изучаетъ съ интересомъ и даже съ любовью, — любовью художника, конечно. Изучаетъ онъ ихъ

дворника, горничной, лакея, перевозчика. Можетъ быть, въ этой монографіи читатель замѣтитъ нѣкоторое однообразіе психическихъ чертъ, увидитъ нѣкоторую односторонность и шаржъ въ изображеніи типическихъ особенностей, можетъ быть, онъ скажетъ даже, что такая картина не только односторонна, но даже, пожалуй, поверхностна, такъ какъ авторъ изображаетъ одними и тѣми же красками, какъ купца, такъ и дворника, или солдата, надѣляетъ ихъ одними и тѣми же

Графъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ.

не существуютъ; болѣе темный фонъ около дыры, мѣсто язвы, распространившейся на окружность. На рисункѣ 2-мъ изображенъ искусственный носъ, закрывшій дыру, язву и совершенно измѣнившій физиономію, и взятый съ лба, какъ это еще видно по штрихамъ расходящимъ отъ корня носа въ сторону по лбу.

— Соврасы безъ узды,—юмористические разсказы Н. А. Лейкина. Нѣть никакого сомнѣнія, что новый томъ разсказовъ Н. А. Лейкина будетъ встрѣченъ публикой съ такимъ же удовольствіемъ,

во всѣхъ особенностяхъ ихъ жизненной обстановки, въ частной жизни, на поприщѣ ихъ общественной дѣятельности, дома и на улицѣ, въ гостинномъ дворѣ и на гуляньяхъ, въ сношеніяхъ съ публикой и въ семейной обстановкѣ. Онъ знакомить насъ съ ихъ общественными идеалами, политическими мнѣніями, взглядами на семью, литературу, нравственность. Однимъ словомъ, рассказы г. Лейкина, это,—если можно такъ выразиться,—обширная и довольно обстоятельная монографія въ беллетристической формѣ,—куща,

своебразными выраженіями, видеть въ нихъ одно лишь проявленіе того, что называется: нраву моему не препятствуй,— но если въ частностяхъ картина не полна, карикатурна, схвачена на лету,—то въ цѣломъ она все-таки знакомитъ насъ съ нашими Тить Титычами и даетъ вѣрное понятіе о ихъ нравственномъ и умственномъ кругозорѣ,—даетъ въ легкой, талантливой и остроумной формѣ.

— Ель (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Эти дни ель играетъ большое значеніе въ жизни оби-

тателей столицы. Не мѣшаетъ познакомиться болѣе близко съ этимъ деревомъ. Ель принадлежитъ къ семейству елевыхъ изъ отряда шишконосныхъ или хвойныхъ. У наѣтъ ель заходить на сѣверъ до мѣстъ съ температурой -1° . Южная граница распространенія ея слѣдующая: отъ сѣверныхъ уѣздовъ волынской губерніи черта поднимается къ верху чрезъ сѣверный уголъ кievской губерніи, проходитъ затѣмъ чрезъ черниговскую губернію, перебираясь въ уѣзды брянскій, карачевскій и трубчевскій орловской губерніи; въ тульской губерніи ели нѣтъ, а является она опять въ рязанской, тянется затѣмъ на сѣверо-востокъ чрезъ сѣверные половины тамбовской и пензенской губерніи и, завернувъ чрезъ самарскую, достигаетъ уральскихъ горъ пониже Уфы. Ель можетъ достигать до 22 сажень (150 футовъ) высоты и до 300-лѣтняго возраста. Не вдаваясь въ естественно-историческое описание ели, такъ какъ каждый можетъ легко ознакомиться съ нею въ натурѣ, скажемъ лишь о той пользѣ, которую она приноситъ. Мнѣ слушалось слышать не только отъ женщинъ, но даже и отъ мужчинъ мнѣніе, что ель идетъ лишь на дрова и елки. Ель служить какъ подстилка для скота. Кора ея употребляется для дубленія кожъ тамъ, где дубовая кора обходится очень дорого. Дубильное вещество находится только въ лубяномъ слоѣ коры. Затѣмъ ель употребляется съ успѣхомъ для живыхъ изгородей, а также въ крестьянскихъ постройкахъ. Сѣмена ели приносятъ только въ позднемъ возрастѣ, рѣдко ранѣе 50 лѣтъ. Кромѣ обыкновенной ели въ лѣсахъ Россіи растетъ еще ель сибирская. Этотъ видъ ели отличается преимущественно по шишкамъ.

Изящное изданіе. С.-петербургскій фотографъ, г. Шапиро, издалъ альбомъ, заключающій въ себѣ портреты пяти извѣстныхъ русскихъ писателей: гг. Гончарова, Достоевскаго, Салтыкова (Щедрина), Тургенева и покойного Некрасова. Всѣ портреты исполнены хорошо и обведены красной рамкой въ русскомъ стилѣ. Цѣна альбома, принимая въ расчетъ изящество изданія, недорогая: 5 руб. Альбомъ можно приобрѣтать и въ красной папкѣ, цѣна которой, отдельно отъ альбома, 1 руб. Этотъ альбомъ можетъ служить очень хорошимъ подаркомъ во время праздниковъ.

Картина Сальватора Роза найдена въ маленькомъ городкѣ Богеміи. Она изображаетъ бурю на берегу Адриатического моря и оцѣнена въ 1,250 ф. ст.

Землетрясеніе. 4-го декабря были признаны землетрясенія въ Женевѣ.

Подкрашиванье кофе. Среди множества фальсификацій, поддѣлокъ, подмѣшиваній и подкрашиваній тѣхъ или другихъ товаровъ, подкрашиванье кофе занимаетъ не послѣднее мѣсто. Почти весь кофе, получаемый напримѣръ у насъ, или подкрашивается, или подмѣшивается разными дешевыми суррогатами. Въ какихъ размѣрахъ производится эта фальсификація, это уже видно изъ того, что, напримѣръ, въ Гамбургѣ этому дѣлу отведенъ цѣлый очень обширный домъ, рисунокъ которого мы заимствовали изъ альбома г. Циммермана. Въ этомъ домѣ поддѣлка кофе идетъ почти исключительно для Россіи. Само зданіе очень оригинально по постройкѣ: здѣсь вы видите входные двери, похожія на ворота, во всѣхъ этажахъ; въ эти двери по доскамъ можно втянуть мѣшки; изъ этихъ дверей легко спустить внизъ мѣшки съ кофе.

Смерть въ различные часы дня. Извѣстный лондонскій врачъ, Лаусонъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій сообщаетъ множество интересныхъ наблюдений надъ временемъ смерти. Оказывается, что въ хроническихъ болѣзняхъ смерть наступаетъ преимущественно въ 8—10 ч. утра и рѣже всего вечеромъ. Въ острыхъ же болѣзняхъ умираютъ или рано утромъ, или поздно вечеромъ. Это наблюденіе вполнѣ согласно съ теоріей, такъ какъ утромъ жизнедѣятельность очень слаба, а къ вечеру возрастаетъ, то отсюда ясно, почему хронические больные умираютъ чаще всего утромъ. Усиленіе же лихорадочныхъ припадковъ по вечерамъ и происходящее

вслѣдствіе этого ослабленія организма служить причиной того, что въ острыхъ болѣзняхъ умираютъ большую частью вечеромъ.

Дѣйствіе лимона на долговѣчность. Вильгельмъ Шмоле, докторъ философіи и медицины и профессоръ патологіи, издалъ недавно книгу, въ которой даетъ наставление «какимъ образомъ продлить и уладить человѣческую жизнь новыми средствами рациональной медицины». Германскій докторъ совѣтуетъ людямъ съѣдать извѣстное количество лимоновъ и гарантируетъ имъ жизнь на вѣки. Онъ зналъ, какъ самъ говорить, извѣстную даму, которая въ свою очередь знала одного господина, дожившаго до 120 лѣтъ; это былъ графъ Вальдеекъ, извѣстный художникъ въ Парижѣ. Гр. Вальдеекъ съѣдалъ каждую весну цѣлые горы моркови, приправленной лимоннымъ сокомъ, и этому именно обязанъ онъ столь долгой жизнью. Не столько морковь, сколько именно лимоны произвели, по мнѣнію ученаго доктора, это благопріятное вліяніе на организмъ старика. Книга доктора Шмоле напечатана въ Боннѣ въ мѣстной университетской типографіи и заключаетъ цѣлые наставленія о долговѣчности съ помощью лимонного сока. Докторъ изъ Бонна даетъ слѣдующій совѣтъ: женщины, которымъ стукнуло сорокъ лѣтъ, должны начинать лимонное лѣченіе, съѣдая по два лимона ежедневно, мужчины того же возраста однимъ больше. Затѣмъ съ каждымъ новымъ десяткомъ лѣтъ нужно увеличивать ежедневную порцію однимъ лимономъ: такъ что, напр., шестидесятилѣтня бабушки должны были бы съѣдать ежедневно 6, а старички 7 лимоновъ. Пріятнаго аппетита! Сочитаемъ теперь, сколько лимоновъ долженъ быть съѣдать человѣкъ, который на сороковомъ году своей жизни началъ бы пользоваться совѣтами докт. Шмоле и желаетъ дожить до лѣтъ гр. Вальдеека, т. е. до 120 лѣтъ. Старичекъ этотъ на сотомъ году своей жизни съѣдалъ бы уже сборъ цѣлой плантации, а на 120-мъ году вся Италия съ трудомъ доставляла бы ему это рационное средство противъ смерти. Мечты о садахъ Геспериды, яблоки Фреи, которая придавала богамъ вѣчную молодость, перешли-бы, судя по словамъ доктора Шмоле, въ дѣйствительность. Авторъ лимонного лѣченія признается, что долго въ званіи доктора работалъ въ Америкѣ, что прочелъ все, что относится къ медицинѣ, и слушалъ лекціи извѣстѣйшихъ научныхъ свѣтиль. Жаль только, прибавляетъ одна изъ французскихъ газетъ, что почтенный профессоръ патологіи не признается, гдѣ онъ получилъ дипломъ на званіе доктора и благодѣтеля человѣчества.

Изъ-за телеграммы. Въ одну изъ телеграфныхъ станцій Парижа пришелъ недавно какой-то господинъ и подалъ телеграмму. Чиновникъ, прочтя ее, подозрительно взглянулъ на подателя и попросилъ его подождать. Чрезъ нѣсколько минутъ является полицейскій комисарь. Телеграфистъ, указавши ему на поданную телеграмму, выказалъ предположеніе, что здѣсь кроется, должно быть, ужасное преступленіе. Содержаніе ея: «Я нашелъ хорошее средство отправить Ф. на тотъ свѣтъ. Мери», показалось подозрительнымъ также и комисару, почему онъ и послѣдилъ арестовать подателя телеграммы, ждавшаго въ соседней комнатѣ. Въ тотъ же день дѣло разыяснилось. Оказалось, что податель, драматический писатель Мери, увѣдомляя своего товарища, Дюлокла, съ которымъ онъ вмѣстѣ писалъ драму, что онъ нашелъ средство заставить умереть героя пьесы, Фору. Префектъ полиціи послѣдилъ извиниться предъ писателемъ, такъ неожиданно попавшимъ въ бѣду.

Происшествіе въ звѣринцѣ. Въ Товандѣ, въ Пенсильвaniї, давалось недавно представление волтижеровъ, привезшихъ съ собою и звѣринецъ. По окончаніи представленія происходило, по обыкновенію, при зрителяхъ кормленіе звѣрей, которые при этомъ были отведены въ различные клѣтки; точно также было поступлено съ двумя львами и тигрицей, отдѣленныхъ другъ отъ друга только опускною решеткою. Но прежде, чѣмъ животные кончили свой обѣдъ, решетку эту неожиданно отворили; предъ тигрицей лежалъ еще

кусокъ сырого мяса и она уже намѣревалась схватить желанную добычу, какъ вдругъ царь звѣрей наложилъ на нее свою лапу. Укротитель, Дональдъ, приказалъ ему подняться, но такъ какъ левъ не слушался его, онъ попытался насиливо вырвать у него мясо вилами. Левъ страшно зарычалъ. Тогда, ко всеобщему изумленію и ужасу, Дональдъ вбѣжалъ въ клѣтку и всталъ между звѣрями, левъ бросился на хозяина и, ударивъ его лапою въ грудь, вырвалъ мясо, повалилъ на землю и разодралъ ему когтями бедро, когда подоспѣвшій на помощь товарищъ Дональда оттащилъ этого послѣдняго къ двери. Зрѣлище было ужасное; многія дамы упали въ обморокъ, дѣти кричали, поднялось всеобщее замѣшательство, какъ вдругъ укротитель звѣрей, собравъ послѣднія силы, поднялся на ноги и, устремивъ на льва пристальный взглядъ, подошелъ къ нему и ласково сказалъ: «Недѣль, что это съ тобой? неужели ты хочешь умертвить лучшаго твоего друга?» Левъ, какъ бы понявъ смыслъ каждого изъ сказанныхъ словъ, посмотрѣлъ на землю, приблизился къ куску мяса, указалъ на него, затѣмъ кротко улегся у ногъ укротителя и стала лизать ему руки.

Штраусъ — носильщикъ гробовъ. Царь вальсовъ Иоганъ Штраусъ имѣлъ обыкновеніе продавать тряпичнику свое поношенное платье; но, конечно, черезъ кого-нибудь, такъ чтобы покупатель не зналъ имени владѣльца. Однажды тряпичникъ, пересматривая принесенные ему для продажи сюртуки и фраки, замѣтилъ принесшему ихъ:

— Надо бы посовѣтовать этому господину не всегда переносить на лѣвомъ плечѣ!

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что если бы онъ иногда, хотя бы для разнообразія, несъ на правомъ плечѣ, вещи не были бы истерты всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Что съ вами? Неужели вы думаете, что господинъ, которому принадлежитъ это платье, носильщикъ?

— Ужъ знаю, сказалъ тряпичникъ, подмигивая съ видомъ знатока.—Меня не проводишь, я съ первого раза догадался, что это платье продаетъ мнѣ одинъ изъ представителей погребенія.

Конечно, читатель догадывается, что постоянній треніемъ скрипки о лѣвое плечо, образовалась пятна, которыхъ и сдѣлались причиной этого недоразумѣнія.

Покровъ. Къ числу религіозныхъ обязанностей султана относится ежегодная посылка въ Мекку драгоценного шелковаго покрова для священнаго храма въ Каабѣ. Доставка этого покрова поручается придворному чиновнику, который отправляется изъ Константинополя, черезъ Бейрут прямо въ Дамаскъ, гдѣ и пристраивается къ большому каравану богомольцевъ, отправляющемуся въ Мекку. Въ Алеппо, (въ Сиріи) живетъ одинъ престарѣлый дервишъ, который уже 59-й разъ сопровождаетъ султанскій подарокъ къ мѣсту назначения. Путь туда и обратно продолжается 5 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, въ настоящемъ году, почтенный дервишъ совершаетъ прогулку въ 60-й разъ. Шейхъ-Ибрахимъ, такъ зовутъ старца, во время тяжкой болѣзни далъ обѣтъ сопровождать ежегодно султанское покрывало и обѣтъ этотъ исполняется имъ свято.

Загадочное дѣтоубійство. Въ окрестностяхъ города Греца близъ Штотгинской долины толпа играющихъ дѣтей замѣтила изящно одѣтую молодую даму, которая несла въ рукахъ шкатулку. Пройдя нѣсколько разъ взадъ и впередъ, дама остановилась поодаль отъ дѣтей около дерева; тутъ она зарыла что-то въ землю и затѣмъ послѣднѣмъ удалилась. Лихорадочное волненіе дамы и необыкновенная быстрота, съ которой она спѣшила удалиться, бросилась въ глаза игравшимъ дѣтямъ; они побѣжали разскажать объ этомъ происшествіи. Собравшись народъ, стали отрывать землю и нашли шкатулку; когда раскрыли ее, то изумленнымъ взоромъ присутствующихъ представился трупъ новорожденного ребенка, тщательно уложеній въ деревянную шкатулку. Толпа бросилась вслѣдъ за скрывшей-

ся дамой; ее удалось настигнуть на дороге; она оказалась неюкою дѣвицей Камиллою, учительницей французского языка, вращающейся въ самыхъ высокого-аристократическихъ домахъ. Дальнѣйшее сдѣствіе обнаружило, что она не можетъ подлежать подозрѣнію въ дѣтоубийствѣ, такъ какъ врачебная экспертиза констатировала ея дѣвственность. Личность преступницы пока неизвѣстна.

Разводъ. Самое большое число случаевъ развода насчитывается въ штатѣ Орио, въ Америкѣ. Тамъ на 10 свадебъ непремѣнно случается одинъ разводъ. Въ 1878 году, въ Отѣ заключено было 25,796 браковъ, а вначалѣ этого года состоялось 1,394 бракоразводныхъ процесса. Число это, постепенно увеличиваясь, дошло къ концу настоящаго года до 2,024. Количествомъ оконченныхъ процессовъ равняется 1,432.

Крупная торговля. 25 октября происходило въ Парижѣ торжественное открытие расширенного зданія извѣстныхъ «Grands magasins du Louvre». — Въ настоящее время всѣхъ соединенныхъ залъ магазина — 365, столько, сколько дней въ году. О движениіи и дѣятельности этого громаднаго предпріятія можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Апараты, контролирующие число лицъ, посѣщающихъ ихъ магазины и устроенные при трехъ главныхъ входахъ отъ площади Пале-Рояль, улицѣ — Риволи, Маренго и св. Гонорія, показали, что впродолженіи этого дня въ магазины Лувра вошло 64,921 лицо. Общія кассы магазиновъ, въ числѣ несколькихъ десятковъ, обнаружили, что выручка въ этотъ день достигла небывалой, колосальной цифры — 1.135,372 ф. 8 сант. Шелковыхъ матерій продано на 400,000 фр., однихъ зонтовъ продано въ этотъ день на 7,000 фр., шелковыхъ платковъ на 25,000 и искусственныхъ цѣтовъ на 35,000 фр. Администрація магазиновъ получила въ этотъ день по утру 4,821 письмо изъ разныхъ странъ свѣта. Кромѣ телеграфнаго, почтоваго и телефоннаго бюро, буфета, читальни, мѣдальной и справочной конторы, въ настоящее время въ магаз. Лувра прибыла еще одна особенность въ распоряженіе посетителей. Въ одной изъ верхнихъ залъ стоитъ удобное кресло; если сѣсть на него, аппаратъ, помѣщающійся при десятичныхъ вѣсахъ, одновременно печатаетъ на бланкѣ фірмы цифру взвѣшиваемаго лица. Въ день открытия магазиновъ 3237 любопытныхъ могло удовлетворить себя въ этомъ отношеніи.

Гостиницы въ Нью-Йоркѣ. Въ 15 первоклассныхъ гостиницахъ въ Нью-Йоркѣ, которая немногимъ отличается отъ 108 второстепенныхъ, впродолженіи года проживало разновременно 1,500,000 человѣкъ, заплатившихъ круглымъ счетомъ 14 миллионовъ долларовъ. Въ этихъ 15 гостиницахъ выходитъ еженедѣльно 54,600 фунтовъ разныхъ продуктовъ; говядина въ годъ 600,000 фунтовъ, рыбы 600,000 и кромѣ того 5,000,000 яицъ, 1,500,000 живности и дичи, 10,000 бочекъ муки, 20,000 бочекъ картофелю, 150,000 фунтовъ кофе, 35,000 фунтовъ чаю, 700,000 фунтовъ сахара, 1,500,000 квартъ молока, 170,000 квартъ сливокъ и 450,000 фунтовъ масла. Прачечный этихъ гостиницъ моютъ ежегодно 19,000,000 штукъ бѣлья. На 60 миллионовъ кубическихъ футовъ ежегодно сжигается освѣтительного газа и каменного угла 25,000 тоннъ. Лѣду на эти заведенія расходуется 12,000 тоннъ въ годъ. Въ названныхъ 15 гостиницахъ имѣется 4,662 комнаты, въ которыхъ удобно помѣщается 6,030 персонъ, а въ крайности и 7,640. Гостей ежедневно прибываетъ и уѣзжаетъ среднимъ числомъ 3,925 человѣкъ; служащихъ въ гостиницахъ 1,456 женщинъ и 1,479 мужчинъ. Экипажей, которыми пользуются жильцы, конечно, за высокую плату, насчитываютъ до 396 штукъ. Круглымъ счетомъ каждый жилецъ гостиницы издерживаетъ ежедневно около десяти долларовъ.

Первая всемирная выставка въ Австралии. Никогда еще Сиднейская гавань не представлялась въ такомъ прелестномъ видѣ, какъ 15-го сентября въ день открытия большой международной выставки. Небо, которое въ предыдущие дни открыло свои шлюзы и проливало такие по-

токи дождя, какіе способно проливать только австралійское небо, теперь синее и ясное, отражалось въ прозрачныхъ волнахъ, на которыхъ раскачивались корабли всѣхъ частей свѣта, въ праздничномъ убранствѣ, разукрашенные флагами и вымпелами всевозможныхъ цѣтовъ. Между ними особенно отличались высотою и стройностью мачты, военные суда Великобританіи, Германіи, Франціи и Австріи. Въ губернаторскомъ паркѣ, рядомъ съ флагомъ Австралии, легкій вѣтерокъ развѣвалъ англійскіе, французскіе и австрійскіе флаги. Весь городъ былъ разукрашенъ; улицы пестрѣли разнородными костюмами всевозможныхъ національностей. Тутъ были и европейцы, и американцы, а также японцы, которыхъ такъ легко всегда узнать, даже и тогда, когда они одѣты въ безуказненное европейское платье, отъ лучшаго портнаго. Готовность, съ которой многие европейскіе страны приняли приглашеніе Австралии, превзошла ожиданія. Вначалѣ, имѣлась въ виду простая национальная

выставка, состоявшая изъ несколькихъ деревянныхъ бараковъ. Къ празднству стеклись представители всѣхъсосѣднихъ колоній и всевозможныхъ обществъ Ольдфело, Форестеръ, Друїда и прочія, въ своихъ живописныхъ и оригиналныхъ костюмахъ, въ сопровожденіи миллиций и пожарныхъ командъ. Воины разныхъ родовъ оружія проходили процесіями по улицамъ города; на каждомъ шагу попадались красные мундиры пѣхотинцевъ, синіе — артилеристовъ. Присутствіе этихъ послѣднихъ въ особенности всѣхъ удивляло, такъ какъ по слухамъ дождей, безостановочно лившихъ послѣднее время, артилеристамъ запрещено было отдалиться отъ ихъ квартиръ, находящихся за городомъ. Что именно имѣлось въ виду щадить при этомъ распоряженіи — самихъ ли людей или ихъ мундиры, неизвѣстно. Среди большого павільона выставки, на пьедесталѣ изъ которого бѣть фонтанъ, возвышается статуя королевы Викторіи, высоко читимой вдовы обожаемаго австралійцами принца. На большой эстрадѣ въ концѣ залы, украшенной тропическими растеніями, приготовлены мѣста для представителей иностраннѣхъ державъ. Къ нимъ присоединились аккредитованные въ Сиднейѣ консулы, офицеры стоящихъ въ Сиднейской гавани судовъ и прочіе власти сосѣднихъ коленій. Органъ, четыре рояля (фабрикъ Ашерберга и Шидмаера) и сорокъ другихъ инструментовъ служили аккомпанементомъ канататѣ, исполненной хоромъ изъ семи сотъ пѣвчихъ. Кантата эта была сочинена австралійскимъ музыкантамъ, а текстъ ея написанъ австралійскимъ поэтомъ. Большой эффектъ производило присоединеніе къ хору двухъ сотъ дѣтскихъ голосовъ изъ народныхъ школъ всѣхъ колоній. Послѣ того, какъ директоръ прочелъ адресъ, а губернаторъ объявилъ выставку открытой, пушечная пальба съ кораблей 19-ти выстрѣлами привѣтствовала поднимающейся штандартъ и публика была допущена на выставку, не взирая на то, что за исключениемъ голландскаго отдѣла и некоторыхъ другихъ, всѣ прочіе не были еще готовы. Австралійская колонія хвасталась одна передъ другой сокровищами золота, мѣди, цинка, каменного угля, произведеніями земледѣлія и скотоводства, а также продуктами промышленности и искусства, какъ напримѣръ, оригиналными издѣліями изъ золота и изъ другихъ металловъ. Голландія прислала обрачики своихъ знаменитыхъ ликеровъ, спиртовъ и разныхъ другихъ напитковъ, множество трубокъ и сигаръ, и съумѣла разставить всѣ эти соблазнительныя вещи самымъ привлекательнымъ образомъ. Италия щеголяла разнообразнѣшими произведеніями искусства. Бельгія роскошно мебелью, стеклянными издѣліями, коврами, чугуномъ и локомотивами. Франція, и тутъ какъ и вездѣ, отличалась блестящимъ вкусомъ, съ которымъ были разставлены въ ея прелестномъ павільонѣ, всевозможныя бездѣлушки изъ бронзы и фарфора, драгоценности, обувь и платье. Англія отличалась большею солидностью; изъ всѣхъ городовъ ея были присланы ткани, фарфоръ, стекло и т. п. самого высокаго достоинства. Рядомъ съ продуктами, вывезенными изъ о-вѣ Фиджи, Цейлона и другихъ, американцы выставили произведенія своихъ заводовъ и фабрикъ, отличавшіяся солидностью и практичностью. Послѣднія качества всего болѣе цѣняются австралійцами, которые привыкли покупать лакированныя издѣлія и посуду у японцевъ. Германскіе и австрійскіе отдѣлы не совсѣмъ еще готовы, но изъ того, что уже у нихъ выставлено, можно заключить, что произведенія этихъ двухъ государствъ займутъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ на выставкѣ. Пока главной приманкой публики служатъ колокола и оркестріонъ.

Путешествіе на лошадяхъ изъ Парижа въ Ниццу черезъ Вѣну. Въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, подобное путешествіе представляетъ не малый курьезъ. Графъ Осмондъ, совершившій недавно это оригинальное путешествіе, не принадлежитъ, какъ знаменитый маэстро Россини, къ числу людей, которымъ желѣзная дорога внушаетъ непреодолимый ужасъ, но онъ такое множество разъ объѣздилъ Европу этимъ

(См. стр. 556).

выставка, но некоторые австралійцы, посѣтившіе въ прошломъ году Парижъ, превратили на скользкую руку эту частную выставку въ международную. Великобританія прислала 800 представителей промышленности и 513 — искусства; Австрія — 170, Германія — 704, Франція — 350 экспонентовъ. Бельгія прислала продукты отъ 236 торговыхъ домовъ и фабрикъ и 50 картинъ. Кромѣ того, въ выставкѣ приняли участіе Италия, Соединенные штаты, Голландія, Японія и Швейцарія. Въ день открытия, площадь передъ зданіемъ выставки, не была еще вполнѣ очищена отъ остатковъ строительного материала, да и самое зданіе не успѣли еще окончательно разукрасить. Внутри многія отдѣленія были заѣщаны отъ зрителей, потому что вещи не успѣли еще вынуть изъ ящиковъ и разставить, но всѣ эти мелкія неисправности не мѣшили счастливымъ австралійцамъ гордиться такимъ торжествомъ, какъ открытие международной выставки въ городѣ, который не дальше какъ въ началѣ

путемъ, что ему захотѣлось отдохнуть отъ такого однообразнаго способа передвиженія и сѣзидть въ экипажѣ, запряженномъ лошадьми, какъ бывало Ѳздили въ доброе старое время, изъ Парижа въ Ишль, а оттуда въ Вѣну. Здѣсь онъ памѣренъ отдохнуть нѣсколько недѣль; затѣмъ, тѣмъ же способомъ добраться до Ниццы, а тамъ, заглянуть въ Испанію и вернуться въ Парижъ. Страстный охотникъ, графъ Осмондъ лишился, вслѣдствіе несчастнаго случая на охотѣ, кисти лѣвой руки, но это не мѣшало ему править лошадьми во время своей оригинальной экскурсіи: онъ привязывалъ къ лѣвой рукѣ возжі, а въ правой держалъ бичъ.

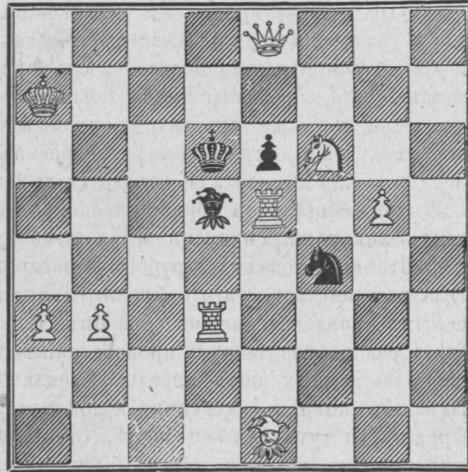
Кабинетъ Тьера остался въ томъ же видѣ, въ которомъ онъ былъ, когда хозяинъ его вышелъ изъ него въ послѣдній разъ. Кабинетъ находится во второмъ этажѣ, освѣщеннѣ сверху, стѣны уставлены большими шкафами, наполненными книгами, на этажеркахъ и стѣнахъ различные предметы роскоши. Письменный столъ покрытъ бумагами и книгами, раскиданными въ безпорядкѣ; на самомъ видномъ мѣстѣ лежитъ 12-й томъ сочиненій Платона съ остроумными замѣтками Тьера на поляхъ. Среди стола стоитъ статуэтка Мирабо. Комнату украшаютъ фамильные портреты, среди которыхъ выдѣляется большое знацо изъ чернаго бархата, присланное городомъ Бельфоромъ. Тьеръ имѣлъ привычку работать въ этой комнатѣ съ пяти часовъ утра; въ девять часовъ явился его секретарь и читаль ему вслухъ разныя путешествія до завтрака. Календарей онъ терпѣть не могъ, и часто забывалъ выставлять число на своихъ письмахъ.

Шахматный отдѣлъ. ЗАДАЧА

№ 9.

А. Арнелля. (въ Готеборгѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе задачи № 5 (въ № 48)

1. Кр d1—e1
2. Ф или Кн X
Какъ угодно;

Правильное рѣшеніе сообщили: К. Сердешиевъ, А. Обуховскій, С. Давыдовъ, А. Коребергъ, Л. Чайковскій.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. При этомъ нумеръ выдается и разсылается всѣмъ гг. подписчикамъ литературная премія, состоящая изъ 5-ти листовъ и 5-ти рисунковъ. Содержаніе ея: 1) Фальстафъ, 2) Передѣлка „Виндзорскихъ кумушекъ“ Екатериною II, ст. В. В. Чуйко и 3) Виндзорскія кумушки, комедія Шекспира.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 51-й «Живописного Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 22-го декабря въ 6 часъ 30 минутъ утра, на иогородную почту 23-го декабря въ 12 час. 30 мин. пополудни.

При этомъ 52 нумеръ «Жив. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ «Литературная премія» и приложеніе: «Руководство къ Гигиенѣ».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Декабря 1879 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Баскѣй (оконч.).—Стих. «Будущему году».—Исповѣдь синьоры Дореты.—Стих. «Ночи».—Изъ исторіи романтизма.—Стих. «Д. Ушакова»—Золото и имя (оконч.).—Графъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ.—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Шахматы.—Объявленія.

Гравюры: Цѣвѣты.—Рѣшительная минута.—Стрено-живаніе.—Призваніе Бориса Годунова на царство.—Во время призыва къ молитвѣ.—Въ пивной.—Графъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ.—1 рис. къ ст. «Еще обѣ исправленіи носовъ».

Издатель Н. И. Шульгинъ.

Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій

Объявленія.

Лечебницы Врачебной Общины:

- 1) Уголь Невскаго и Большой Морской д. Романъ № 13—9, входъ съ Невскаго, 2-й подъѣздъ.
- 2) Семёновскій переулокъ, домъ № 5.
- 3) Николаевская ул. близъ Разѣзжей, д. № 52.
- 4) Чески, уголъ 9-ой улицы и Дегтярной, домъ № 37—20.

Пріемъ приходящихъ больныхъ по всѣмъ специальностямъ ежедневно отъ 11 до 3 часовъ.

Общая Консультация врачей по воскресеньямъ отъ 1 до 2 часовъ.

Ночное дежурство врачей отъ 10 часовъ вечера до 6 ч. утра.

КОНТОРСКАЯ И СЧЕТОВОДНАЯ КНИГИ

ПРОДАЮТСЯ ГОТОВЫЯ И ДѢЛАЮТСЯ ПО ЗАКАЗАМЪ по всѣмъ системамъ счетоводства по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.—Иногороднымъ высыпаются по почтѣ и чрезъ Транспортныя конторы.—Адресоваться въ складъ Фирмы Счетоводъ СПб. Невск. просп. д. № 27.

У всѣхъ книгопродавцевъ продается новая книга

Н. А. ЛЕЙКИНА, СОВРАСЫ БЕЗЪ УЗДЫ.

1880 г. около 300 стр. убористой печати, 72 разск. Ц. 1 р. 50 к. безъ пересылки.

Тамъ же продаются слѣдующія книги

Н. А. ЛЕЙКИНА, НАШИ ЗАБАВНИКИ

1879 г. 78 юмористическихъ разскозъ, 30 стр. Ц. 1 р. 50 к.

РАДИ ПОТЬХИ.

1879 г. 63 юмор. разскоза, 308 стр. Ц. 1 р. 50 к. безъ пересылки.

НЕУНЫВАЮЩИЕ РОССІЯНЕ

1879 г. 40 юмор. разскоза, 318 стр. Ц. 1 р. 50 к.

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ

1879 г. 82 юмор. разскоза, 299 стр. Ц. 1 р. 50 к. Лица, выписывающія сразу всѣ пять книжекъ отъ автора (Спб., Николаевская, № 48), высыпаютъ семь рублей и пятьдесятъ копѣекъ и за пересылку ничего не платятъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1880 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГИЕНЫ
„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

«ВРАЧЕБНЫЕ ВѢДОМОСТИ» будуть выходить въ 1880 г. безъ предварительной цензуры.

Сообщеніе новостей изъ области медицины и гигиены, извѣстій о событияхъ въ медицинскомъ мірѣ, о ходѣ санитарного, земско вра�ебнаго дѣла, разсмотрѣніе и обсужденіе профессіональныхъ и общественныхъ вопросовъ—вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи „Врачебныхъ ВѢдомостей“. Прошло уже четыре года, какъ начали выходить «Врачебныя ВѢдомости», восполняя дѣйствительный пробѣлъ специальной прессы — отсутствіе такого periodического органа, который бы имѣлъ своими задачами бытовые, корпоративные и общественные вопросы, и неуклонныя стремленія газеты дать мѣсто самостоятельнымъ, независимымъ мнѣніямъ, заботы о точности выходовъ газеты и объ удовлетвореніи существенныхъ потребностей врачей, разъединенныхъ на огромномъ пространствѣ, не остались безслѣдны.

Наши попытки образовать, наконецъ, органъ русскихъ врачей встрѣчены сочувственно и внимательно товарищами по наукѣ и профессії. Это выразилось значительно увеличивающимъ количествомъ самостоятельныхъ, научныхъ и бытовыхъ сообщеній, большими участіемъ врачебныхъ силъ въ разсмотрѣніи многихъ вопросовъ жизни и быта, многими указаніями, направленными къ газетѣ, чѣмъ она пользовалась съ благодарностью въ видахъ дѣла, интереса и пользы читателей. «Врачебныя ВѢдомости» не щадили усилия, чтобы дать читателямъ, въ возможно скатой формѣ, безъ лишнихъ размазываній, какъ выводы современныхъ научныхъ изслѣдований, такъ и заключенія, вытекающія изъ явлений жизни, руководясь главнымъ образомъ практическостью первыхъ и полезностью послѣднихъ. На сколько газета успѣла выполнить свои задачи, конечно, судить могутъ сами читатели; но тѣмъ не менѣе она въ правѣ указать, что всегда и во всемъ преслѣдовала принципы свободы профессії, улучшенія ея положенія въ смыслѣ улучшенія положенія ея членовъ, ратовала за свободу личности и труда, находя для того основы въ наукѣ и точныхъ ея указаніяхъ. Желанія ея и въ этомъ направлѣніи рѣшились своимъ отдалы получили, наконецъ, удовлетвореніе. «Врачебныя ВѢдомости» ввели спра-вочный отдалъ о свободныхъ врачебныхъ вакансіяхъ въ земствахъ и пр., сдѣлавшійся впослѣдствіи источникомъ для помѣщенія объявлений въ другихъ медицинскихъ изданіяхъ. Земскія и др. учрежденія отнеслись къ этому сочувственно и «Врачебныя ВѢдомости» имѣли возможность сообщать свое временно о многихъ мѣстахъ для врачей. Въ виду удобствъ читателей газета на будущій годъ приняла мѣры къ большему расширению и этого отдала. — Въ 1880 г. «Врачебныя ВѢдомости» будутъ выходить по той же программѣ.

Подписьная цѣна.

Безъ пересылки на годъ 6 р., на полгода 4 р., на 3 мѣс. 2 р.

Съ пересылкой и доставкой на годъ 8 р., на полгода 5 р., на 3 мѣс. 3 р.

Подписка принимается: въ Петербургѣ — въ конторѣ редакціи «Врачебныхъ ВѢдомостей», Владимирская 7, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ подписку и иныя требованія исключительно въ контору редакціи «Врачебныхъ ВѢдомостей».

При конторѣ редакціи открыты книжный складъ медицинскихъ изданій, который исполняетъ немедленно всѣ требованія гг. заказчиковъ, и бюро для подписки на журналы и газеты, какъ русскіе, такъ и иностранные.

НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ

для конторъ, канцелярій и всякихъ торговыихъ дѣлъ, проще и практичнѣе не можетъ быть

ГЕКТОГРАФА

или вновь изобрѣтеннаго скорокопировального аппарата, съ помощью котораго даже ребенокъ можетъ производить до 100 копій съ одного текста безъ всякаго пресса, а именно: оригиналъ слегка накладывается на резинообразную массу, на которой моментально получается оттискъ оригинала и по снятію его, на массу кладутъ листы какой угодно бумаги, на которыхъ моментально же получаются превосходныя копіи. Затѣмъ оставшаяся на массѣ не нужная надпись смывается водой и производится новая копія любого содержанія. Цѣна аппарату отъ 3 до 8 р.

Прошу обратить вниманіе на несомнѣнную пользу и дешевизну этого аппарата для копирования въ любомъ количествѣ писемъ, циркуляровъ, счетовъ, приглашеній, бланковъ, правилъ, прѣстъ-курантовъ, лекцій, музыкальныхъ нотъ, ресторационныхъ картъ кушаній, чертежей и пр.

УДАЧНѣЙШИЕ ПОДАРКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ.

Изящный аппаратъ для рисования въ натуральномъ увеличен. и уменьшенномъ видѣ.

Всякій, даже не умѣющій рисовать, можетъ имѣть скопированіе любые рисунки, гравюры, картины, узоры, дамскія рукодѣлія и пр. (съ прилож. нового способа умноженія посредствомъ сложенія).

За 2 р. 50 к. домашній фотографич. аппаратъ, копирующий посредствомъ свѣта всякия фотографическія карточки въ любомъ количествѣ; при солнцѣ копіи получаются въ 4 минуты. (Съ прилож. великолѣпн. карточекъ, сдѣланнныхъ этимъ аппаратомъ).

Отдельно фотографическія карточки всѣхъ знаменитостей, актрисъ, писателей и т. п.; за дюжину 75 коп., за сотню 5 рублей.

I. Зегимель.

Гг. торгующимъ дѣляется уступка.

СКЛАДЪ въ С.-Петербургѣ: Невскій просп., № 4.

ВЕСЕЛЫЯ ВИНДЗОРСКИЯ КУМУШКИ.

КОМЕДІЯ

ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА.

Прозаїческий переводъ Н. И. Шульгина. Стихи П. И. Вейнберга. Вступительная статья В. В. Чуйко.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

за 1879 годъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

1879.

ПРИЧИНА ВІДВОДІННЯ РІДКОСІІ

ВІДНОВЛЕННЯ

АРХІВНИЙ АМРАНІВ

ВІДНОВЛЕННЯ ВІДВОДІННЯ РІДКОСІІ

ВІДНОВЛЕННЯ ВІДВОДІННЯ РІДКОСІІ

ВІДНОВЛЕННЯ ВІДВОДІННЯ РІДКОСІІ

1881 р.

ВІДНОВЛЕННЯ

ВІДНОВЛЕННЯ ВІДВОДІННЯ РІДКОСІІ

1881

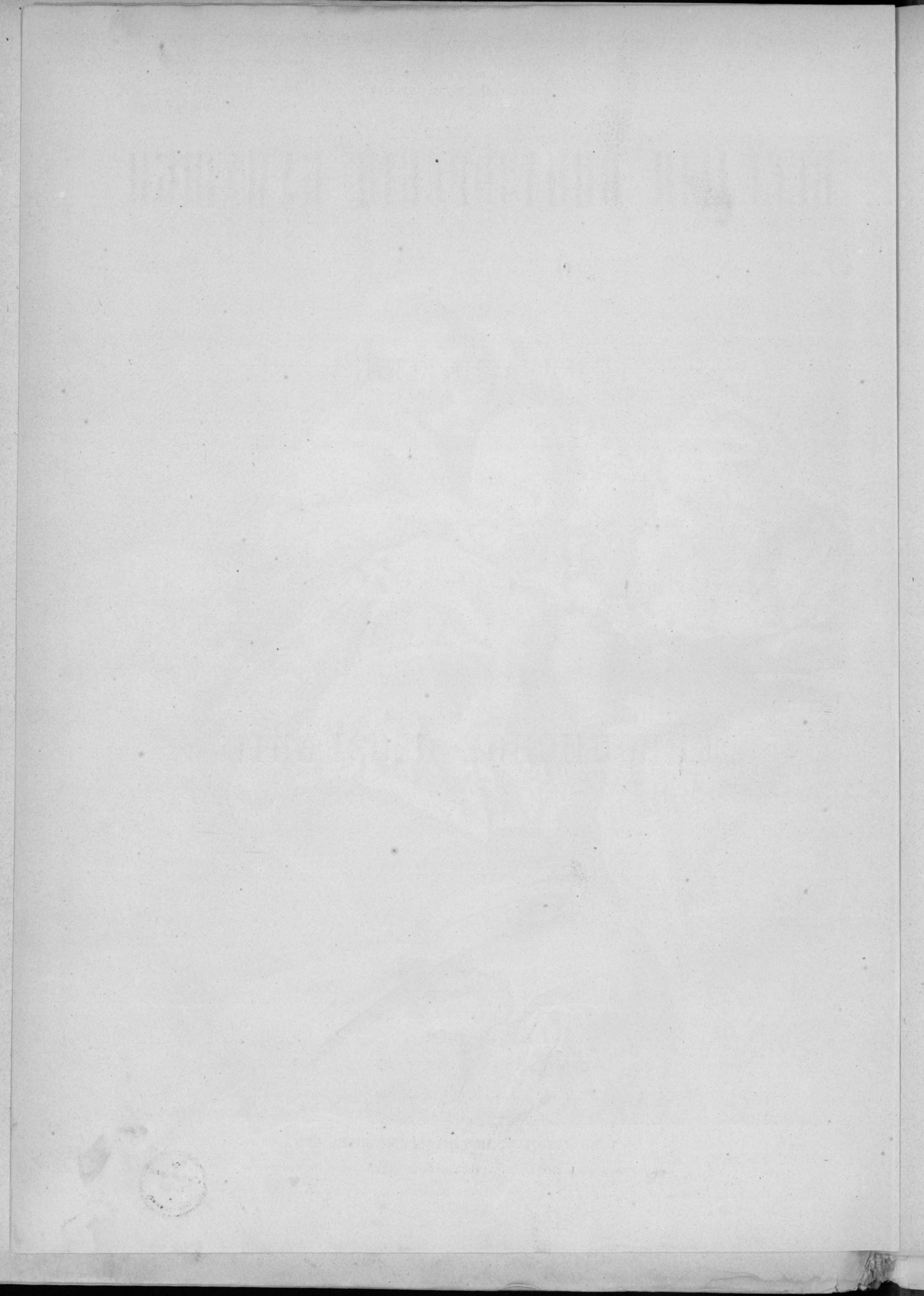
РИСУНОКЪ М. ЗИЧИ.

СЭРЪ ДЖОНЪ ФАЛЬСТАФЪ СРЕДИ ЖЕНЩИНЪ.

Рѣзано на деревѣ по рисунку Н. А. Богданова въ «Варшавской политипажнѣ».

ВЕСЕЛЫЯ ВИНДЗОРСКИЯ КУМУШКИ.

КОМЕДІЯ

ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА.

Прозаический переводъ Н. И. Шульгина. Стихи П. И. Вейнберга. Вступительная статья В. В. Чуйко.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѦНІЕ“

за 1879 годъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 к., № 12.)

1879.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го Октября 1879 года.

СЭРЪ ДЖОНЪ ФАЛЬСТАФЪ И „ВЕСЕЛЫЯ ВИНДЗОРСКІЯ КУМУШКИ“.

(ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ЭХЮДЪ.)

I.

амый вопросъ о томъ, когда именно была написана комедія «Веселыя виндзорскія кумушки» (*The merry wives of Windsor*)

of *Windsor*), составляетъ довольно запутанный, но не лишенный интереса вопросъ шекспировской исторической критики. Въ каталогахъ книгопродавцевъ мы встрѣчаемъ прежде всего слѣдующую запись, помѣченную 18-мъ января 1602 года: «Джонъ Бесби. Превосходная и забавная комедія сэра Джона Фольстофа (Faulstof) и веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ.—Артуръ Джонсонъ. Всѣдствіе заявленія Джона Бесби, книга подъ заглавіемъ превосходная и забавная комедія сэра Джона Фольстофа и веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ».—Благодаря такой курьезной передачѣ издательскихъ правъ, Артуръ Джонсонъ въ томъ же году (1602) издалъ первоначальный эскизъ «Веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ» подъ слѣдующимъ многорѣчивымъ заглавіемъ: «Весьма забавная и превосходно составленная комедія сэра Джона Фольстафа и веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ, перемѣшанная разнообразными и забавными выходками сэра Гуга, валлійского пастора, мироваго суды Шалло и его мудраго двоюроднаго братца мистера Слендера. Съ щеславнымъ хвастовствомъ прaporщика Пистоля и капрала Нима. Написана Вильямомъ Шекспи-

ромъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ она была много разъ играна слугами высокопочтенного лорда-канцлера. И въ присутствіи ея величества, и въ другихъ мѣстахъ».

Нѣть никакого сомнѣнія, что это изданіе не болѣе, какъ первоначальная обработка комедіи, которая въ своемъ настоящемъ и окончательномъ видѣ явилась только въ изданіи *in folio* 1623 года, черезъ семь лѣтъ послѣ смерти Шекспира. Въ 1702 году тогдашній модный драматургъ, нѣкій Джонъ Денисъ, принаровивъ къ сценѣ дрюриленскаго театра комедію Шекспира, напечаталъ ее подъ заглавіемъ «*The comical gallant*», съ слѣдующимъ предисловіемъ: «Что эта комедія («Веселыя виндзорскія кумушки») достойна нѣкотораго вниманія, я замѣтилъ по многимъ причинамъ. Прежде всего, я очень хорошо зналъ (I knew very well), что она нравилась одной изъ величайшихъ королевъ, когда-либо существовавшихъ, великой не только своею мудростью въ искусствѣ управления, но также и своимъ знакомствомъ съ изящной словесностью и своимъ тонкимъ пониманіемъ драмы, пониманіемъ, которое доказано ея удивленіемъ древнимъ. Эта комедія была написана по ея порученію и по ея указаніямъ, и она была такъ нетерпѣлива видѣть ее на сценѣ, что распорядилась, чтобы пьеса была окончена въ четырнадцать дней (she commanded it to be finished in fourteen days); и потомъ она была, какъ говоритъ намъ преданіе, очень довольна представлениемъ». Въ 1709 году известный хроникеръ Рой, въ біографіи Шекспира прибавляетъ нѣсколько новыхъ подробностей къ замѣткѣ Дениса: «Королева, говоритъ онъ,—была такъ восхищена прелестною ролью Фальстафа, въ двухъ частяхъ «Генриха IV», что поручила поэту продолжать эту роль въ новой комедіи, сдѣлавъ Фальстафа влюбленнымъ; говорить, что именно по этому поводу комедія и была написана». Наконецъ, въ 1710 году Джильдонъ въ своихъ «Замѣчаніяхъ къ пьесамъ Шекспира» повторяетъ съ полной увѣренностью, что королева поручила Шекспиру представить на сценѣ Фальстафа влюбленнымъ: «Я совершенно увѣренъ, прибавляетъ онъ,—что Шекспиръ окончилъ комедію въ двѣ недѣли. Вещь невѣроятная, если обратить вниманіе на то, что все такъ

хорошо придумано и ведено безъ малѣйшей путаницы».

Таковы несомнѣнныя факты. Преданіе, освященное тремя послѣдовательными свидѣтельствами, пріобрѣтаетъ мало-по-малу достовѣрность несомнѣннаго историческаго факта и сохраняетъ ее втеченіи всего восемнадцатаго столѣтія. Коментаторы единогласно подтверждаютъ преданіе. Попе и Теобальдъ повторяютъ его, прибавляя, впрочемъ, что произведеніе, написанное Шекспиромъ по порученію королевы, было первоначальнымъ эскизомъ, напечатаннымъ въ 1602 году, а не окончательной обработкой комедіи, вошедшій въ изданіе 1623 года. Джонсонъ, въ свою очередь, упоминаетъ о преданіи и пользуется имъ для неблагопріятнаго отзыва о «Виндзорскихъ кумушкахъ», замѣчая, что «нѣть ничего труднѣе, какъ писать по указаніямъ другого». Наконецъ, Мэлонъ подтверждаетъ и даже объясняетъ его. Онъ думаетъ, что оно было передано Денису и Джильдону Драйденомъ, а Драйдену Давенантому, и прибавляетъ вмѣстѣ съ Попе и Теобальдомъ, что оно относится къ первоначальному эскизу комедіи. Мэлонъ прибавляетъ, что комедія, набросанная, по всей вѣроятности, въ 1601 году, затѣмъ исправленная въ 1603 году, должна быть логически помѣщена передъ «Генрихомъ V», хотя хронологически она и быда написана послѣ этой исторической хроники, представленной въ 1600 году. «Дѣло въ томъ, говоритъ онъ,—что хотя она должна быть читана между «второй частью Генриха IV» и «Генрихомъ V»,—какъ это было доказано Джонсономъ,—она тѣмъ не менѣе была написана послѣ «Генриха V», когда Шекспиръ уже похоронилъ Фальстафа. Шекспиръ, воскресивъ по желанію королевы сэра Джона, счѣль необходимымъ воскресить въ тоже время и всѣхъ другихъ лицъ, въ обществѣ которыхъ мы привыкли видѣть его». Эта теорія Мэлона, подтверждающая и объясняющая преданіе, была принята безпрекословно самыми авторитетными критиками XVIII столѣтія: въ Англіи—Кольриджемъ, Гезлитомъ, Скотту; въ Германіи—Тикомъ и Шлегелемъ. Тѣмъ не менѣе уже Чальмерсъ въ своей «Прибавочной Аппології» возстаетъ противъ теоріи Мэлона, считаетъ укрѣпившееся преданіе выдумкой, говоря, что въ 1601 году—

въ эпоху казни графа Эссекса — королева Елизавета не могла быть расположена заниматься подобными шутками и, основываясь на некоторых сопоставлениях деталей, высказывает совершенно новую гипотезу, изъ которой слѣдуетъ, что комедія Шекспира, написанная въ 1596 году, должна быть помѣщена и логически и хронологически передъ первой частью «Генриха IV». Противъ такого вывода протестовалъ Натанъ Дрэкъ, защищая теорію Мэлона. Завязалась горячая полемика. Найтъ, одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ английскихъ kommentatorовъ Шекспира высказался противъ Мэлона, снова подвергъ сомнѣнію преданіе и, замѣтивъ намекъ въ одномъ мѣстѣ комедіи на прїездъ къ английскому двору нѣкоего графа Монбельяра въ 1592 году, утверждаетъ, что комедія была написана по этому случаю, и заключаетъ, вмѣстѣ съ Чальмерсомъ, что, будучи написана прежде первой части «Генриха IV», комедія — не болѣе, какъ прологъ къ этой части. Галіузъ предложилъ среднее мнѣніе, съ цѣлью примирить теорію Мэлона съ взглядомъ Найта; онъ соглашается со Найтомъ, что комедія написана въ ея первобытномъ видѣ въ 1592 году, но поддерживаетъ Мэлона въ томъ, что драматически она является продолженіемъ «Генриха IV». Въ 1860 году Стоунтонъ, въ превосходномъ иллюстрированномъ изданіи Джильберта, не соглашается ни съ Найтомъ, ни съ Галіузомъ, и возвращается безусловно къ преданію и теоріи Мэлона.

Еще нѣсколько раньше высказалъ свое мнѣніе въ этомъ вопросѣ Гервинусъ. Вотъ его слова: «Галіузъ, перепечатывая древнѣйшее изданіе этой комедіи въ запискахъ шекспировскаго общества, пытался доказать, что эта комедія вмѣстѣ съ «Генрихомъ IV» возникла въ 1592 году, на томъ основаніи, что именно въ 1592 году одинъ нѣмецкій герцогъ (виртембергскій) посѣтилъ Виндзоръ и что ему данъ былъ отъ лорда Говарда паспортъ на безденежное пользованіе почтовыми лошадьми, — обстоятельство, на которое, какъ кажется, намекаетъ Шекспиръ въ третьей сценѣ четвертаго дѣйствія. Но вѣдь Шекспиръ могъ намекнуть на этотъ случай и по-прежнимъ своимъ воспоминаніямъ; наконецъ, это обстоятельство могло быть и совсѣмъ ему неизвѣстно, такъ что предполагаемый намекъ могъ быть совершенной случайностью. Всѣ внутреннія доказательства свидѣтельствуютъ противъ предположенія, что «Виндзорскія кумушки» написаны ранѣе окончанія «ланкастерской исторіи» (1599). Изъ этихъ словъ видно, что Гервинусъ склоняется въ пользу мнѣнія Мэлона, хотя неизвѣстно, въ какой именно мѣрѣ, такъ какъ не обозначаетъ точно года, когда, по его мнѣнію, комедія была написана. Нѣсколько далѣе онъ говоритъ: «Галіузъ полагаетъ за самое вѣроятное, что сцены этой комедіи непосредственно слѣдуютъ за изгнаніемъ Фальстафа отъ двора (т. е. что логически, комедія слѣдуетъ сейчасъ же за второю частью «Генриха IV», согласно теоріи Мэлона). Но этому противорѣчить еще въ древнѣйшемъ изданіи то мѣсто, гдѣ Фальстафъ восклицаетъ подъ гернскимъ дубомъ: «быть обѣ закладъ, что шальной принцъ уэльский воруетъ дичь своего отца!» Къ тому же и въ позднѣйшей обработкѣ этой пьесы містеръ Фордъ весьма выразительно говоритъ Фальстафу о его обширныхъ связяхъ, о значительности его званія и личности; и даже самъ Фальстафъ говоритъ, что если бы ста-

ло извѣстно при дворѣ его превращеніе въ толстую вѣдьму (Джуліана Брентфордъ, извѣстная личность въ литературѣ XVI столѣтія), то ему не было бы проходу: изъ него вытопили бы весь жиръ, стали бы смаывать имъ сапоги, стали бы бичевать его остротами, такъ что онъ сморщился бы, какъ сушоная груша. Значитъ, надо предположить, что отношенія Фальстафа къ принцу продолжаютъ еще существовать, хотя и тутъ, какъ во второй части «Генриха IV», онъ отдаленъ отъ принца. Если принять, что дѣйствіе нашей комедіи происходитъ непосредственно передъ смертью короля Генриха IV и составляетъ продолженіе сношений Фальстафа съ мировымъ судьей Шалло, только въ другой мѣстности и при другихъ обстоятельствахъ, то всѣ затрудненія разъясняются сами собой, особенно если устраниТЬ сомнѣнія касательно нѣкоторыхъ личностей. Трудно рѣшить, тотъ-ли самый пажъ сопровождаетъ Фальстафа, который находился при немъ въ «Генрихѣ IV» и при Нимѣ и Пистольѣ въ «Генрихѣ V». Положимъ, что тотъ же, и допустимъ, что поэтъ не хотѣлъ попнапрасну затруднить зрителя мелочами характеристики, или съ особенной выразительностью указывать на отношенія этой комедіи къ совершенно отличнымъ отъ нея историческимъ драмамъ. Странно только то, что Шекспиръ называлъ служанку доктора Каюса тоже Куикли, какъ зовутъ трактирщицу въ «Генрихѣ IV»; но что онъ разумѣлъ здѣсь совершенно другое лицо, это ясно. Здѣсь не только вѣшнее положеніе ея совершенно иное, не только она представлена въ началѣ совершенно незнакомою съ Фальстафомъ, но и характеръ ея существенно отличенъ отъ характера трактирщицы Куикли. Правда, она отличается такою же простоватостью, но въ ней проявляется и понятливость, и притворство, и изворотливость, чего нигдѣ не обнаруживаетъ глупая, вѣчно обманутая истинская вдова. Что касается до обстановки Фальстафа, то здѣсь все ясно. Сѣверный походъ кончился; Фальстафъ кое-какъ еще влечитъ свою жизнь съ десятью фунтами въ недѣлю жалованья; Пистоль и Нимъ «въ отставкѣ» и сдѣлались совершенными негодяями; Фальстафъ прогоняетъ ихъ, а выѣтрявшагося старого слугу Бардольфа, съ которымъ онъ столько лѣтъ былъ неразлученъ, отдаетъ въ половые трактирщику «Подвязки». Внѣшнее распаденіе веселой компаніи, окружавшей принца, произошло еще во второй части «Генриха IV»; здѣсь мы встрѣчаемъ дальнѣйшій, весьма выразительный симптомъ, что эта компанія разрушается внутренно и при томъ не въ одномъ только принцѣ. Въ лицѣ молодого Фентона мы узнаемъ еще новаго для насъ бывшаго спутника принца и Пойнса. Онъ изъ денежныхъ расчетовъ сватается за богатую Анну Пэджъ, но вскорѣ узнаетъ драгоценныя качества ея души и это вполнѣ измѣняетъ его образъ мыслей. Это измѣненіе составляетъ въ частной жизни репандант тому, что представляетъ собою въ жизни государственної перемѣнѣ, произшедшей въ принцѣ.

И такъ изъ словъ Гервинуса слѣдуетъ заключить, что «Виндзорскія кумушки» составляютъ только частный эпизодъ той эпохи въ жизни Фальстафа, которая непосредственно предшествуетъ смерти короля Генриха IV. Къ сожалѣнію, Гервинусъ подтверждаетъ свое, довольно странное мнѣніе (какъ я постараюсь доказать нѣсколько ниже) слишкомъ недостаточнымъ количествомъ фак-

товъ. Въ концѣ концовъ, вопросъ къ 1860 году заключался въ слѣдующемъ:

1) Въ какомъ году написаны «Виндзорскія кумушки»? По мнѣнію Мэлона — въ 1601 г.; по мнѣнію Чальмерса — въ 1596; по мнѣнію Найта и Галіузъ — въ 1592; наконецъ, по мнѣнію Гервинуса, вскорѣ послѣ 1599 г.

2) По теоріи Чальмерса и Найта, шекспировская комедія должна быть разматривае- ма, какъ введеніе или прологъ къ первой части «Генриха IV». По теоріи же Джонсона, она составляеть продолженіе второй части «Генриха IV» и, наконецъ, Гервинусъ думаетъ, что «Виндзорскія кумушки» составляютъ эпизодъ второй части этой хроники.

II.

амый лучшій французскій переводчикъ Шекспира, Франсуа Гюго, въ своѣмъ французскомъ изданіи Шекспира предла- гаетъ новую гипотезу и обставляетъ ее чрезвычайно остроумными до- казательствами. По его мнѣнію, одинаково не выдерживаютъ крити- ки ни предположеніе Найта, ни теорія Чаль- мерса, такъ какъ въ 1598 году, Ми-ресъ, восторженный поклонникъ Шекспира, соста- вилъ каталогъ комедій поэта, изданныхъ при его жизни; въ этомъ каталогѣ «Виндзорскія кумушки» не значатся. Какимъ же обра- зомъ, если предположить, что комедія напи- сана въ 1592 или 1596 г. не упомянутъ объ- ней авторъ «Palladis Tamia»? Забывчивостью этого обстоятельства объяснить невозмож- но, потому что комедія была чрезвычайно популярна и много разъ давалась въ присут- ствіи королевы. Къ тому же критикъ, вспом- нившій «Генриха IV», могъ-ли забыть комедію, составляющую, такъ сказать, сцениче- ское дополненіе этой хроники? Слѣдователь- но, заключаетъ Франсуа Гюго, — если Ми-ресъ не упомянулъ о «Виндзорскихъ кумуш- кахъ» въ 1598 году, то значитъ, что въ 1598 году «Виндзорскія кумушки» еще не существовали.

Французскій критикъ не принимаетъ так- же и 1601 года, предлагаемаго Мэлономъ и Дрекомъ. Дѣйствительно, 1601 годъ былъ самой мрачной эпохой въ жизни Елизаветы; это былъ годъ возстанія и казни графа Эссекса, — ея любимца; нельзя поэтому не согласиться съ Чальмерсомъ, что въ этомъ году Елизавета не могла быть расположена развлекаться комическими представлѣніями, а тѣмъ болѣе не могла заказывать комедій. Франсуа Гюго опредѣляетъ время создания комедіи между 1598 и 1601 годами (какъ и Гервинусъ), доказывая свое предположеніе слѣдующимъ образомъ:

Зимой 1599 — 1600 гг., англійскій дворъ шумно высыпалъ. По приказанію королевы графъ Эссексъ былъ арестованъ и Елизавета, точно нарочно, обнаруживала особенно веселое расположение духа во время этого тяжелаго заточенія ея любимца. Въ особенностіи было весело на святкахъ. Роуландъ Уайтъ рассказываетъ въ одномъ письмѣ къ сэрѣ Роберту Сиднею, что «ея величество въ то время очень веселилась, устраивая танцы подъ звуки тамбурина». Она смеялась, играла, пѣла, кокетничала съ придворными и даже сама танцевала, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ. Посланикъ эрцгерцога Альбрехта, фланандецъ Ферейкенъ, прїехавъ въ Лон-

донъ для заключенія мира между Англіей и австрійскимъ домомъ, былъ принятъ королевой съ большимъ торжествомъ 23 февраля 1600 года и, когда посланникъ вручилъ ей свои вѣрительныя грамоты, она сказала ему съ улыбкой: «я слыхала, что вы лично желали меня видѣть; вашъ пріѣздъ поэтомъ болѣе для меня пріятель». На это ловкій фланандецъ отвѣчалъ: «Дѣйствительно, я страстно желалъ предпринять это путешествіе съ цѣлью видѣть ваше величество, которая по красотѣ и мудрости превосходитъ всѣхъ монарховъ міра, и считаю себя безконечно обязаннымъ тѣмъ лицамъ, которыя, отправляя меня сюда, доставили мнѣ счастіе, которымъ я теперь пользуюсь». Эти дипломатическія любезности были, вѣроятно, одной только маской, подъ которой скрывалось далеко не дружелюбное чувство. Не смотря на всѣ свои любезности и улыбки, старая протестантская королева не имѣла ни малѣйшаго намѣренія входить въ какія бы то ни было сдѣлки съ посломъ католической державы. Уже тогда она обдумывала новый союзъ съ возставшему Голландію. Всѣ ея заботы поэтому заключались въ томъ, чтобы развлечь фланандца и избѣгать серьезныхъ переговоровъ. Сэръ Вальтеръ Ралей, которому было поручено познакомить Ферейкена съ достопримѣчательностями Лондона, показалъ ему вестминстерское аббатство, гробницы и другія особенности мѣстности. Роуландъ Уайтъ писалъ, между прочимъ, своему другу сэру Роберту Сиднею, отъ 8 марта 1600 года: «Всю эту недѣлю лорды были въ Лондонѣ и проводили время въ пиществахъ и зрелищахъ; въ середу Ферейкенъ обѣдалъ съ ми-лордомъ казначеемъ, который угостилъ его королевскимъ обѣдомъ; въ четвергъ его угожалъ миlordъ-канцлеръ великоклѣпнымъ обѣдомъ и у него же, послѣ обѣда, его актеры сыграли въ присутствіи Ферейкена «сера Джона Ольдкэстля», къ великому его удовольствію» (and there in the afternoone his Plaiers acted before Vereiken Sir John Oldkastell to his great contentment). — (Sydney Papers, ed. 1746).

Спрашивается: какая пьеса могла быть этой «Сэръ Джонъ Ольдкэстль», представленный официально 6 марта 1600 года актерами канцлера въ присутствіи австрійского посланника? Нѣкоторые коментаторы предполагали, что это—драма въ двухъ частяхъ «Жизнь сэра Джона Ольдкэстля, лорда Кобгема», за составленіе которой четырѣ актера: Мондэй, Драйтонъ, Уильсонъ и Гетуэй получили отъ управителя труппы Генслу 10 фунтовъ въ октябрѣ 1599 года. По мнѣнію, однако, Франсуа Гюго, это предположеніе лишено основанія. Прежде всего, необходимо замѣтить, что драма, купленная Генслу, была представлена не актерами канцлера, а труппой, находившейся подъ управлениемъ того же Генслу, что видно изъ заглавнаго листа изданія 1600 года: «въ томъ видѣ, въ какомъ драма эта была представлена слугами высокопочтенного графа Ноттингама, лорда великаго адмирала Англіи». Къ тому же достаточно пересмотрѣть драму, чтобы убѣдиться, что она не могла быть представлена въ присутствіи Ферейкена, въ особенности къ его великому удовольствію. И въ самомъ дѣлѣ, эта драма, основной идеей которой служитъ восстановленіе чести Ольдкэстля, сожженаго на костре въ 1418 году за принадлежность къ ереси Виклефа, не могла быть особенно пріятна католику, представителю католической Австріи; Ферейкенъ не только не одобрилъ бы такого зрелища, но

имѣлъ бы право оскорбиться зрелищемъ, въ которомъ издѣвались надъ его религіозными вѣрованіями, изображая католическихъ священниковъ разбойниками и убийцами. Но если не эта драма была представлена 6 марта 1600 года, то на какую пьесу намекаетъ Уайтъ въ своемъ письмѣ къ Сиднею? По мнѣнію Франсуа Гюго, онъ намекаетъ на шекспировскихъ «Виндзорскихъ кумушекъ». И дѣйствительно, имя того бессмертнаго созданія, которое мы знаемъ теперь подъ названіемъ Фальстафъ, было первоначально Ольдкэстль. Нѣсколько ниже я приведу неоспоримыя доказательства этого факта. Имя Ольдкэстля было такъ популярно, благодаря шекспировскому Фальстафу, носившему первоначально это имя, что Уайтъ весьма легко могъ перепутать фамиліи; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что «Виндзорскія кумушки» были представлены въ 1613 году въ присутствіи курфюрста пфальцскаго подъ заглавиемъ: «Сэръ Джонъ Фальстафъ». ¹⁾

По предположенію французскаго критика оказывается, такимъ образомъ, что комедія, представленная въ 1600 году въ присутствіи Ферейкена, была первоначальнымъ эскизомъ «Виндзорскихъ кумушекъ», изданнымъ въ 1602 году, а не окончательно обработаннымъ произведеніемъ, известнымъ въ настоящее время подъ этимъ заглавіемъ и впервые напечатаннымъ въ изданіи *in-folio* 1623 года. Въ доказательство этого обстоятельства французскій критикъ приводитъ любопытную подробность. Посоль эрцгерцога Альбрехта былъ фланандецъ, какъ намъ извѣстно; а между тѣмъ въ исправленной и передѣланной комедіи, изданія 1623 года, существуютъ двѣ грубыя насмѣшки, именно надъ фланандцами. Въ концѣ второй сцены второго дѣйствія, ревнивый мужъ Фордъ говоритъ себѣ, что онъ бы предпочиталъ «довѣрить свое масло фланандцу, свой сыръ — пастору Гюгу, свой штофъ съ водкой — ирландцу, свою лошадь — для прогулки вору, чѣмъ свою жену — ей же самой» ²⁾). Въ другомъ мѣстѣ, въ началѣ второго дѣйствія, мистрисъ Пэджъ, прочитавъ любовное посланіе Фальстафа, восклицаетъ съ негодованіемъ: «кажется, никакою легкостью въ обращеніи не могла я подать этому фланандскому пьяницѣ, — чортъ бы его побралъ, — поводъ такъ дерзко подѣлѣвать ко мнѣ!» ³⁾). Это выраженіе пьяница, сказанное фланандцу англичаниномъ, было тѣмъ болѣе оскорбительно (замѣчаетъ Франсуа Гюго), что выражало национальную вражду. Современники Шекспира совершенно серьезно обвиняли фланандцевъ въ томъ, что эти послѣдніе пріучили ихъ къ пьянству. Сэръ Джонъ Смитъ разсказываетъ въ своихъ «бесѣдахъ» (1590), что англійскій народъ,

прежде одинъ изъ самыхъ воздержныхъ народовъ христіанскаго міра, съ этимъ отвратительнымъ порокомъ во время фланандской кампаніи. Вѣроятно-ли, послѣ этого, что комедія, заключающая въ себѣ столь оскорбительная для фланандца выраженія, могла быть представлена въ присутствіи посланника-фланандца и при томъ къ особенному его удовольствію? Само собою разумѣется, нѣтъ. И дѣйствительно, эти два мѣста, оскорбительные для фланандца и существующія въ исправленной комедіи, не находятся въ первоначальномъ эскизѣ. Нѣясно-ли, что комедія, представленная въ присутствіи посланника эрцгерцога, была первоначальнымъ эскизомъ? Насмѣшка, неумѣстная при этихъ обстоятельствахъ, естественно, нашла себѣ мѣсто при пересмотрѣ. Когда австрійскій уполномоченный уѣхалъ, когда католическая Фландрія и протестантская Англія снова сдѣлались врагами, то англійскому поэту была возвращена свобода и онъ позволилъ себѣ посмѣяться надъ фланандскими папистами.

III.

сторическая события, относящіяся такъ или иначе къ «Веселымъ виндзорскимъ кумушкамъ», объясняются такимъ образомъ совершенно просто и логично. Намекъ на какого-то нѣмецкаго принца,—намекъ, относящіяся, по мнѣнію Найта и Галіуэя, къ графу Монбельяру, посѣтившему Лондонъ въ 1592 году,—можетъ, благодаря гипотезѣ французскаго критика, быть отнесенъ съ такимъ же правомъ и къ эрцгерцогу Альбрехту, въ лицѣ его посланника. Такимъ образомъ, преданіе, впервые упомянутое Денисомъ, пріобрѣтаетъ значительную долю вѣроятности. Весьма естественно, что всякаго рода празднества входили въ политическую программу Елизаветы во время пребыванія австрійского посланника. Она считала необходимымъ развлекать католическаго дипломата; а что могло быть забавнѣе шутовскаго героя, который и ее заставлялъ смѣяться не разъ при представлениихъ «Генриха IV»? Комедія должна была быть написана не болѣе, какъ въ четырнадцать дней. Такой короткій срокъ объясняется само собой, такъ какъ представление готовилось въ честь посланника, который не разсчитывалъ долго оставаться въ Англіи. И дѣйствительно, Ферейкенъ, пріѣхавъ въ Лондонъ 18 февраля, выѣхалъ въ Брюссель 11 марта 1600 года.

Задача, порученная Шекспиру, представляла большія затрудненія. Во-первыхъ, было совершенно необходимо, чтобы комедія находилась въ тѣсной связи съ историческими хрониками, дополненіемъ которыхъ она должна была служить. Кроме того, было необходимо, чтобы дѣйствіе комедіи логически соответствовало событиямъ, изображаемымъ въ ланкастерской трилогіи. Наконецъ, было необходимо, чтобы всѣ комическія личности, Фальстафъ, Бардольфъ, Пистоль, Нимъ, Шалло, мистрисъ Куикли вошли въ новую комедію, не противорѣча ни ихъ характеру, ни ихъ прежнему образу жизни. Особенное затрудненіе представляло опредѣленіе эпохи, въ которой должно было происходить дѣйствіе комедіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первоначально, въ первомъ своемъ эскизѣ, Шекспиръ имѣлъ въ виду помѣстить

¹⁾ «Уплачена Джону Гемангу по требованію соѣтства двадцатаго дня мая 1613 года сумма въ 33 фунта, въ шиллинговъ и 8 пенсовъ за представление въ присутствіи его высочества принца Карла, принцессы Елизаветы и пфальцскаго курфюрста, четырнадцати пьесъ, а именно: Филистеръ, Шайка безумцевъ, Много шума изъ ничего, Трагедія Дѣвы, Веселый Эдмонтонскій Чортъ, Буря, Король и не король, Трагедія близнецовъ, Зимняя сказка, Сэръ Джонъ Фальстафъ (Веселые виндзорскія кумушки), Венеціанскій мавръ, Большой вельможа, Трагедія Цезаря и Кровавая любовь». — Извлечееніе изъ отчетовъ лорда Гаррингтона, казначея Якова I.

²⁾ Цитирую по изданію Деліуса (Elberfeld, 1859, томъ 6, стр. 47): «I will rather trust a Fleming with my batter, person Hugh the welchman with my cheese an Irishman with my aqua-vitae bottle, or a thief to walk my ambling gelding, than my wife with herself».

³⁾ Idem. Томъ 6, стр. 34: «What an un weighed behaviour hath this Flemish drunkard picked (with the devil's name) out of my conversation, that he dares in this manner assay me?»

виндзорский эпизод изъ жизни Фальстафа въ царствование Генриха IV, т. е. или какъ вступление къ первой части хроники «Генриха IV», или же какъ связующее звено между первой и второй частью этой хроники. На это намѣреніе указываютъ, между прочимъ, слова Фальстафа въ первоначальномъ эскизѣ: «Клянусь жизнью, пари держу, что этотъ сумасшедший уэльскій принцъ занимается избѣніемъ оленей своего батюшки (I'll lay my life mad prince of Wales is stealing his father's deer)». Это восклицаніе, однакожъ, исчезло въ окончательной обработкѣ Франсуа Гюго замѣтаетъ по этому поводу, что было нѣкоторое неудобство помѣстить эпоху виндзорского фарса до вступленія на престолъ «Генриха V»: «Если во время виндзорского фарса, разсуждаетъ французскій критикъ,—Генрихъ попрежнему только наследникъ престола, то, значитъ, его веселая компания съ Фальстафомъ во главѣ еще не распалась, мистрий Куикли по прежнему держитъ таверну въ Истчипѣ, откуда, мы знаемъ, ее выпроводили вмѣстѣ съ Доли передъ самой коронаціи Генриха V и, слѣдовательно, она не можетъ быть въ Виндзорѣ хозайкой доктора Каюса, судья Шалло весьма-охотно еще вспоминаетъ своего школьнаго товарища Фальстафа и, почтенный его посѣщеніемъ, даетъ ему въ займы тысячу фунтовъ; при такихъ условіяхъ, разумѣется, не можетъ имѣть мѣста его споръ съ Фальстафомъ изъ-за убитаго оленя, какъ это мы видимъ въ началѣ «Виндзорскихъ кумушекъ». Шекспиръ замѣтилъ противорѣчія, возникавшія само собой и рѣшилъ перенести виндзорский эпизодъ въ царствование Генриха V».

Читатель видѣтъ, что въ этомъ вопросѣ французскій критикъ соглашается съ мнѣніемъ Джонсона и расходится съ Гервинусомъ. Тѣмъ не менѣе, его доказательства имѣютъ только относительное значеніе. Не безынтересно, однакожъ, познакомиться съ его аргументацией. Онъ совершенно справедливо замѣтаетъ, что въ окончательной обработкѣ мы не встрѣчаемъ замѣчанія Фальстафа, приведенного нѣсколько выше. Кромѣ этого, онъ находитъ новыя доказательства въ подтвержденіе своего мнѣнія. Такъ, Фентонъ, представленный Шекспиромъ, какъ старый товарищъ принца уэльскаго и Пойнса, говоритъ какъ объ отдаленномъ прошломъ о своихъ прошлыхъshalostяхъ—*my riots past*,—изъ чего мы должны заключить, что веселая компания давнымъ давно распалась. Затѣмъ, личности, съ которыми мы познакомились въ «Генрихѣ IV», постарѣли, когда мы ихъ снова встрѣчаемъ въ Виндзорѣ. Фальстафъ, имѣвшій не болѣе шестидесяти лѣтъ въ хроникѣ,—въ комедіи изображенъ (по крайней мѣрѣ въ словахъ мистрий Пэджъ) дряхлымъ старикомъ,—old, cold, withered,—какъ человѣкъ разбитый на куски лѣтами,—on that is very nigh worn to pieces by age. — Судья Шалло, который въ хроникѣ вспоминаетъ, что пятьдесятъ-пять лѣтъ тому назадъ былъ школьнаго, въ комедіи насчитываешь себѣ болѣе восьмидесяти лѣтъ. Всѣ эти подробности были прибавлены въ комедіи только при ея окончательной обработкѣ. Наконецъ, известно, что мистрий Куикли во второй части «Генриха IV» называется себя «бѣдной истчипской вдовой», а въ «Генрихѣ V» является внезапно женой Пистоля. Этотъ бракъ, прибавляетъ Гюго,—есть не болѣе, какъ осуществленіе желанія Пистоля, выраженнаго имъ въ комедіи: «ставь паруса, спѣши за ней въ погоню, от-

крой борты, цали: она моя—she is my prize—или пусть имъ всѣмъ погибнуть въ океанѣ».

Такова аргументація Франсуа Гюго. Не смотря, одножъ, на то, что онъ расходится съ нѣмецкимъ критикомъ, мотивы, которыми какъ тотъ, такъ и другой руководствуются, совершенно одинаковы. Вотъ слова Франсуа Гюго: «Виндзорская приключенія Фальстафа имѣли мѣсто послѣ коронаціи Генриха V и послѣ публичнаго разрыва его съ сэромъ Джономъ. Такимъ образомъ, поэтъ обозначилъ различныя пути, по которымъ пошли какъ тотъ, такъ и другой. Въ то время, какъ Галь, окруженный славой, будетъ подыматься выше, Фальстафъ все больше и больше будетъ погружаться въ грязь. Въ то время, какъ принцъ, превращенный, возрожденный и очищенный, переходитъ отъ торжества къ торжеству и при Азинкурѣ становится самыи свѣтлымъ воплощеніемъ Англіи,—Фальстафъ, въ немилости, не будучи въ состояніи удовольствоваться пенсіей, назначенной ему въ видѣ милостыни молодымъ королемъ, дѣлая постоянно долги, погружаясь все больше и больше въ грязь, вырождаясь окончательно, впав въ дряхлость,—становится пошлой куклой, годной лишь для дѣтской забавы. Благодаря этой перемѣнѣ «Виндзорская кумушки», непосредственно предшествуя «Генриху V», съ чрезвычайной силой оттѣняютъ героическую эпопею. Окончательное паденіе отупѣвшаго рыцаря становится, такимъ образомъ, контрастомъ апофеоза идеализированаго монарха. Фарсъ оттѣняетъ эпопею».

Если читатель сопоставить эти слова французскаго критика со словами Гервинуса, приведенными мною выше, то онъ увидитъ въ нихъ одну и ту же мысль; какъ тотъ, такъ и другой стараются доказать, что «Виндзорская кумушки» были написаны Шекспиромъ въ *pendant* къ «Генриху V», съ тѣмъ, чтобы этой мѣщанской комедіей еще рѣзче оттѣнить героическую эпопею Генриха V. Какъ ни странна такая настойчивость приписывать Шекспиру нравоучительныя намѣренія, которыхъ у него не было, да и не могло быть,—тѣмъ не менѣе она существуетъ. Гервинусъ ограничился на этотъ разъ простымъ заявлениемъ морализующей казуистики великаго поэта; Франсуа Гюго, съ тою же цѣлью, прибѣгаєтъ къ эрудиціи и остроуміемъ болѣе, чѣмъ справедливъ, сопоставленіямъ. Съ такого рода взглядами едва-ли въ настоящее время возможно согласиться. Метафизический фазисъ критики вообще и шекспировской критики въ особенности безвозвратно прошелъ. Теперь мы не ищемъ въ великомъ англійскомъ поэту философскихъ доктринъ, почему-либо особенно намъ любезныхъ; мы не ищемъ въ немъ ни глубокихъ философскихъ намѣреній, ни нравоученій. Мы не думаемъ, подобно Ульрици, что въ «Венеціанскомъ купцѣ» Шекспиръ имѣлъ цѣлью доказать юридическую истину: *summum justicia, summa injuria*; съ другой стороны, мы не можемъ согласиться также и съ Гервинусомъ, будто въ этой пьесѣ Шекспиръ задается мыслью изучить отношение человѣчества къ богатству. Великаго англійскаго поэта мы рассматриваемъ не какъ философа, юриста или моралиста, а какъ поэта, воспроизведяющаго жизнь, а не морализующаго по поводу ея. Онъ встрѣчаетъ героическій характеръ въ исторіи Англіи,—характеръ Генриха V,—и, имѣя въ своихъ современникахъ живые образцы подобныхъ характеровъ, онъ создаетъ ге-

роическую эпопею. Вокругъ себя, въ частной и общественной жизни, онъ видѣлъ на всякомъ шагу Фальстафовъ; основные черты этого типа его чрезвычайно поразили и онъ создаетъ бессмертный типъ, ставя его въ благопріятную для него обстановку. Другихъ цѣлей у художника, а тѣмъ болѣе у такого великаго художника, не могло быть. Вотъ почему и философско-тенденціозныя гипотезы Гервинуса и Франсуа Гюго могутъ быть остроумны, но никогда не будутъ отвѣтъ истинѣ. Къ нимъ, впрочемъ, нѣтъ никакой надобности прибѣгать, потому что по отношенію къ «Виндзорскимъ кумушкамъ» существуетъ теорія гораздо болѣе естественная. Я говорю о мнѣніи, первоначально высказанномъ Чальмерсомъ и поддержанномъ Найтомъ,—теоріи, на основаніи которой «Виндзорская кумушки» являются какъ бы вступленіемъ къ первой части «Генриха IV». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта гипотеза наиболѣе вѣроятна. Я постараюсь обставить ее нѣкоторыми новыми доказательствами которая, надѣюсь, будутъ убѣдительны.

IV.

еобходимо прежде всего замѣтить, что напрасно Гервинусъ съ одной стороны и Франсуа Гюго съ другой, такъ настойчиво распространяются о крайней дряхлости Фальстафа въ «Виндзорскихъ кумушкахъ». Правда, что въ первой части «Генриха IV» Фальстафъ опредѣляется приблизительно свой возрастъ, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ: «Лѣтъ ему, я думаю, пятьдесятъ или около шестидесяти». Но эти слова, приводимыя Гервинусомъ и Франсуа Гюго въ подтвержденіе ихъ мнѣній, тѣмъ не менѣе противорѣчать какъ взглядамъ одного, такъ и предположеніямъ другого. И въ самомъ дѣлѣ, если справедливо, какъ они утверждаютъ, что виндзорский эпизодъ происходилъ или непосредственно передъ смертью Генриха IV (Гервинусъ), или же вскорѣ послѣ этой смерти (Франсуа Гюго), то въ Виндзорѣ, во всякомъ случаѣ, Фальстафу не могло быть менѣе семидесяти лѣтъ, такъ какъ слова его, приведенные выше, сказанные были незадолго (можетъ быть, за нѣсколько дней) до сраженія при Шрюсбери (1403 г.), гдѣ погибъ Перси, а Генрихъ IV умеръ, какъ известно, въ 1413 году. Возможно ли предположить, что семидесятилѣтний старикъ, ослабленный распутствомъ и пьянствомъ, могъ разсчитывать на любовную *bonne fortune*, въ особенности, если принять во вниманіе, что Фальстафъ, несмотря на распущенность своей натуры, былъ человѣкъ замѣчательно умный, въ чемъ ему никто не откажеть?

Затѣмъ, указываютъ на лѣта судьи Шалло, школьнаго товарища жирнаго рыцаря. Но эти слова точно также ничего не доказываютъ. «Я прожилъ, говорить онъ въ «Виндзорскихъ кумушкахъ»,—восемьдесятъ лѣтъ слишкомъ». Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти слова простая описка, или недосмотръ, встрѣчающаяся такъ часто и въ другихъ болѣе зрельыхъ произведеніяхъ Шекспира. Вотъ на чёмъ я основываю мое предположеніе: для всякаго очевидно, что во второй части «Генриха IV», Шал-

ло является гораздо более дряхлымъ старикомъ, чѣмъ въ «Виндзорскихъ кумушкахъ». Въ хроникѣ онъ впалъ почти въ дѣтство отъ старости, шамкаетъ глупыя слова, заботится о своемъ животѣ, хвастаетъ своимъ фруктовымъ садомъ и, какъ ребенокъ, восхищается Фальстафомъ. Онъ позволяетъ себѣ надувать самыя наглыя образы тому же Фальстафу, который, надувая его, надъ нимъ же издѣвается. Фальстафъ хвастаетъ своей дружбой съ наследникомъ престола, обѣщаетъ мировому судѣю цѣлья горы золота, хотя старику стоило только внимательно взглянуть на жирнаго рыцаря и на его компанию, чтобы убѣдиться въ ихъ наглой лжи; но Шалло ничего этого не видѣть и не разстается окончательно съ своей иллюзией даже тогда, когда Фальстафъ попадаетъ въ немилость. Но сравните поведеніе того же Шалло въ «Виндзорскихъ кумушкахъ». Тамъ онъ, конечно, тоже старикъ, но еще бодрый; онъ любить, конечно, поѣсть, но занимается и другими дѣлами. Онъ обнаруживаетъ нѣкоторую энергию въ желаніи преслѣдовати судомъ Фальстафа за убийство оленя; онъ дѣятельно хлопочетъ о томъ, чтобы Анна Педжѣ вышла замужъ за его двоюроднаго брата Слендера; онъ подыучиваетъ надъ докторомъ Каюсомъ и энергично участвуетъ въ фарсѣ, который устраивается виндзорскими мѣщанками съ цѣлью насолить Фальстафу. Ко всему этому прибавьте еще одно обстоятельство: въ началѣ комедіи онъ хочетъ преслѣдовать Фальстафа за убийство оленя, но если предположить, какъ этого хотятъ Гервинусъ и Франсуа Гюго, что виндзорская исторія происходитъ вскорѣ послѣ второй части «Генриха IV», то почему Шалло не требуетъ съ Фальстафа тысячи фунтовъ, которые тотъ задолжалъ ему и, разумѣется, по неизмѣнной своей привычкѣ, не отдалъ ихъ ему? А между тѣмъ, объ этой тысяче фунтовъ въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» нѣть и помину. При гипотезѣ Гервинуса и Франсуа Гюго все это совершенно непонятно, между тѣмъ какъ при моемъ предположеніи, все разрѣшается само собой: какъ только мы предположимъ, что виндзорская исторія происходила раньше «Генриха IV», то понятно, что тогда не могло быть и рѣчи о долгѣ Фальстафа, потому что этотъ долгъ сдѣланъ только впослѣдствіи, передъ самою смертью Генриха IV. Во всякомъ случаѣ, возможно-ли предположить, чтобы такую дѣятельную energiю, такую подвижную натуру, какую мы видимъ у Шалло въ «Виндзорскихъ кумушкахъ», представлялъ восьмидесятилѣтній старикъ? Вотъ почему, я думаю, что его слова—простой недосмотръ Шекспира. Критики и коментаторы великаго поэта объясняютъ описками и недосмотрами всѣ тѣ мѣста, которыя противорѣчатъ ихъ гипотезамъ, но не представляя на это никакихъ доказательствъ. Я не нахожу возможнымъ такъ бездремонно относиться къ тексту величайшаго изъ поэтовъ и если въ настоящемъ случаѣ прибѣгаю къ этому аргументу, то только потому, что всѣ внутреннія доказательства свидѣтельствуютъ, что слова Шалло о его лѣтахъ не ладятъ съ его поступками ни въ комедіи, ни въ хроникѣ.

Съ другой стороны, королева Елизавета желала видѣть Фальстафа въ комедіи влюбленнымъ; поэтому, болѣе, чѣмъ понятно, что Шекспиръ, приступая къ «Виндзорскимъ кумушкамъ», намѣревался изобразить намѣт жирнаго рыцаря болѣе молодымъ, чѣмъ мы видимъ его въ хроникѣ; въ противномъ

случаѣ фарсъ не имѣть бы никакого смысла. Весь комизмъ комедіи, естественно, долженъ быть сосредоточиваться на противорѣчіи, представляемомъ жирнымъ циникомъ, находящимся подъ вліяніемъ чувства любви. Но чтобы это чувство любви было правдоподобно, оказалось необходимымъ сдѣлать Фальстафа нѣсколько менѣе циникомъ, менѣе исправшимся по тавернамъ, менѣе откровеннымъ мерзавцемъ; другими словами, необходимо было снять съ его плечъ нѣсколько лѣтъ житейского опыта. Въ этомъ заключалась существеннѣйшая необходимость комедіи, *conditio sine qua non* ея существованія. Такъ и поступилъ Шекспиръ. Въ комедіи Фальстафъ уже не молодъ, онъ «видалъ виды», по крайней мѣрѣ, зерно будущей веселой шайки существуетъ уже и въ Виндзорѣ; но онъ гораздо наивнѣе, гораздо болѣе подчиняется своимъ первымъ влечениямъ. Въ первой части хроники Фальстафъ, находясь въ меланхолическомъ настроении духа, вспоминаетъ прежнее время: «А вѣдь было времи, говорить онъ,—когда я жилъ, какъ прилично дворянину: клялся мало, игралъ не болѣе семи разъ въ недѣлю, заходилъ въ публичные дома не болѣе одного раза въ часъ; даже случилось два раза заплатить свои долги. Словомъ, вѣль себя добропорядочно. А теперь? Лучше и не говорить. Мое безпутство не знаетъ предѣловъ¹⁾». Конечно, въ этихъ словахъ есть комический шаржъ, составляющій одно изъ любопытнѣйшихъ чертъ характера Фальстафа, но они весьма примѣнны въ ихъ общей сложности къ виндзорской эпохѣ, если эту эпоху помѣстить раньше хроники. Тогда, будучи моложе, онъ не былъ еще такъ смѣль и, изыскивая средства выманивать деньги, тѣмъ не менѣе дѣятельно платилъ долги и даже давалъ подачки мистриѣ Кукли. Во второй части той же хроники верховный судья говорилъ Фальстафу: «Посмотрите на себя: ваши глаза слезятся, руки изсохли, щеки пожелѣли, борода побѣлѣла, ноги укорачиваются, животъ ростетъ, голосъ вашъ надорванъ, дыханіе коротко, умъ помраченъ, старость отяжелѣла надъ вами окончательно, а вы хотите казаться молодымъ. Стыдитесь, сэръ Джонъ, стыдитесь²⁾. Фальстафъ не опровергаетъ этого діагноза, точности и вѣрности котораго подавидовалъ бы, несомнѣнно, и самый опытный врачъ нашего времени; но возможно-ли предположить, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого діагноза пациентъ вдругъ помолодѣеть и затѣть любовныя шашни въ Виндзорѣ, вынося безъ всякаго ущерба своему здоровью побои Форда и насильственная холодная ванны? Очевидно, что виндзорская исторія происходила раньше этого периода. «Вотъ двадцать два года, говорить онъ о Пойнсѣ въ хроникѣ,—какъ я даю себѣ слово ежечасно съ нимъ развязаться и все-таки не могу покончить!»³⁾ Эти слова были бы непонятны, еслибы виндзорская

исторія происходила значительно позднѣе ихъ; а такъ какъ въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» Пойнса нѣть, то слѣдовательно приходится заключить, что Фальстафъ или разстался съ нимъ, или же не сходился еще. Но при слабости къ Пойнсу, послѣднее невозможно допустить. Значить, въ Виндзорѣ онъ еще не зналъ Пойнса и его встрѣча съ нимъ имѣла мѣсто тогда, когда веселая компания съ принцемъ во главѣ уже окончательно сформировалась, чего мы не видѣли въ Виндзорѣ. Франсуа Гюго считаетъ Фентона старымъ товарищемъ принца уэльскаго и Пойнса, но это, очевидно, недоразумѣніе. Товарищемъ Пойнса и при томъ же старымъ, во всякомъ случаѣ онъ не могъ быть, что впрочемъ и подтверждается словами хозяина въ комедіи: «А какого вы мнѣнія о молодомъ мистерѣ Фентонѣ? Онъ порхаетъ, онъ пляшетъ, онъ смотритъ настоящимъ юношемъ, онъ пишетъ стихи, онъ говоритъ по праздничному, онъ пахнетъ апрѣлемъ и маємъ...»⁴⁾ На это Пэджѣ отвѣчаетъ словами, которыя ввели въ заблужденіе французскаго критика: «у этого джентельмена нѣть ни гроша за душой; онъ водитъ дружбу съ нашимъ безпутнымъ принцемъ и Пойнсомъ; онъ птица слишкомъ высокаго полета; онъ ужъ черезъ чуръ много знаетъ!»⁵⁾ Изъ этихъ словъ еще не слѣдуетъ, чтобы Фентонъ былъ членомъ веселой компании, очевидно, еще несуществующей; эти слова несомнѣнно доказываютъ только одно: виндзорская исторія происходитъ при жизни Генриха IV,—что окончательно разрушаетъ гипотезу Франсуа Гюго; но происходитъ ли она раньше первой части хроники, втечениіи-ли времени, охватывающаго хронику, или передъ самой смертью Генриха IV,—этого слова Пэджа не объясняютъ. Но вотъ весьма важное обстоятельство въ пользу моей гипотезы. Фальстафъ говоритъ Форду: «Съ тѣхъ поръ, какъ я щипалъ гусей, бѣгалъ отъ своихъ учителей и погонялъ кнутомъ кубарь, до вчерашняго дня я не зналъ, что значитъ быть поколоченнымъ!»⁶⁾—И такъ, по свидѣтельству самого Фальстафа, въ Виндзорѣ его въ первый разъ поколотили серъезно; значитъ, виндзорская исторія не могла происходить послѣ веселаго житѣя хроники, потому что это житѣе не обходилось для Фальстафа безъ побоевъ; она происходила раньше и является, такимъ образомъ, первымъ шагомъ къ блестящей карьерѣ блестящаго рыцаря, полное изображеніе котораго мы имѣемъ въ хроникѣ. Можно было бы умножить подобныя доказательства въ пользу моего мнѣнія, но я думаю, что они будутъ излишни. Совершенно достаточно, какъ мнѣ кажется, и тѣхъ, которыя я сгруппировалъ. Само собой разумѣется, эти доказательства по необходимости не полны, такъ какъ Шекспиръ, вѣроятно, не подозрѣвалъ, что этотъ вопросъ сдѣляется современемъ камнемъ преткновенія критики. Для своей комедіи онъ выбралъ совершенно самостоятельный эпизодъ изъ жизни жирнаго рыцаря и, какъ кажется, намѣренно избѣгалъ намековъ на прежнюю жизнь своего героя, но эти намеки и сами по себѣ должны были

¹⁾ По изданію Деліуса, томъ III, стр. 76: «I was as virtuously given as a gentleman need to be; virtuous enough: swore little; diced not above seven times a week, went to a bawdyhouse not above once in a quarter—or of an hour; paid money that I borrowed three or four times; lived well, and in good compass; and now I live out of all order, out of all compass».

²⁾ Idem, стр. 28: «Have you not a moist eye, a dry hand, a yellow cheek, a white beard, a decreasing leg, an increasing belly? Is not your voice broken, your wind short, your chin double, your wit single, and every part about you blasted with antiquity, and will you yet call yourself young? Fie, fie, fie, Sir Iohn!»

³⁾ Idem, стр. 38: «I have forsworn his company hourly any time this two-and-twenty years, and yet I am bewitched with the rogue's company».

⁴⁾ Idem, томъ VI, стр. 55: «What say you to young master Fenton? he capers, he dances, he has eyes of youth, he writes verses, he speaks holyday, he smells April and May...»

⁵⁾ Idem, стр. 55: «The gentleman is of no having: he kept company with the wild Prince and Poins; he is of too high a region; he knows too much».

⁶⁾ Idem, стр. 86.—«Since I plucked geese, played truant, and whipped top, I knew not what it was to be beaten, till lately».

быть весьма скучны, такъ какъ поприще Фальстафа только еще начиналось и могло доставить только весьма ограниченный материал остроумію жирнаго рыцаря и лицъ, окружающихъ его. Въ этомъ же обстоятельствѣ кроется причина и сравнительно не полной характеристики Фальстафа въ «Виндзорскихъ кумушкахъ». Если бы эта комедія написана была Шекспиромъ прежде двухъ частей «Генриха IV», если бы тогда образъ жирнаго рыцаря только возникалъ въ творческомъ воображеніи поэта,—то, разумѣется, и въ комедіи онъ далъ бы намъ такую же полную и геніальную характеристику, какую далъ въ «Генрихѣ IV»; но къ «Виндзорскимъ кумушкамъ» онъ приступилъ только тогда, когда фигура Фальстафа, благодаря «Генриху IV», уже была популярна; она пріобрѣла известныя, опредѣленныя и установившіяся черты; ничего новаго къ этимъ чертамъ нельзя было прибавить даже Шекспиру. Ему оставалось только взять ихъ готовыми и приоровить ихъ къ новой обстановкѣ, ослабляя однѣ и усиливая другія и, желая нѣсколько обновить свой типъ, онъ сдѣлалъ Фальстафа нѣсколько моложе и это единственное обстоятельство объясняетъ всю разницу между Фальстафомъ «Виндзорскихъ кумушекъ» и Фальстафомъ «Генриха IV».

V.

ы знаемъ такимъ образомъ почти несомнѣнно, во первыхъ, что «Виндзорскія кумушки» были написаны Шекспиромъ между 1598 и 1601 годомъ, значитъ, эта комедія слѣдовала непосредственно послѣ создания двухъ частей «Генриха IV» и предшествовала, вѣроятно, «Дѣйнадцатой ночи». Во вторыхъ, мы знаемъ, что «Виндзорскія кумушки» есть частный эпизодъ изъ жизни Фальстафа, эпизодъ, предшествующій его веселому житию, изображеному въ двухъ частяхъ «Генриха IV».

Благодаря этимъ двумъ результатамъ, мы можемъ приступить теперь къ литературному анализу комедіи. Первымъ вопросомъ, разумѣется, является вопросъ о непосредственныхъ источникахъ, изъ которыхъ Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ своей комедіи. Галіузъ насчитываетъ шесть такихъ источниковъ: 1) Разсказъ изъ «Le tredici piacevoli notti del S. Gid. Francesco Straparola»; 2) Разсказъ изъ «Il Pecorone di Sen. Giovanni Fiorentini»; 3) Разсказъ изъ довольно рѣдкаго собранія старыхъ англійскихъ новелъ, подъ заглавіемъ: «Счастливые обманутые и несчастные любовники»; 4) Другой рассказъ изъ «Le tredici piacevoli notti»; 5) Разсказъ изъ «Вѣсти изъ Чистилища» соч. Тарльтона; 6) Разсказъ изъ рѣдкаго изданія подъ заглавіемъ: «Westward for Smelts», который, по мнѣнію Мэлона, побудилъ Шекспира сдѣлать Виндзоръ мѣстомъ дѣйствія любовныхъ приключений Фальстафа.

Комическихъ элементы ситуаціи Шекспиръ заимствовалъ по большей части изъ этихъ рассказовъ. Еще въ XIV столѣтіи, Фіорентини рассказалъ въ «Il Pecorone (giornata 1, novella 2) приключение одного болонского студента, который, влюбившись въ жену сво-

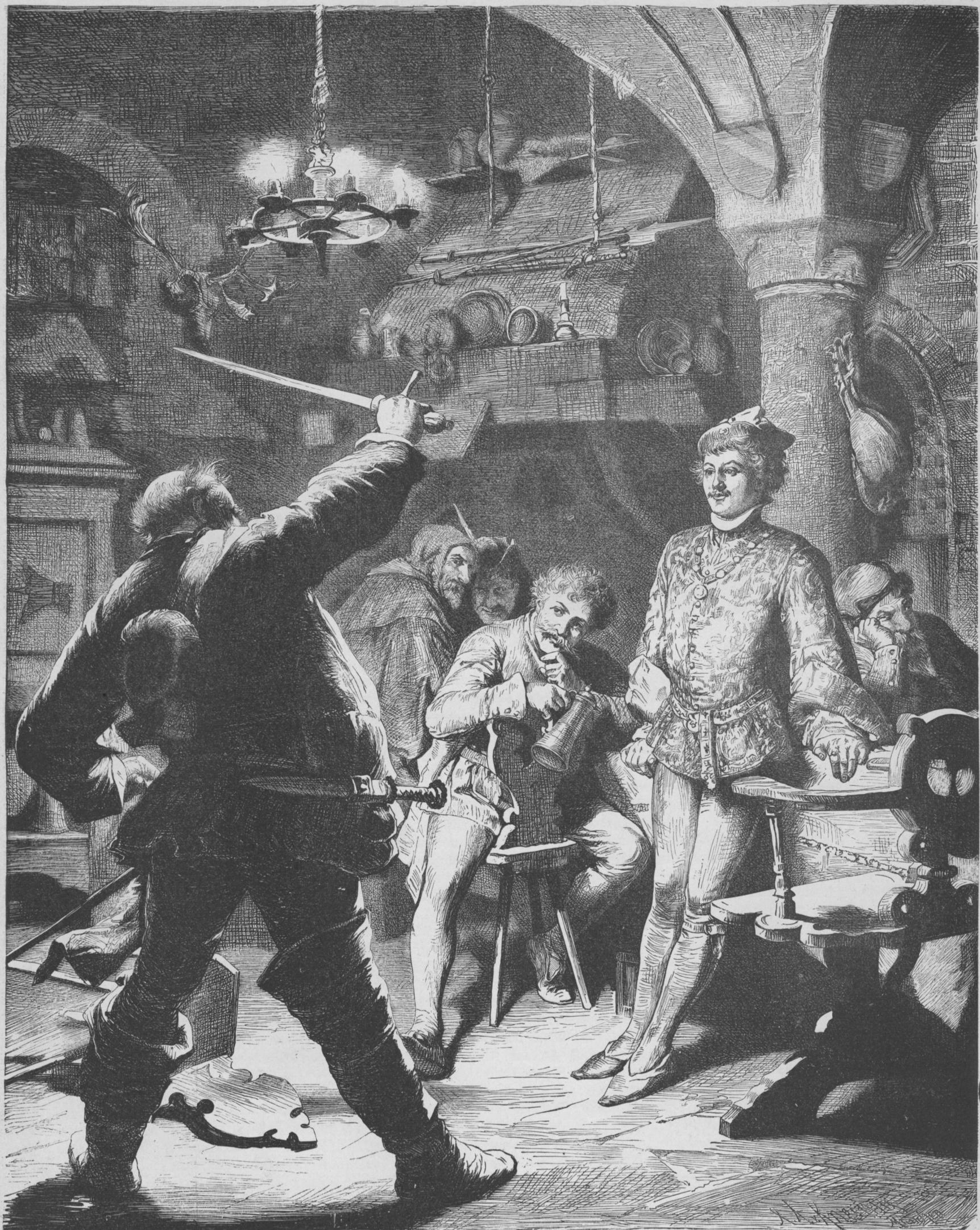
его профессора (не зная, кто она), побѣряетъ мужу свои любовныя проекты, просить у него совѣтовъ и даже разсказываетъ, когда она назначила ему свиданіе. Мужъ, зная все впередъ, постоянно является невзначай и мѣшаетъ ихъ уединенію; но несмотря на всѣ предосторожности, предпринимаемыя имъ, студентъ ускользаетъ отъ него: разъ, прячась подъ цѣлой кучей только что выстиранаго, сырого бѣлья, въ другой разъ проскользнувъ въ темнотѣ, въ ту самую минуту, когда служанка отираетъ двери ревнивому мужу. Всѣ эти неудачи приводятъ мужа въ бѣзпечество; являются родственники жены, убѣждаятся, что онъ съума сошоль, вяжутъ его и кладутъ его на тюФякъ передъ огнемъ. Студентъ является съ визитомъ къ своему профессору и, замѣтивъ на этотъ разъ, кого именно онъ надувалъ, скрывается въ Римѣ. Таже исторія находится и въ сборникѣ новелъ Страпаролы, съ тою только разницей, что подробности бѣгства нѣсколько измѣнены и исторія кончается болѣе трагически. Любовникъ ускользаетъ отъ обманутаго мужа, прячась въ брачную постель, занавѣсы которой были спущены, потомъ скрываясь въ чемоданѣ, покрытый бѣльемъ и, наконецъ, помѣщаясь въ сундуке съ важными семейными бумагами, сундукъ, который по приказанію жены уносятъ изъ дома, охваченаго пожаромъ. Послѣ этого любовники бѣгутъ въ Португалію, а мужъ умираетъ съ отчаянія. Въ 1590 году, итальянская новела перешла въ Англію въ изданіи Тарльтона «Вѣсти изъ Чистилища». Англійскій разсказчикъ перефразируетъ новелу Страпаролы, но еще замысловатѣе украшаетъ ее, напримѣръ, въ разсказѣ о хитромъ средствѣ, которое женщина употребляетъ, чтобы спасти любовника отъ огня и въ развязкѣ. Тарльтонъ, однако же, видимо изыскиваетъ смягчающія обстоятельства по отношенію къ женѣ, разсказывая, что она была выдана замужъ въ очень молодыхъ годахъ и насилиемъ за доктора сорока двухъ лѣтъ. Новела Фіорентини также встрѣчается въ англійской повѣствовательной литературѣ въ одномъ сборникѣ, который вышелъ подъ заглавіемъ: «The fortunate, the deceived and unfortunate Lovers»; въ англійской передѣлкѣ всѣ главныя подробности передаются безъ всякаго измѣненія по «Pecorone» Фіорентини. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Шекспиръ заимствовалъ содержаніе комедіи изъ разсказа Тарльтона. Онъ воспользовался интригой, хотя и тутъ кое-что измѣнилъ въ ней; такъ, напр., онъ устранилъ обманъ жены и смерть мужа. Нѣкоторые критики видятъ въ этомъ обстоятельствѣ нравоучительныя дѣли поэта, хотя его измѣненія можно гораздо проще и естественнѣе объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что, принимая всѣ подробности первоначального разсказа, Шекспиръ липшалъ себѣ многихъ комическихъ сторонъ своего сюжета. Необходимо замѣтить къ тому, что въ новелѣ Страпаролы встрѣчается еще другой комической элементъ: когда во времена праздничныхъ плясокъ любовникъ объясняется въ любви тремъ женщинамъ разомъ,—онѣ, сообщивъ обо всемъ другъ другу, рѣшаются наказать его, и, подъ тѣмъ предлогомъ, что его нужно спасти отъ пришедшаго мужа, одна за другой ставятъ его въ самое ужасное положеніе, которое пугаетъ его и причиняетъ ему физическія муки. Это комическое положеніе вошло какъ основной элементъ содержанія комедіи Шекспира; этотъ элементъ былъ обставленъ комической шуткой новелы Фіорентини и

украшенъ мотивами сатирическаго характера, такъ какъ въ комедіи Шекспира безпричинная ревность мужа наказывается шуточными продѣлками честныхъ женъ. Вотъ все, что было заимствовано Шекспиромъ. Вся та часть комедіи, гдѣ участвуютъ Анна Пэджъ, Фентонъ, докторъ Каюсь, Слендеръ, Шалло, Пэджъ, хозяинъ «Подвязки»,—была прибавлена Шекспиромъ къ заимствованному сюжету, но такъ, что составила вмѣстѣ съ нимъ одно гармоническое цѣлое. «Нужно твердо помнить, говорить Рудольфъ Женѣ,—что не вслѣдствіе чтенія того или другого разсказа у поэта явилась мысль написать комедію, но что онъ для назначенаго уже ему главнаго лица искалъ дѣйствія, которыемъ могъ бы воспользоваться, и поэтому нужно въ этомъ случаѣ удивляться его необыкновенному искусству».

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно сопоставить рядомъ Мольера и Шекспира. Оба гения не разъ встрѣчались или въ выборѣ сюжетовъ, или же въ выборѣ характеровъ (указуя, между прочимъ, на характеръ Мизантропа: у Мольера «Le Misanthrope», у Шекспира: «Timon of Athens»). Какъ Мольеръ, такъ и Шекспиръ, руководствовались одною и тою же аксіомой при выборѣ сюжетовъ: *je prends mon bien partout où je le trouve*. Встрѣча была и на этотъ разъ; Шекспиръ для своихъ «Виндзорскихъ кумушекъ» воспользовался разсказомъ итальянского происхожденія, который точно также послужилъ и Мольеру канвой для его «Ecole des femmes». Комическое положеніе, какъ тутъ, такъ и тамъ, приблизительно одинаково; Мольеръ сходится съ Шекспиромъ даже въ измѣненіяхъ итальянской новелы; оба, напр., устраняютъ трагическую развязку; оба устраняютъ преступность жены, но каждый устраиваетъ по своему. Мольеръ достигаетъ этого, радикально измѣняя отношенія обманутаго къ обманщицѣ: Арнольфъ—не мужъ Агнесы, но вздыхатель и это обстоятельство позволяетъ молодой дѣвушкѣ отдаваться Орасу безъ преступленія и даже безъ обмана. Тѣмъ не менѣе, это разрѣшеніе щекотливаго вопроса не вполнѣ удовлетворительно: удивленіе старика, страстно влюбленнаго, и его окончательное отчаяніе, производятъ тяжелое впечатлѣніе, которое не искупается комизмомъ подробностей, въ немъ даже замѣтна трагическаяnota. Мольеръ къ тому же и въ развитіи подробностей не такъ счастливъ, какъ Шекспиръ. Фордъ у Шекспира подъ вымышленнымъ именемъ дѣлается довѣреннымъ лицомъ Фальстафа; точно также и Арнольфъ въ мольеровской комедіи является довѣреннымъ лицомъ Ораса; но всѣ комическая перипетія этого положенія совершаются на сценѣ у Шекспира, между тѣмъ, какъ онъ только разсказаны у Мольера. Само-собой разумѣется, что въ разсказѣ теряется по крайней мѣрѣ, половина комизма; является простая, довольно холодная передача фактовъ, въ то время, какъ у Шекспира мы видимъ дѣйствіе. Вотъ, напр., одинъ изъ такихъ рассказовъ:

Mais à peine tous deux dans la chambre étions nous
Qu'elle a sur les dégrés entendu son jaloux;
Et tout ce qu'elle a pu dans un tel accessoire,
C'est de me renfermer dans une grande armoire.
Il est entré d'abord, je ne le voyais pas;
Mais je l'oyais marcher, sans rien dire, à grands pas,
Poussant de temps en temps des soupirs pitoyables

РИСУНОКЪ Е. ГРЮЦНЕРА.

РАЗСКАЗЪ ФАЛЬСТАФА О ПОБОИЩѢ.

Съ фотографіи «Фотографическаго Общества» въ Берлинѣ.

E
F
E
Я
В
С
Ч
Н
Д
К
Е
Р
І
Н
І
І
І
І

Et donnant quelquefois des grands coups sur les tables,
Frappant le petit chien qui pour lui s'émouvait,
Et jetant brusquement les hardes qu'il trouvait...¹⁾

Разсказъ замѣчательнъ по формѣ и по языку, но не производитъ того комического впечатлѣнія, которое производить соотвѣтствующая сцена въ комедіи Шекспира. То, что, разсказывая, Мольеръ скрываетъ отъ нашихъ взоровъ, — Шекспиръ, напротивъ, показываетъ намъ; мы присутствуемъ при комической сценѣ, только рассказанной Мольеромъ; у Шекспира при обыскахъ ревниваго мужа, мы видимъ, какъ мужъ въ бѣшенствѣ швыряетъ грязнымъ бѣльемъ. Такимъ образомъ, самая смѣшная перипетія, почти совершенно незамѣчаемая въ пьесѣ Мольера, составляютъ самая комическая сцены у Шекспира. Мольеръ избѣгаетъ фарса, въ то время, какъ Шекспиръ вездѣ его ищетъ; Мольеръ умѣряетъ комической элементъ, Шекспиръ вездѣ его утрируетъ. Палка, отъ которой за кулисами страдаетъ Орасъ, весьма осиятельно гуляетъ по спинѣ Фальстафа, переодѣтаго въ старую бабу. Рога, которые для Арнольфа являются только невидимымъ пугаломъ, слишкомъ видны у Шекспира и въ рѣшительную минуту, при освѣщеніи тысячами огней въ виндзорскомъ паркѣ, украшаютъ своими чудовищными развѣтвленіями лобъ осмѣяннаго Фальстафа. Къ тому же и самыи предметъ сатиры различенъ въ обѣихъ комедіяхъ. Мольеръ издѣвается надъ старикомъ (почти мужемъ), который готовилъ себѣ въ жены невинную молодую дѣвушку; онъ выслушиваетъ невѣжество, глупость, пошлость и, въ концѣ концовъ, преподноситъ зрителю мораль въ видѣ афоризма, что если выгонишь природу въ дверь, то она вѣзетъ въ окно и что женщина перехитритъ самаго хитраго и опытнаго мужчину (отсюда и заглавіе пьесы: школа женщинъ). Въ комедіи же Шекспира только педанты-моралисты могутъ видѣть нравоучительныи цѣли: у него это—этюдъ въ формѣ фарса; этюдъ, во-первыхъ, человѣческаго сердца, необыкновенно глубокій, во-вторыхъ, этюдъ реальныхъ типовъ, правда, съ примѣсью сатиры, но безъ малѣйшаго намѣренія приходить къ какимъ бы то ни было поучительнымъ выводамъ. У Мольера—сатира надъ глупостью человѣческой, у Шекспира—изученіе натуры въ нѣкоторыхъ комическихъ ея проявленіяхъ.

Этотъ примѣръ указываетъ на существенную разницу комического генія двухъ великихъ европейскихъ народовъ. Для француза сущность комедіи заключается по преимуществу въ тонкой, умѣренной сатирѣ, въ смѣшной и вредной сторонѣ нравовъ, изрѣдка — въ психологическомъ этюдѣ съ цѣлью практическою, и комедія при этихъ условіяхъ гораздо болѣе является произведеніемъ разсудка, чѣмъ воображенія, въ ней гораздо болѣе наблюдательности, чѣмъ фантазіи. Англичане совершенно иначе понимаютъ комедію; для нихъ, по большей части, комедія есть плодъ блестящей фантазіи, нѣчто въ родѣ фейерверка, ослѣпляющаго блескомъ и поэзіей, кайризныхъ выходокъ воображенія

и остротъ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ коренному различію комического генія двухъ націй, стоитъ только обратить вниманіе на комедію въ ея двухъ величайшихъ представителяхъ: у Мольера и у Шекспира. Въ настоящее время взаимное вліяніе литературы и жизни во многомъ сгладило эти различія, но сущность все-таки осталась также. Во всѣхъ произведеніяхъ Мольера, начиная съ «Etourdi» и оканчивая «Le Malade imaginaire», этотъ французскій характеръ комического элемента рѣзко замѣтенъ. Въ комедіяхъ же Шекспира, напротивъ, преобладаетъ англійскій характеръ фантазіи, юмора, блестящей поэзіи, иногда скептическаго отношенія къ людямъ и человѣчеству. Одинъ только Фальстафъ, наполняющій собою комическую часть «Генриха IV» (и клоуны въ комедіяхъ) выдѣляются изъ этого опредѣленія, потому что представляютъ элементъ народнаго англійскаго фарса. Французы и теперь не могутъ понять, почему Фальстафъ такъ популяренъ въ Англіи; что комичнаго въ этомъ жирномъ рыцарѣ, который грабить прохожихъ и изъ трусости самъ подвергается ограбленію, плутуетъ, набираеть въ солдаты хилыхъ оборванцевъ и освобождается отъ службы здоровыхъ парней, которые платятъ ему; прикидывается убитымъ, когда непріятель нападаетъ на него въ сраженіи; надуваетъ свою хозяйку, обѣщаючи на ней жениться, но въ то же время не платить ей своего долга и который, въ концѣ концовъ, представляетъ странную и чудовищную смѣшную трусости, пьянства, обжорства, цинизма съ неистощаемымъ остроуміемъ.

Но этотъ грубый фарсъ при всей своей грубости и цинизмѣ представляетъ чрезвычайно рельефно самую прозаическую и эгоистическую сторону натуры человѣческой и даетъ возможность подойти къ реалистической комедіи, какъ мы понимаемъ ее въ настоящее время. Этотъ Фальстафъ, который, казалось бы, только смѣшить насыть своими грубыми выходками, въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» является центромъ самой мѣщанской, но въ то же время и самой реалистической комедіи. «Виндзорская кумушки» стоятъ совершенно особо въ ряду другихъ комедій Шекспира. Тамъ преобладаетъ фантазія и поэзія, высокое чувство природы, грустный, а по временамъ саркастический взглядъ на жизнь, фантасмагорія чувства и фантастический элементъ поэтическаго воображенія; здѣсь же, наоборотъ, преобладающимъ элементомъ становится непосредственное наблюденіе мѣщанской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, за исключеніемъ развязки, гдѣ является снова лирическая фантазія. Эта комедія, подобно полному микрокозму, сосредоточиваетъ въ себѣ все англійское общество среднихъ вѣковъ; всѣ существенные функции городской и общественной жизни XVI столѣтія сгруппированы здѣсь съ поразительнымъ искусствомъ. Этого обстоятельства, по странной случайности, почти не замѣтила критика или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ мало обратила на него вниманія.

Наиболѣе существеннымъ и нужнымъ элементомъ средневѣковаго города является хозяинъ таверны,—соединительное звено всѣхъ слоевъ общества, другъ всѣхъ и каждого; полный, съ краснымъ, жирнымъ лицомъ, онъ всегда на порогѣ своей таверны; онъ знаетъ всѣхъ и все; всѣ уважаютъ его, потому что онъ находится въ сношеніяхъ съ великими міра сего. Купецъ прибѣгаетъ къ нему, какъ къ посреднику торговыхъ сдѣлокъ; молодой вельможа даетъ ему ще-

котливыя порученія. Онъ непремѣнно вѣсельчакъ, постоянно острить и заставляетъ смѣяться. Онъ кромѣ того примиритель по существу, разумѣется, въ интересахъ своей гостиницы. Въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» онъ вмѣшивается въ споръ Кайюса съ Эваномъ, которые хотятъ драться на дуэли, и, не будучи въ состояніи примирить ихъ, онъ плутуетъ, назначая каждому особое мѣсто для свиданія, и въ концѣ концовъ все-таки примиряетъ ихъ. Это типъ, исчезнувшій въ наше время, но превосходно представляющій одну изъ любопытныхъ сторонъ англійской жизни. Рядомъ съ хозяиномъ таверны мы видимъ доктора (Кайюса), съ французскимъ произношеніемъ, педанта съ претензіями, хвастающагося своими сношеніями со дворомъ, повѣренного всѣхъ семейныхъ тайнъ; онъ столько же знаетъ о Гиппократѣ и Галенѣ, сколько знаетъ горшокъ; а въ добавокъ къ этому еще плутъ и трусь, какого только вы можете встрѣтить на свѣтѣ». За нимъ мы примѣчаемъ пастора (Эванса), съ валлійскимъ произношеніемъ, еще болѣе комичнѣмъ, чѣмъ произношеніе Каюса, представителя церкви, духовнаго наставника и въ этомъ качествѣ соперника доктора, съ открытой добродушной физіономіей, весельчака, готоваго при случаѣ спѣть веселую пѣсеньку и подраться на дуэли. Еще степенью выше въ общественной іерархіи мы видимъ судью, знаменитаго Шалло, знакомаго намъ и по «Генриху IV», —хвастуна и болтуна, напускающаго на себя важность; это—представитель средневѣковаго закона, защитникъ порядка и общественной нравственности. Онъ,—лучшее украшеніе мѣщанства, представителями котораго въ нашей комедіи являются также Пэджъ и Фордъ, личности вульгарныя, съ руками, привычными къ труду, фермеры-собственники и горожане, представители средневѣковой буржуазіи. Но въ городѣ немаловажную роль играетъ также и эсквайръ,—въ нашей комедіи Слендеръ,—эсквайръ, конечно, провинціальный, нѣчто среднее между мѣщаниномъ и дворяниномъ, съ дурацкой физіономіей, жалующійся, что у него только три лакея и одинъ пажъ, провинціальный франтъ, любитель собачьихъ бѣговъ и медвѣдей. Эта коллекція была бы не полна, еслибы во главѣ не имѣла Фальстафа, представляющаго собой элементъ рыцарства; это—средневѣковой типъ старой расы за воевателей, послѣднее, дряхлое воплощеніе первобытной аристократіи...

Мы уже сказали, что «Виндзорская кумушки», послѣдно набросанныя около 1600 года, принесли свой окончательный видъ только впослѣдствіи... Эта передѣлка въ особенности тѣмъ интересна, что обнаруживаетъ процесъ шекспировскаго творчества.

Первоначальный эскизъ комедіи страдаетъ слишкомъ безпорядочнымъ накопленіемъ эпизодовъ; они слѣдуютъ другъ за другомъ безъ перерыва и несчастный сэръ Джонъ Фальстафъ не имѣть времени помниться; едва-лишь онъ выскочилъ изъ корзины съ грязнымъ бѣльемъ, какъ ему приходится переодѣваться въ старуху и получать побои; не успѣлъ онъ опомниться отъ палки Форда, какъ его ведутъ въ паркъ, гдѣ онъ получаетъ окончательное возмездіе за свои подвиги. Въ окончательной обработкѣ ходъ дѣйствія измѣненъ. Послѣ эпизода съ корзиной—сцена съ Анной Пэджъ; затѣмъ совѣщаніе Фальстафа, Куики и Форда; послѣ совѣщанія съ цѣлью избѣжать слишкомъ быстрого перехода отъ совѣщанія къ слѣ-

¹⁾ Какъ только мы остались вдвоемъ въ комнатѣ,—она услыхала шаги своего ревнивца; она только и могла сдѣлать въ этомъ случаѣ—запереть меня въ большой шкафъ. Онъ вошелъ, я его не видѣть, но я слышалъ, какъ онъ молча ходилъ большими шагами, испуская отъ времени до времени жалобные вздохи, пихая порою ногой столъ, нанося удары собаченкѣ, встревоженной его приходомъ, и бросая попадавшія ему подъ руку пожитки.

дующей мистификацией,—является вводный эпизодъ, прибавленный къ первоначальному сценарию, прелестный эпизодъ, гдѣ мистрись Пэджъ ведетъ своего мальчика въ школу и заставляетъ сэра Гуга Эванса экзаменовать его. Тѣ же предосторожности употреблены были Шекспиромъ и для окончательного фарса въ виндзорскомъ паркѣ. Въ первоначальномъ эскизѣ фарсъ побоевъ отдаленъ отъ фарса въ паркѣ только четырьмя сценами; теперь комедія имѣеть семь сценъ. Къ первоначальному сценарию Шекспиръ прибавилъ три сцены съ цѣлью подготовить окончательную мистификацію: третій визитъ Форда къ Фальстафу и двѣ сцены, показывающія намъ, какъ обѣ группы заговорщиковъ, болтая и сплетничая, направляются къ парку. Такимъ образомъ, подготовленная и объясненная, наступаетъ заключительная сцена въ необходимой фантастической торжественности. Даже эта послѣдняя сцена была значительно измѣнена. Въ сценарио стихи, пѣтые предполагаемыми эльфами вокругъ гернскаго дуба, имѣютъ по преимуществу сатирическій оттенокъ и, вѣроятно, намекаютъ на личности и особенности времени; эльфы уговариваютъ другъ друга щипать служанокъ, отправляющихся спать, не вымыть посуды, нещадно мѣшать сну прокуроровъ и сыщикамъ «съ лисьими глазами». Шекспиръ вычеркнулъ эту послѣднюю насыпку, нѣсколько банальную, и замѣнилъ ее знаменитой одой, внушенной ему величиемъ виндзорского замка:

About, about!

Search Windsor castle, elves, within and out...

Волненіе поэта внезапно обнаруживается и въ лирическомъ порывѣ онъ призываѣтъ королей чтить это прошлое величье, среди котораго они гостятъ, высказывая въ тоже время желаніе, чтобы они всегда были достойны его. Потомъ, обращаясь къ аристократіи, которой гербы хранятся въ капелѣ св. Георга, онъ въ намекахъ желаетъ, чтобы эти знаки земного величія были въ тоже время знаками и нравственного величія. По мнѣнію большинства коментаторовъ, эти стихи были написаны по случаю событія, которое должно было живѣйшимъ образомъ интересовать Шекспира. Въ іюлѣ 1604 года графъ Стоутэмптонъ, которому Шекспиръ еще гораздо раньше посвятилъ свои сонеты, былъ освобожденъ отъ тѣжкаго заключенія смертью Елизаветы (1603) и сдѣланъ кавалеромъ ордена Подвязки. «Виндзорскія кумушки» были снова представленаы при дворѣ въ 1604 году и очень вѣроятно, что по этому случаю Шекспиръ вставилъ эти стихи, какъ радостный привѣтъ тому, кого онъ называетъ въ своихъ сонетахъ: «Lord of my love» Вѣроятно также, что къ этому времени относится и окончательная обработка всей комедіи.

Эта переработка замѣтна, впрочемъ, не столько въ цѣломъ, сколько въ деталяхъ. Каждое измѣненіе или добавленіе составляетъ новую, индивидуальную черту, объясняющую характеръ или типъ. Такъ, напр., характерное выраженіе (не существующее въ сценарио) прибавляетъ новую, любопытную черту къ характеру сантиментальной Анны: «Какъ! Выти замужъ за доктора Кайюса? Ужь лучше пусть меня живой зароютъ, или до смерти закидаютъ рѣпой!» Въ другомъ мѣстѣ поэтическая фраза объясняетъ предпочтеніе Анны къ Фентону: «онъ порхаетъ, пляшетъ, смотрѣть настоящимъ юношамъ, пишетъ стихи, говоритъ по

праздничному, пахнетъ апрѣлемъ и маємъ!» Не менѣе яркое освѣщеніе получаетъ и Слендеръ, соперникъ Фентона: «у него крохотное лицо съ маленькой желтой бородкой, на подобіе бороды Каина; онъ смиренный, но по временамъ ловко работаетъ кулакомъ; онъ держитъ голову вверхъ и ходитъ фертомъ». Въ первоначальномъ эскизѣ Слендеръ сохраняетъ еще нѣкоторую нравственную инициативу: онъ самъ вознамѣрился жениться на Аннѣ; у него сохранилось еще настолько ума, что онъ самъ говоритъ ей объ этомъ, выбравъ удобную минуту. Въ окончательной обработкѣ, Слендеръ — полуидотъ; его бракъ съ Анной придуманъ Эвансомъ, этотъ проектъ, поддержаный Шалло, принятый Пэджемъ, тѣмъ не менѣе не ладится; несмотря на всѣ ихъ усилия, они не могутъ объяснить Слендеру его роль; онъ никакъ не можетъ объясняться въ любви молодой дѣвушкѣ. Эта фигура самодовольного и глупаго провинціала,—самая оригинальная въ комедіи, по мнѣнію Гецлита,—почти совершенно не существуетъ въ сценарио, или существуетъ только въ зачаткѣ. Если Фордъ ревнуетъ свою жену, то потому, что его жена «много болтаетъ и дѣлаетъ глазки»,—объясняетъ Шекспиръ. Если Пэджъ спокойенъ насчетъ своей жены, то потому, что мистрись Пэджъ рѣшительно управляетъ мужемъ: «она дѣлаетъ и говоритъ все, что хочетъ, получаетъ все, платитъ за все, ложится и встаетъ, когда ей вздумается; все дѣлается по ея желанію и она этого достойна: она самая милая женщина въ Виндзорѣ». Мистрись Пэджъ— вполнѣ почтенная женщина, но не жеманна; это одна изъ тѣхъ женщинъ, которая не напяливаются на свою честность педантски-строгихъ формъ,—особенность характера, въ достаточной мѣрѣ объясненная извѣстнымъ восклисаніемъ во вкусѣ Раблѣ, которое было прибавлено Шекспиромъ къ окончательному эскизу.

VI.

амъ остается изучить Фальстафа, являющагося не только центромъ интриги «Виндзорскихъ кумушекъ», но и действительнымъ, несомнѣннымъ героемъ комедіи. Фальстафъ, какъ извѣстно, одинъ изъ любимцевъ Шекспира, гораздо, конечно, въ большей степени, чѣмъ, напр., король Генрихъ V, герой Азинкура, котораго нѣкоторые критики считаютъ портретомъ самого Шекспира. Къ своему любимцу, жирному рыцарю, Шекспиръ возвращается нѣсколько разъ; кроме «Виндзорскихъ кумушекъ» онъ играетъ видную роль въ обѣихъ частяхъ «Генриха IV»; извѣстно также, что Шекспиръ намѣревался вывести его и въ хроникѣ «Генриха V», но впослѣдствіи оставилъ свое намѣреніе, разсказавъ только въ этой послѣдней хроникѣ устами Куики смерть сэра Джона. Такимъ образомъ, мы имѣемъ почти полную біографію жирнаго рыцаря, тѣмъ болѣе драгоценную, что она испещрена неисчерпаемымъ количествомъ характерныхъ чертъ, дѣлающихъ эту колосальную фигуру чудомъ искусства и дающихъ намъ такую полную характеристику, какая не существуетъ ни въ одной изъ литературъ.

Сэръ Джонъ Фальстафъ пріобрѣлъ такую всемирную извѣстность, благодаря Шекспи-

ру и своимъ личнымъ подвигамъ на поприще соціальной жизни, любовныхъ похождений и военного искусства, что мы по необходимости принуждены обратить на него особенное вниманіе и дать читателямъ возможно полную его біографію, тѣмъ болѣе, что Фальстафъ пріобрѣлъ не только историческую извѣстность, которой позавидовалъ бы ни одинъ монархъ древняго и новаго міра, но онъ кромѣ того,—слѣдуя выражению Франсуа Гюго,—одинъ изъ свѣтиль человѣчества, свѣтилъ, конечно, своеобразныхъ. Коментаторы, историки и критики не мало трудились надъ тѣмъ, чтобы определить съ точностью генеалогію и происхожденіе столь великаго человѣка. Я передамъ вкратцѣ результаты этихъ изысканий, прибавивъ отъ себя одно только замѣченіе: происхожденіе Фальстафа, какъ и вообще происхожденіе всѣхъ несомнѣнно великихъ людей, имѣеть въ себѣ нѣчто странное и почти сверхъестественное. Римляне, какъ извѣстно, ведутъ свое начало отъ троянца Энея, скитавшагося долгое время по свѣту послѣ взятія Троя. Знаменитая Елена, бывшая невольною, такъ сказать, причиной троянской войны, была плодомъ любви Юпитера, превращеннаго въ лебедя, и Леды, жены Тиндара, спартанскаго короля. Нѣчто подобное приходится сказать и о происхожденіи сэра Джона Фальстафа. Если боги и не играли особенно замѣтной роли въ его генеалогіи, то нѣчто сверхъестественное во всякомъ случаѣ присуще ей. Дѣло въ томъ, что сэръ Джонъ Фальстафъ происходит по прямой линіи отъ нѣкоего лорда Кобгэма, погибшаго на кострѣ за свою приверженность ереси Виклефа. Какимъ образомъ могло случиться, что колосальный сэръ Джонъ Фальстафъ,—эта веселая бочка съ хересомъ, полнѣйшее олицетвореніе разгула, трусъ и острякъ, забывшій, по собственному сознанію, что находится въ церкви,— происходит отъ одного изъ первыхъ и благороднѣйшихъ пуританъ, погибшаго на кострѣ за свои религіозныя убѣжденія? Постараюсь отвѣтить на этотъ вопросъ возможно ясно.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: въ январѣ 1418 года на одной изъ площадей близъ Лондона громадная толпа народа окружала зажженный костеръ, къ которому былъ привязанъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти съ просѣдью; у него было почтенное, внушающее уваженіе лицо. Цѣлая толпа патеровъ и монаховъ окружала костеръ и не допускала тѣснившуюся къ нему толпу. Осужденный не кричалъ, не проклиналь, онъ просто молился. Нѣкогда онъ былъ однимъ изъ великихъ міра сего. Рыцарь по происхожденію, баронъ вслѣдствіе брака, отличившійся въ войнѣ съ Франціей, сэръ Джонъ Ольдкэстъ, баронъ Кобгэмъ, принадлежалъ ко двору Генриха IV и былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ принцемъ Уэльскимъ, впослѣдствіи королемъ Генрихомъ V. Разсчитывая на свои связи и вліяніе, лордъ Кобгэмъ присталъ къ религіозной реформѣ Лоллара и Виклефа. Онъ самолично переписывалъ и раздавалъ англійскую біблію, отрицалъ главенство папы и обличалъ злоупотребленія католического духовенства. За всѣ эти преступленія синодъ епископовъ присудилъ его къ казни еретиковъ въ 1415 году. Принцъ Уэльский, тогда уже король Генрихъ V, умолялъ его отречься отъ его религіозныхъ задолженій, но сэръ Джонъ Ольдкэстъ остался имъ вѣренъ. Онъ былъ заключенъ въ Туэръ, но благодаря таинственной помощи

(въроятно, самого короля), успѣлъ бѣжать наканунѣ казни. Втечениіи трехъ лѣтъ онъ скрывался въ графствѣ Уэльскомъ. Наконецъ, въ 1417 году, во время пребыванія короля Генриха V во Франціи, онъ былъ схваченъ, вторично судимъ комисіей пэровъ и сожженъ.

Приступивъ къ созданію хроники «Генрихъ IV», Шекспиръ воспользовался только-что разсказанной трагической судьбой сэра Джона Ольдкэстля, но воспользовался по своему. Онъ сохранилъ нѣкоторыя особенности жизни, имѧ и фамилію, но создалъ не мученика религіозныхъ убѣжденийъ, а скорѣе мученика плоти, распутнаго, вѣчно-пьяного жирнаго рыцаря, извѣстнаго намъ теперь подъ названіемъ Фальстафа. Въ хроникѣ Шекспира Фальстафъ первоначально назывался сэромъ Джономъ Ольдкэстлемъ; но затѣмъ, въ 1597 году Шекспиръ, пересматривая обѣ части хроники, вездѣ уничтожилъ названіе Ольдкэстля. Одно только мѣсто ускользнуло отъ этого пересмотра. Имя Ольдкэстля, обозначенное первымъ слогомъ Old, осталось въ текстѣ въ началѣ отвѣта Фальстафа верховному судѣ: «именно, сэръ; но насчетъ существа моей болѣзни скажу вамъ, съ вашего позволенія, что я скорѣе стражду недугомъ неслушанія и невниманія» («Генрихъ IV», часть II, дѣйствіе первое, сцена II). Въ эпилогѣ этой же части мы встрѣчаемъ чрезвычайно любопытную фразу: «я убѣжденъ впередъ, что въ этомъ продолженіи Фальстафъ запотѣеть до смерти, если онъ не убить уже вашимъ строгимъ приговоромъ, такъ какъ Ольдкэстль умеръ мученикомъ, а тотъ — совсѣмъ другой человѣкъ» («where, for any thing I know, Falstaff shall die of a sweat, unless already he be killed with your hard opinions; for Oldkastle died a martyr, and this is not the man»), — фраза, очевидно, вставленная внослѣдствіи; неловкость ея постройки несомнѣнно доказываетъ, по моему мнѣнію, что Шекспиръ во всякомъ случаѣ желалъ уничтожить всякое неблагопріятное для лорда Кобгема сопоставленіе... Все это, вмѣстѣ взятое, дало поводъ обвинять Шекспира въ оскорблении мученика религіозныхъ убѣжденийъ и въ превращеніи почтеннаго лорда Кобгема въ пьяного циника и мошенника; однимъ словомъ, Шекспира обвиняли въ томъ же самомъ преступленіи, въ которомъ обвиняли Аристофана, издѣвающаго надъ погибшимъ за свои убѣжденія Сократомъ.

Таковы факты, послужившіе причиной масъ недоразумѣній и затрудненій критиковъ коментаторовъ, въ особенности изъ нихъ, которые являются безусловными поклонниками Шекспира и не хотятъ допустить въ великомъ поэтѣ никакихъ ошибокъ и заблужденій. Фанатическое поклоненіе Шекспиру одно времѧ зашло такъ далеко, что Колъриджъ, напр., не признавалъ никакихъ несовершенствъ за Шекспиромъ и когда очевидность была слишкомъ велика, то онъ объяснялъ это своимъ собственнымъ непониманіемъ... При такихъ условіяхъ, разумѣется, и вопросъ о происхожденіи Фальстафа принялъ размѣры настоящей распри, тѣмъ болѣе печальной, что къ ней припутана была, совершенно не кстати, и честь Шекспира, какъ человѣка. Безусловные поклонники Шекспира стараются выйтти изъ затрудненія тѣмъ, что объясняютъ, будто бы Шекспиръ, создавая фигуру жирнаго рыцаря и окрещивая его именемъ Ольдкэстля, не зналъ, что это имя принадлежало человѣку, пострадавшему за свои религіозныя убѣжденія, и какъ только этотъ фактъ

сталъ ему извѣстенъ, онъ немедленно замѣнилъ имѧ Ольдкэстля именемъ Фальстафа.

Съ этимъ объясненіемъ, однако-же, невозможно согласиться. Шекспиръ не могъ не знать, кто такой былъ Ольдкэстль, такъ какъ свою хронику онъ писалъ въ царствованіе Елизаветы, когда религіозная реформа восторжествовала и протестантство сдѣлалось официальную церковью, слѣдовательно, воскресло и воспоминаніе о человѣкѣ, который однимъ изъ первыхъ пострадалъ за реформу. Къ тому же сами католики постарались сдѣлать имѧ Ольдкэстля весьма популярнымъ. Въ 1580 году появилась анонимная драма «Славныя побѣды короля Генриха пятаго», въ которой Ольдкэстль, этотъ мученикъ своихъ религіозныхъ вѣрованій, выступаетъ въ качествѣ разбойника, развратника и плута. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Шекспиръ въ своей хроникѣ руководствовался указаніями этой драмы и заимствовалъ изъ нея всю комическую часть, что очевидно при самомъ поверхностномъ сопоставленіи.

Въ анонимной драмѣ сэръ Джонъ Ольдкэстль отвѣчаетъ кличкѣ Джокея. Онъ со-ставляетъ съ тремя другими плутами: Нэдомъ, Гадсхилемъ и Томомъ, шайку воровъ, имѣю-щую своимъ предводителемъ принца Уэль-скаго, а своей главной квартирой — истин-скую таверну. Шайка грабить королевскихъ сборщиковъ и сэръ Джонъ на свою долю получаетъ сто фунтовъ. Принцъ поздрав-ляетъ его и всѣ отправляются пьянствовать въ таверну. Вскорѣ возникаетъ скора и драка; является стража и арестуетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ вмѣстѣ съ принцемъ. Принцъ безъ дальнихъ разговоровъ даетъ пощечину верховному судѣ, отказавшемуся освободить Гадсхила, и за этотъ подвигъ попадаетъ въ флитъ-стритскую тюрьму. Но благодаря своему высокому положенію Гарри вскорѣ осво-божденъ и мы снова находимъ его въ общес-твѣ Ольдкэстля и Нэда: «знаете-что, госпо-да? говорить онъ,—когда я буду королемъ, то уничтожу тюрьмы, висѣлицы и палки; когда умретъ король, мой отецъ, мы всѣ будемъ ко-ролями!». «Онъ—добрый малый, отвѣчаетъ Ольдкэстль,—хорошо было бы, если бы Господь прибралъ его съ сей земной юдоли по-скорѣ». Извѣстіе о болѣзни короля ободря-етъ шайку. Принцъ отправляется въ дворецъ, гдѣ умирающій отецъ упрекаетъ его въ без-путствѣ. Принцъ каеется, обѣщаетъ испра-виться и клянется, что броситъ компанію мошенниковъ. Генрихъ IV умираетъ. Вступ-леніе на престолъ Генриха V приводить въ восторгъ завсегдателей истинской таверны. Сэръ Джонъ съ товарищами отправляется въ Вестминстеръ привѣтствовать нового ко-роля, который, однако-же, гонить ихъ отъ себя и даже изгоняетъ изъ Лондона. Очевидно, что драма написана была съ цѣлью осмѣять трагическую судьбу Ольдкэстля и мученика вѣры выставить мошенникомъ и плутомъ.

Этими драматическими данными восполь-зовался Шекспиръ; онъ не только перенесъ въ свою хронику безпутнаго принца и шайку мошенниковъ, но оставилъ многія подробно-сти, а также сохранилъ большинству товари-щихъ принца ихъ первоначальная имена. Объяснять, слѣдовательно, невѣдѣніемъ Шекспира то, что онъ первоначально назвалъ жирнаго рыцаря Ольдкэстлемъ и сдѣлалъ его распутнымъ гулякомъ и мошенникомъ,— не-возможно. Да, впрочемъ, для оправданія Шекспира это лишишее. По моему мнѣнію, дѣло объясняется гораздо проще фактами и условіями времени.

Я думаю, что со стороны Шекспира не было преднамѣренности, но не было также невѣдѣнія. Шекспиру извѣстна была исто-рия сэра Джона Ольдкэстля, но рѣшившись заимствовать комическую часть своей хро-ники изъ анонимной драмы, онъ не припи-сывалъ никакого значенія тому обстоятель-ству, что анонимная драма намѣренно кле-вещетъ на протестантскаго мученика. Ему понравились комическая данная анонимной драмы и онъ перенесъ ихъ въ хронику, не заботясь о томъ, оскорбляетъ-ли онъ память мученика, или нѣтъ. Но спустя нѣсколько лѣтъ, обстоятельства измѣнились въ значи-тельной степени. Реформа окрѣпла, духъ пуританства стала проникать въ англійское общество и на смѣшки, прежде неимѣвшія никакого значенія, теперь сдѣлались не-удобны. Вследствіе этого Шекспиръ при-нужденъ былъ замѣнить имя своего героя, что, впрочемъ, очевидно, изъ слѣдующаго мѣста письма, найденного въ библиотекѣ «Bodleian library»: «На первомъ представле-ніи «Генриха IV», пишетъ докторъ Ричардъ Джемсъ, дѣйствующее лицо, изображавшее шута, носило не имя Фальстафа, а имя сэра Ольдкэстля: потомки этой личности, носящіе ту же самую фамилію, по справедливости оби-дѣлись этимъ и поѣтъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ неблаговидному средству вза-мѣнѣ Ольдкэстля осмѣять сэра Джона Фаль-стафа, личность не менѣе почтенную...»

Это свидѣтельство современника подтвер-ждается также и другими соображеніями. Случайность, заставившая Шекспира осмѣ-ять почтеннаго Ольдкэстля, не имѣла въ его глазахъ никакого значенія, если предполо-жить, что религіозные вопросы были ему чужды. Такимъ образомъ къ вопросу о сэрѣ Джонѣ Ольдкэстлѣ примѣщивается еще во-просъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ великаго поэта. Я не отрицаю, что этотъ вопросъ и самъ по себѣ имѣть значительную истори-ческую важность; это одинъ изъ любопыт-нѣйшихъ вопросовъ шекспировской критики, но припугивать его, ни къ селу, ни къ го-роду, къ вопросу о сэрѣ Ольдкэстлѣ,— по-меньшей мѣрѣ, неумѣстно. Къ тому же во-просъ о томъ, какихъ религіозныхъ мнѣній придерживался Шекспиръ и даже къ какой официальной церкви онъ принадлежалъ,— едва-ли когда либо будетъ рѣшенъ оконча-тельно. Въ этомъ отношеніи любопытное явленіе представляетъ «Венецианскій купецъ»; въ этой романтической драмѣ усердные ко-ментаторы отыскали два выраженія, изъ ко-торыхъ одно умѣстно только въ устахъ католика, а другое обнаруживаетъ самыя не-сомнѣнныя протестантскія чувства... При подобнаго рода доказательствахъ едва-ли возможемъ когда-либо раціональный выводъ.

Къ сожалѣнію, большинство коментато-ровъ, желая во что бы то ни стало видѣть въ Шекспирѣ или католика, или протестанта, не обращаютъ вниманія на то, что всѣ про-тиворѣчія, встрѣчающіяся въ произведеніяхъ Шекспира, указываютъ скорѣе на его рели-гіозный индиферентизмъ, чтобы не сказать больше. Этотъ индиферентизмъ для меня лично не подлежитъ сомнѣнію, что, впрочемъ, объясняется не только особенностями шекспировскаго ума, по преимуществу, художественнаго, но также и средой, въ которой онъ жилъ. Вотъ, напр., что пишетъ г. Сто-роженко обѣ распространеніи раціонализма въ Англіи XVI столѣтія («Робертъ Гринъ, его жизнь и произведения»): «Марло слыть за человѣка крайнихъ раціоналистическихъ убѣжденийъ, который, по свидѣтельству совре-

менниковъ, не ограничиваясь устной пропагандой своихъ убѣждений, писалъ цѣлые трактаты противъ религіи. Пропаганда Марло не была единичнымъ явлениемъ. Свѣденія, идущія изъ разныхъ лагерей, въ одинъ голосъ говорятъ, что не только отдельныя личности, но и цѣлые кружки занимались распространеніемъ скептическихъ доктринъ, вторгавшихся въ послѣднее время въ Англію изъ континента. Таковъ, напр., былъ кружокъ, собиравшійся въ домѣ сэра Вальтера Ралея. Во главѣ этого кружка, названаго однимъ современникомъ, публичной школой атеизма, стоялъ знаменитый математикъ и астрономъ Томасъ Гаріотъ, далеко опередившій свое время. Извѣстный противникъ театровъ, пуританинъ Госсонъ упоминаетъ о другомъ публичномъ кружкѣ, называемомъ имъ проклятой шайкой. Пріятель Грина, Т. Нашъ совѣтуетъ проповѣдникамъ отложить на время всякия препирательства съ сектантами и обратить свое вниманіе на пропаганду атеизма, потому что нѣтъ секты болѣе распространенной въ Англіи, какъ секта атеистовъ. Совѣтъ Наша былъ какъ нельзя болѣе кстати, потому что модныя скептическія чтенія стали проникать и въ среду самаго духовенства¹⁾. Если послѣ этого обратить вниманіе на то, что Шекспиръ, хотя и моложе Марло, работалъ вмѣстѣ съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своего поприща, что, по всей вѣроятности, онъ былъ знакомъ съ Гриномъ и Нашемъ, что онъ встрѣчался не только съ писателями и художниками, но также съ государственными людьми, юристами и молодыми аристократами, между которыми имѣлъ даже друзей,—то возможно-ли предположить, чтобы рационалистическое движение не оказalo никакого вліянія на его умъ? Если, пріѣхавъ въ Лондонъ изъ Стратфорда, Шекспиръ и имѣлъ какія либо религіозныя вѣрованія, то они, по необходимости, должны были разсѣяться не только подъ вліяніемъ рационалистического движения, но и вслѣдствіе постояннаго зрелища религіозной нетерпимости и казней, которыми такъ богато время Елизаветы. Воспріимчивый и гуманный Шекспиръ, умъ которого всегда былъ склоненъ къ скептицизму, не могъ не быть пораженъ постояннымъ зреющимъ этой нетерпимости...

VII.

ы покончили съ вопросомъ объ имени Ольдкестля, и намъ остается посвятить читателей въ другую тайну шекспировской критики и разсказать: откуда авторъ «Гамлета» взялъ имя Фальстафа.

Ольдкестля необходимо было уничтожить, но гдѣ взять историческую личность, которая бы имѣла титулъ сэра и носила имя Джона, и въ особенности личность не съ столъ

¹⁾ Г. Стороженко удалось встрѣтить въ одной рукописи британского музея любопытную форму отрѣченія одного священника, который проповѣдавалъ съ кафедры рационалистическая возрѣнія и въ заключеніе обѣявилъ себя язычникомъ: «The Form of Abjuration of Heresies and errors made before the Archbishop and Bishops in Convocation by John Hilton, clerk, who having been imprisoned by the High Commission did appear before the Upper House on December 22, 1584 and confessed his accusation, Saying, that he has Taid in a sermon at St. Martin's in the Fields, that the Old and New Testament are but fables» etc.

незапятнанной исторической репутації? Къ счастію, случай и на этотъ разъ ему помогъ: онъ отыскалъ въ старинныхъ лѣтописяхъ нѣкоего рыцаря-баронета, родившагося въ 1377 году и умершаго въ 1428 году, современника Ричарда II, Генриха IV, Генриха V и даже Генриха VI, старого ветерана, сражавшагося при Азинкурѣ, но разжалованаго впослѣдствіи за бѣгство съ поля битвы при Патѣ. Этотъ рыцарь носилъ название сэра Джона Фастольфа. Еще прежде, когда Шекспиръ принялъся за обработку старой хроники «Генриха VI», онъ встрѣтилъ тамъ этого рыцаря и оставилъ его вводнымъ лицомъ въ двухъ сценахъ, неимѣющихъ никакого литературнаго интереса. Въ первой сценѣ Фастольфъ бѣжитъ съ поля битвы: «куда спѣшу? говорить онъ,—ищу спасенія въ бѣгствѣ; насы разобьють, того гляди, опять!» Въ другой сценѣ Тальботъ срывается подвязку съ Фастольфа, называя его подлецомъ. Именемъ этого рыцаря и воспользовался Шекспиръ, слегка измѣнивъ его и надѣливъ Фальстафа такими яркими чертами характера, которыя сдѣлали эту фигуру безсмертной.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, генеалогію и происхожденіе,—литературное и историческое,—нашего жирнаго рыцаря, мы можемъ приступить къ его біографіи. Изъ нѣкоторыхъ сопоставленій мы можемъ заключить, что сэръ Джонъ Фальстафъ родился между 1343 и 1353 годами (въ головѣ Шекспира этотъ типъ, вѣроятно, возникъ около 1595 г.). Годы его дѣтства и юности покрыты мракомъ неизвѣстности. Мы знаемъ только, что въ дни своего счастливаго дѣтства онъ щипалъ гусей, бѣгалъ отъ своихъ учителей и погонялъ кнутомъ кубарь,—невинное занятіе, одинаково свойственное дѣтскимъ годамъ какъ великимъ, такъ и самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ. Къ этому времени, вѣроятно, относится и его знакомство съ будущимъ судьей Шалло, который съ удовольствіемъ отзывался впослѣдствіи о проказахъ, совершаемыхъ ими вмѣстѣ, когда они были школьнниками. Впрочемъ, всѣмъ этимъ розсказнямъ Шалло не слѣдуетъ давать особенной вѣры, такъ какъ самъ Фальстафъ свидѣтельствуетъ, что Шалло врѣть весьма исправно: «онъ выплачиваетъ ложь слушателю также исправно, какъ дань турку». Кстати воспользуемся словами Фальстафа, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о личности Шалло; въ школѣ Клементи, гдѣ онъ былъ товарищемъ сэра Джона, Шалло былъ похожъ на фигурку, какую вырѣзываютъ дѣти за ужиномъ изъ корки сыру,—дѣло, которымъ, несомнѣнно, занимался и самъ сэръ Джонъ, а можетъ быть, даже и Шекспиръ. Безъ одежды весь свѣтъ принялъ бы Шалло въ то время за двухвостую редиску съ вырѣзанной къ верху мордочкой. Къ тому же Шалло былъ такъ худъ, что близорукій не смѣялъ бы его въ толщину, за то всѣ окрестныя дѣвушки называли его мандрагорой. Любилъ гоняться за модой и былъ сладострастенъ, какъ обезьяна. Бывало, подслушавъ у трактирщиковъ какую-нибудь паршивую пѣсню и начнетъ напѣвать ее, говоря, что это его собственная поэтическая грезы. И этотъ шутъ гороховый сдѣлся впослѣдствіи судьей, сталъ эсквайромъ и рассказывалъ о Джонѣ Гонтѣ, какъ о пріятельѣ своемъ, хотя онъ Джона Гонта видѣлъ всего одинъ разъ въ жизни когда тотъ проломилъ ему голову за то, что онъ втерся на турнирѣ въ толпу его лакеевъ... Такая характеристика, правда, похожа нѣ-

сколько на сплетню, но, что прикажете дѣлать, если краснорѣчіе сэра Джона носить на себѣ именно этотъ характеръ? Во всякомъ случаѣ она даетъ нѣкоторое понятіе о школьномъ товарищѣ сэра Джона и вообще о жизни, которую сэръ Джонъ велъ въ то блаженное время, когда былъ еще просто Джекомъ.

Вообще общество, въ которомъ жилъ тогда молодой Джекъ, не отличалось особенной сдержанностью и приличіемъ. Его товарищи, да и онъ самъ,—если можно такъ выразиться,—были готовы на все и сейчасъ же; онъ да Шалло, да маленький Джонъ Дойтъ, изъ Стафордшира, да черный Джэксъ Бэръ, да Френсисъ Пикбонъ, да Виль Сквиль—были такие головорѣзы, какихъ теперь, конечно, не встрѣтишь въ Англіи: они знали на перечеть всѣхъ окрестныхъ bona-vitas (особы легкаго поведенія). Въ школѣ Джэксъ Фальстафъ зналъ также и нѣкоего Скогэнна и даже,—рассказываютъ,—проломилъ однажды голову этому Скогэнну, хотя былъ еще совсѣмъ малымъ: малъ золотникъ, да дорогъ. Скогэнъ былъ, какъ извѣстно, придворный шутъ. Не можетъ-ли это знакомство въ юности съ шутомъ объяснить жанръ ума сэра Джона? Не будучи въ состояніи решить удовлетворительно этого вопроса, предлагаю его на обсужденіе англійскихъ и нѣмецкихъ шекспировскихъ обществъ. Вскорѣ по выходѣ изъ школы Джэксъ Фальстафъ,—что впослѣдствіи сталъ сэръ Джономъ Фальстафомъ,—попалъ въ пажи къ герцогу Норfolkу, котораго мы встрѣчаемъ въ другой хроникѣ Шекспира, въ «Ричардѣ II». Норfolkъ былъ вѣльможа какихъ мало и по нынѣшнимъ временамъ, человѣкъ богатый и вліятельный. Онъ былъ изгнанъ изъ Англіи королемъ Ричардомъ II въ 1398 году; нѣсколько лѣтъ скитался по Европѣ и умеръ въ Венеции. Джэксъ Фальстафъ, по всей вѣроятности, скитался вмѣстѣ съ нимъ, и это даетъ намъ поводъ предположить, что будущій жирный рыцарь былъ знакомъ съ Европой не только по наслышкѣ; свои подвиги онъ, вѣроятно, началъ въ трактирахъ Франціи, Голландіи и Италии. Когда и какъ онъ возвратился изъ своего путешествія по континенту, мы не знаемъ, но несомнѣнно, что къ этому времени относится его знакомство съ Бардольфомъ, въ обществѣ котораго мы его встрѣчаемъ сначала въ «Виндзорскихъ кумушкахъ», а потомъ и въ обѣихъ частяхъ «Генриха IV». Хотя сэръ Джонъ, впослѣдствіи, и увѣрялъ верховнаго судью, что онъ такъ и родился съ круглымъ животомъ, но мы не имѣемъ никакого основанія вѣрить въ этомъ случаѣ самодовольному сэру Джону, тѣмъ болѣе, что принцу Генриху онъ сообщалъ совершенно другое, а именно, онъ говорилъ, что въ дни своей юности былъ не толще спички и могъ бы пролѣтѣть въ кольцо съ пальца любого альдермена и только бражничанье, да гуловая жизнь съ теченіемъ времени раздула его до того, что онъ не могъ видѣть собственныхъ колѣнъ. За исключениемъ, впрочемъ, этихъ совершенно отрывочныхъ данныхъ, мы не имѣемъ никакихъ другихъ, болѣе точныхъ, свѣдѣній о юности сэра Джона, о степени его образованія и познаніяхъ. Свое образованіе и познанія онъ, по всей вѣроятности, получилъ сначала въ тавернахъ континента, а потомъ и Англіи. Но намъ, несомнѣнно, извѣстно, что и тогда уже онъ отличался замѣчательнымъ остроумiemъ и всегда былъ склоненъ къ самой невоздержанной жизни.

Въ «Виндзорскихъ кумушкахъ», — когда начинается собственно исторический періодъ его жизни, — мы его встрѣчаемъ человѣкомъ уже пожилымъ; то, что обѣщали дѣтство и юность, осуществилось съ избыткомъ; онъ потолстѣлъ, постарѣлъ и посѣдѣлъ. Никакихъ идеаловъ онъ не носить въ своемъ сердцѣ, но за то любить выпить, не пропаиватьсь за хорошенькими женщинами и неразборчивъ на средства добывать деньги. Зачѣмъ онъ поселился въ Виндзорѣ, что тамъ дѣлать, чѣмъ жилъ? На эти вопросы мы не имѣемъ прямыхъ отвѣтовъ, но имѣемъ право предполагать, что уже и тогда онъ сошелся съ принцемъ Уэльскимъ, будущимъ королемъ Генрихомъ V, и что уже въ Виндзорѣ начала организоваться та веселая компанія, которой подвиги изображены такъ неподражаемо въ «Генрихѣ IV». Несомнѣнно также, что въ Виндзорѣ сэръ Джону не такъ хорошо жилось, какъ жило вънѣстѣствіи; не смотря на свои почтенныя лѣта, онъ былъ все-таки слишкомъ юнъ, мало опытенъ и не умѣлъ съ толкомъ пользоваться жизнью. Въ Виндзорѣ мы не встрѣчаемъ безпутного принца и сэръ Джонъ перебивается, какъ можетъ. Правда, у него есть свои лошади, онъ живеть въ гостиннице «Подвязка» и истрачиваетъ по десяти фунтовъ въ недѣлю, но тѣмъ не менѣе все-таки ходитъ безъ сапогъ и замѣтно нищаетъ. При такихъ неблагородныхъ обстоятельствахъ, что прикажете дѣлать? Сэръ Джонъ рѣшаетъ, что лучше всего пуститься на разные выдумки и приняться надувать. Однимъ словомъ, онъ вознамѣрился поиграть въ любовь съ мистриемъ Фордѣ; онъ «носомъ чуетъ ея благорасположеніе къ себѣ»; мистрий Фордъ любезничаетъ, заигрываетъ, строить глазки, онъ «уразумѣлъ смыслъ этого интимнаго стиля» и переводить его слѣдующимъ образомъ: «я вся принадлежу сэръ Джону Фальстафу». Не мудрено, что при такихъ условіяхъ воображеніе его воспламеняется и онъ представляеть уже себѣ картину своего благополучія: мистрий Фордъ, мечтааетъ онъ, — Гвіана полна золота и щедрости. Онъ сдѣлается казначеемъ у ней, а она будетъ его казначеей; онъ найдеть въ ней восточную и западную Индию и поведеть торговлю съ обѣими... Надобно прибавить, что подобные же планы онъ имѣетъ и по отношенію къ мистрию Пэджу. Впрочемъ, ему рѣшительно не повезло въ этомъ случаѣ; его спутники: Бардольфъ Пистоль и Нимъ отказываются ему содѣйствовать. Эта неблагодарность возмущаетъ его; онъ гонить ихъ отъ себя, говоря:

Фальстафъ духъ времени усвоитъ — и отлично. Одинъ съ своимъ пажемъ онъ заживетъ практически.

Вскорѣ, однакожъ, онъ снова примиряется съ ними. Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлался осторожнѣе и не даетъ имъ ни гроша. «Не разъ уже, говорить онъ Пистолю, — я позволяла тебѣ закладывать мой кредитъ; три отсрочки выпросилъ я у моихъ добрыхъ друзей для тебя и для твоего однокашника Нима. Не дѣтай я этого, вы бы выглядывали изъ-за рѣшетки, какъ пара обезьянъ. Я заранѣе предалъ себя въ адъ, поклявшись моимъ друзьямъ-дженртъменамъ, что вы — хороши солдаты и славные люди; а когда мистрий Бриджетъ потеряла рукоятку своего вѣра, я поручился моему честью, что эта вещь не у тебя». Сэръ Джона Фальстафа болѣе всего возмущаетъ то обстоятельство, что Пистоль

«прятеть подъ маску честь и свои лохмотья», въ то время, какъ онъ, сэръ Джонъ, едва-едва можетъ удержаться въ границахъ своей чести!

Любопытно взглянуть, какъ сэръ Джонъ удерживается въ границахъ этой чести. «Онъ начинаетъ дѣло очень искусно, говоритъ Гервинусъ, одинъ изъ его биографовъ, — приступаетъ къ честнымъ горожанкамъ весьма почтеннымъ тономъ. Сладкихъ рѣчей онъ не любить и причина этого кроется въ его мужской натурѣ. Но при этомъ онъ простираеть свое важничанье до такой небрежности, что посыаетъ обѣими женщинамъ совершенно одинаковыя письма. Успѣхъ посланія совершенно вскружилъ ему голову, но онъ же отнялъ у него все его прежнее остроуміе; внезапно овладѣвшее имъ самодовольство совершенно ослѣпляетъ его. И лишь только тщеславіе довело его до чрезвычайно высокаго мнѣнія о себѣ, лишь только онъ вообразилъ себѣ, что сдѣлается предметомъ любви, — съ нимъ все можетъ статься. Такъ, онъ принимаетъ за чистую монету грубую лесть Брука: самое нелѣпое предложеніе не кажется ему несбыточнымъ; онъ воображаетъ, что ему готова предаться женщина, которая, какъ ему говорять, осталась непреклонной къ искальствамъ порядочнаго человѣка. Тщеславіе и высокомѣріе доводятъ его до безразсудной откровенности; но за то съ другой стороны разсудокъ вполнѣ его оставляетъ. Два раза онъ поддается самому грубому обману: его полощать, валяютъ, катаютъ и со всемъ тѣмъ, при третьемъ разѣ, онъ не дѣлается никакъ осторожнѣе, не смотря на то, что еще при второмъ разѣ говорилъ, что если его еще разъ такъ одурячить, то онъ позоветъ мозгъ свой зажарить въ маслѣ и выбросить собакамъ. Веселыя женщины сговорились противъ него; но онъ сдается слабѣйшимъ силамъ послѣ того, какъ онъ разъ поскользнулся на своемъ самолюбіи. Позоръ, удары, холодныя ванны, денежный штрафъ, щипки, обжоги, рога, которые онъ готовилъ другимъ, — все это падаетъ на него. Сознаніе своей вины, омраченіе разсудка доводятъ его при послѣднемъ приключениіи до того, что онъ вѣрить въ существованіе фей и боится ихъ; онъ не узнаетъ даже по голосу пастора Эванса и принимаетъ его за домового! А когда ему напослѣдокъ разгадали загадку, то онъ, который никогда не умѣлъ подняться до самосознанія, стоять пристыженный передъ самимъ собой». — Гервинусъ преслѣдуется несчастнаго сэра Джона и на нѣсколькихъ печатныхъ листахъ обвиняетъ его во всевозможныхъ преступленіяхъ, забывая, что сэръ Джону рѣшительно не писаны никакіе нравственные законы. Трудъ совершенно напрасный; критикъ въ данномъ случаѣ уступаетъ слово моралисту, довольно скучному и никакъ не интересному; онъ не изслѣдуется сложной Фальстафовой натуры, а громить его пороки, какъ будто-бы Шекспиръ создавалъ своего Фальстафа въ поученіе грядущимъ поколѣніямъ!. Посмотримъ лучше, какъ сэръ Джонъ объясняется въ любви: картина Грюнера наглядно поясняетъ эту прелестную, характерную сцену: «Уже-ль ты мой — брильянтъ прелестный? О, теперь я готовъ умереть, потому-что много жилъ. Здѣсь предѣлъ моему честолюбію: о, блаженнѣйший часъ! — Милый, сэръ Джонъ! — Мистрий Фордъ, я не умѣю льстить, я не умѣю много говорить, мистрий Фордъ. Согрѣшу я теперь помысломъ: мнѣ было бы желательно, чтобы твой мужъ умеръ. Да, передъ знатнѣйшимъ лордомъ не задумаюсь сказать: желалъ бы

сдѣлать тебя мою леди! — Меня — вашей леди, сэръ Джонъ? Ахъ, жалкая леди вышла бы изъ меня! — Пусть французскій дворъ показаетъ мнѣ подобную тебѣ! Твои очи, — это я вижу, — могли бы соперничать съ брильянтомъ! Ты обладаешь тѣми прелестными дугами бровей, къ которымъ идетъ и шляпка-корабликъ, и шляпка-амазонка, и всякая шляпка венецианского покрова! — Простой платокъ, сэръ Джонъ, — вотъ что идетъ къ моимъ бровямъ; да и тотъ слишкомъ хороши для меня. — Клянусь Богомъ, ты совершаешь преступленіе, произнося такія слова. Нѣть, изъ тебя бы вышла придворная дама въполномъ смыслѣ слова и твердая поступь твоей ноги придавала бы удивительную прелестъ твоимъ движеніямъ въ полукруглыхъ фижмахъ! Если бы судьба не была твоимъ врагомъ, я знаю чѣмъ была бы ты, имѣя такого друга въ природѣ. Перестань же скрывать это, ибо скрыть невозможно! — Повѣрьте, ничего подобнаго нѣть во мнѣ. — Но за что же я полюбиль тебя? Убѣдись хотя этимъ, что въ тебѣ есть нѣчто необыкновенное. Я не умѣю льстить, не умѣю говорить, что ты такая и этакая, — какъ умѣютъ сюсюкать эти франты, похожіе на женщины въ мужскомъ платьѣ и пахнущіе какъ аптекарская кладовая во время сбора травъ. Не умѣю я, — но люблю тебя, одну тебя, и ты заслуживаешь этого. — Не обманывайте меня, сэръ: боюсь, вы любите мистрий Пэджъ. — Ты точно также могла бы сказать, что я люблю прохаживаться мимо долговой тюрьмы, которая для меня ненавистна такъ же, какъ дымъ отъ обжигаемой извести! — Въ этой сценѣ сэръ Джонъ рисуется очень характерно; вы видите тутъ, не смотря на эту громаду жира, кучающуюся, такъ сказать, въ хересѣ, — необыкновенно подвижную, вкрадчивую натуру, находчивость, своеобразное остроуміе, ловкость; это — весь Фальстафъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, развившихся въ немъ вънѣстѣствіи. Рассказъ о томъ, какъ онъ попалъ въ корзину съ грязнымъ бѣльемъ, дополняетъ характеристику Фальстафа виндзорскаго періода: ¹⁾ «когда я, такимъ образомъ, очутился въ корзинѣ, мистрий Фордъ позвала двухъ мерзавцевъ, лакеевъ своего мужа, и велѣла нести меня въ видѣ грязнаго бѣля на Дэтгетскій лугъ. Они подняли меня къ себѣ на плечи; въ дверяхъ встрѣтился съ ними мерзкій ревнивецъ, ихъ баринъ, спросившій разъ или два, что у нихъ въ корзинѣ. Я трепеталъ отъ страха при мысли, что этотъ подлый лунатикъ станетъ осматривать корзину; но судьба, обрекшая его на званіе рогоносца, удержала его руку. Ну, хорошо! Онъ отправился дальше на поиски, а я проповодился въ видѣ грязнаго бѣля. Но замѣчайте, что было дальше, мистеръ Брукъ. Я терпѣль мукъ трехъ различныхъ родовъ смерти: во-первыхъ — невыносимый страхъ, что ревнивый, гнусный баранъ найдетъ меня; затѣмъ, лежаніе на пространствѣ какого-нибудь наперстка въ мучительно-скорченномъ положеніи, головой къ пяткамъ, наконецъ, плотная укупорка моей персоны, точно крѣпкаго спирта, въ вонючемъ бѣльѣ, разлагавшемся въ своемъ собственномъ салѣ. Представьте себѣ человѣка моей комплекціи — представьте себѣ это... А надо вамъ знать, что на меня жаръ дѣйствуетъ какъ на масло: со мной происходитъ вѣчное расплавленіе, вѣчное таяніе. Не понимаю, какимъ чудомъ я не задохся. И вотъ, въ самомъ разгарѣ моей бани, когда я, точно голландское кушанье, на половину сварился уже въ соб-

¹⁾ См. гравюру съ картины Макарта.

ственномъ жирѣ, меня вдругъ швырнули въ Темзу, мое до красна раскаленное тѣло охладили въ этой влагѣ, какъ лошадиную подкову; представьте вы только это—раскаленное до-красна,—представьте себѣ, мистеръ Брукъ!»

VIII.

акъ мы знаемъ, виндзорская исторія окончилась довольно печальнымъ для Фальстафа фарсомъ. Этотъ фарсъ, несомнѣнно, послужилъ ему превосходнымъ житейскимъ урокомъ, потому что, когда мы снова встрѣчаемся съ нимъ въ хроникѣ «Генрихъ IV», онъ значительно измѣнился,—нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы къ лучшему, въ обыденномъ, буржуазномъ смыслѣ слова. Онъ уже совершенно ожибрѣлъ, опустился, пріобрѣлъ опытность, которой прежде ему не доставало и сдѣлался отъявленнымъ плутомъ и циникомъ. Съ принцемъ Генрихомъ онъ уже окончательно сошелся, третируя его за панибрата и считаетъ щенкомъ и мальчишкой. Веселая компанія, составленная изъ него, принца, Пойнса, Гадсхиля, Пето и Бардольфа, окончательно сформировалась; компанія пьянствуетъ, развратничаетъ и грабить по большимъ дарамъ. Героемъ является, разумѣется, все тотъ же сэръ Джонъ. Для того, чтобы составить себѣ понятіе объ этой компаніи, достаточно указать на Гадсхиля, который въ такой дурной славѣ, что ему даже извоющики не рѣшаются ссудить фонарь. Дѣла компаніи идутъ хорошо и воображеніе сэра Джона разыгрывается до такой степени, что ему хотѣлось бы, чтобъ принцъ по вступленіи на престолъ изгналъ изъ Англіи законъ и висѣлицы и далъ бы право гражданства ночному ремеслу разбойниковъ. Веселую компанію онъ сравниваетъ съ моремъ, а принцъ прибавляетъ, что у рыцарей луны есть свой приливъ и отливъ; такъ, напр., въ понедѣльникъ ночью послѣ отчаянного грабежа золото прильетъ къ кошельку, а во вторникъ послѣ пирушки отольетъ назадъ; добыто крикомъ: «стой!» уничтожено крикомъ: «нливай!» Иной разъ отливъ стоитъ ниже первой ступени лѣстницы, въ другой—приливъ приводитъ до верхушекъ висѣлицы! Пойнсъ спрашиваетъ сэра Джона: «Джэкъ, какъ твое дѣло съ дьяволомъ о душѣ, которую ты ему продалъ въ послѣднюю святую пятницу за стаканъ хереса и холоднаго капуана?»

Въ первой части хроники «Генрихъ IV» мы присутствуемъ при одномъ изъ разбойничихъ подвиговъ веселой компаніи съ сэромъ Джономъ во главѣ. Подвигъ оканчивается, впрочемъ, довольно забавнымъ фарсомъ. Фальстафъ, Пето, Бардольфъ и Гадсхиль нападаютъ ночью на проѣзжихъ купцовъ, грабить ихъ и только что намѣреваются приступить къ дѣлежу добычи, какъ принцъ и Пойнсъ въ маскахъ нападаютъ въ свою очередь на нихъ и отымаютъ деньги. Послѣ подвига вся компанія собирается въ тавернѣ «Кабаньей головы» въ Истчипѣ. Фальстафъ въ унынїи и проклинаетъ принца и Пойнса, которые, по его мнѣнію, трусы, потому что не поспѣли къ нимъ на помощь. Не зная, что ихъ ограбили тѣ же принцъ и Пойнсъ, Фальстафъ принимается рассказывать свои ночные подвиги ¹⁾. «Я—подлецъ,

говорить онъ,—если не сражался, по крайней мѣрѣ, два часа съ цѣлой дюжиной. Я остался живъ чудомъ. Я восемь разъ проколотъ сквозь камзолъ, четыре—сквозь исподнѣе платье. Мой щитъ изрубленъ вдоль и поперегъ; мой мечъ зазубренъ, какъ пила..—И вы сражались со всѣми? спрашивается съ улыбкой принцъ.—Со всѣми? я не знаю, что ты называешь со всѣми, но если я не сражался съ пятьюдесятью,—назови меня пучкомъ редисокъ...—Господи помилуй! ужъ вѣрно, ты убилъ нѣсколькихъ?—Ну, ужъ тутъ молиться было поздно. Двухъ я укокошилъ, съ двумя, я увѣренъ, расчетъ конченъ, съ двумя бездѣльниками въ kleenchaыхъ плащахъ. Галь, если я лгу, наплюй мнѣ въ глаза и назови меня лошадью. Ты знаешь мою старую манеру защищаться: сталъ такъ и держу мечъ такъ. Четыре бездѣльника въ kleenкѣ идутъ...—Четыре? какъ же ты сейчасть сказалъ, только двое?—Четыре, Галь; я сказалъ, четыре... Эти четверо стали рядомъ передо мной и ну тыкать. Я, не раздумывая долго, поймалъ въ мой щитъ всѣ семь мечей—вотъ такъ.—Семь? да вѣдь ихъ было только четверо?—Въ kleenкѣ?—Ну, да, четверо въ kleenкѣ.—Семеро, клянусь этой рукостью, семеро; иначе, я—подлецъ.—Оставь его, прибудетъ еще.—Галь, ты слушаешь?—Слушаю, Джэкъ, слушаю.—Слушай, слушай; оно стоитъ, чтобъ послушать. Ну вотъ, какъ я сказалъ, эти девятеро въ kleenкѣ...—Ну, прибавилось еще двое.—Переломили мечи...—И потеряли штаны.—И начали отступать; но я за ними, и быстрѣе мысли, положилъ семерыхъ изъ одиннадцати...—Ужасно: одиннадцать человѣкъ въ kleenкѣ выросло изъ двухъ! Тутъ Фальстафъ заврался до того, что сталъ увѣрять, будто видѣлъ еще трехъ бездѣльниковъ въ зеленомъ сукнѣ въ то время, когда ночь была такъ темна, что онъ не могъ замѣтить собственной руки... Но дѣло разъясняется: оказывается, что Фальстафъ нещадно лгалъ, а деньги отняты были у него тѣми же принцемъ и Пойнсомъ. «А ты, Фальстафъ, прибавиетъ принцъ,—помчалъ свое пузо такъ быстро, такъ проворно, и все бѣжалъ и ревѣлъ о пощадѣ, какъ самый рѣзвый и голосистый теленокъ. Ну, не подлецъ-ли ты: иззубрилъ свой мечъ и увѣряешь, что это въ битвѣ...» Но Фальстафъ съ обычной своей находчивостью и тутъ вывертывается: онъ, видите-ли знать, что на нихъ напалъ принцъ съ Пойнсомъ: «Послушай, Галь,—ты знаешь: я храбръ, какъ Геркулесъ, но и остороженъ по инстинкту. И левъ не тронулъ бы истиннаго принца. Инстинктъ—великая вещь. Я поступилъ какъ трусъ, но ради инстинкта. Это не повредить въ моемъ мнѣнїи ни мнѣ, ни тебѣ и я по прежнему считаю себя храбрымъ львомъ, а тебя—истиннымъ принцемъ. Впрочемъ, я ей богу радъ, что деньги у васъ. Хозяйка—запирай ворота! Куди сегодня—молись завтра!»

Вранье и плутовство Фальстафа не знаетъ предѣловъ, какъ не знаетъ предѣловъ и его остроуміе. У мистрисъ Куикли онъ взялъ въ долгъ 24 фунта, обѣщаю на ней жениться, а когда она жалуется и требуетъ своихъ денегъ, онъ вторично обѣщаетъ на ней жениться и тутъ же выманиваетъ еще десять фунтовъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему ругаться. Онъ называетъ ее штукой. Куикли обижается: «какая я штuka? ну, говори: какая?—Да такая, съ которой имѣть дѣло не приведи Господи!—Нѣтъ, врешь, всякий готовъ имѣть со мной дѣло... а ты, не во гнѣвъ твоему распутству, подлецъ, если ме-

ня такъ называешь.—А ты, не во гнѣвъ твоей женственности,—тварь, если ужъ на то пошло.—Какая же я тварь, подлецъ, какая?—Какая? выдра!—Выдра, сэръ Джонъ? почему же выдра?—Да потому, что она чортъ знаетъ что такое: ни рыба, ни мясо!» ²⁾.

Дѣла, однажды, принимаютъ скверный оборотъ; вслѣдствіе возстанія Перси война объявлена; принцъ отправляется въ армію; Фальстафъ принужденъ поступить въ пѣхоту. Онъ вербуетъ солдатъ, но также по своему. Взамѣнъ ста пятидесяти рекрутъ, онъ добылъ себѣ триста фунтовъ. Онъ вербовалъ только сыновей богатыхъ мызниковъ, «для которыхъ барабанный бой страшнѣе дьявола»; и поплатились же они за свое увольненіе! Вмѣсто нихъ онъ набралъ цѣлую ватагу оборвышей, «похожихъ на Лазаря, когда псы лизали его раны». Войны онъ терпѣть не можетъ и не намѣренъ драться. И «въ самомъ дѣлѣ, разсуждаетъ онъ,—кто меня толкаетъ?—Честь. А если она толкаетъ меня на смерть,—тогда что? Можетъ-ли честь приставить руку?—Нѣтъ. Вылечить рану?—Нѣтъ. Значить, она хирургіи не знаетъ?—Нѣтъ. Что же такое честь?—Слово, Что такое слово?—Воздухъ. Стало, честь—воздухъ? Славное приобрѣтеніе. Кто же ее пріобрѣлъ?—А тотъ, кого убили въ сраженіи. Чтожь, онъ ее чувствуетъ?—Нѣтъ. Сознаетъ ее?—Нѣтъ. Стало быть, она неощущаема?—Нѣтъ. Какъ же могутъ чувствовать мертвые? Развѣ она не можетъ уживаться съ живыми?—Нѣтъ. Почему?—Злословье не позволяетъ. Такъ и мнѣ ее ненадо. Честь—просто надгробная надпись!—Такова практическая философія сэра Джона. Не смотря на твердое намѣреніе придерживаться этихъ правилъ, сэръ Джонъ не можетъ избѣгнуть сраженія. На него въ стычкѣ напалъ Дугласъ, но Фальстафъ прикинулся убитымъ; почти рядомъ съ нимъ лежалъ трупъ Перси, убитаго принцемъ. Онъ беретъ трупъ и несетъ его къ принцу, урѣряя, что онъ убилъ Перси. Принцъ не обнаруживаетъ лжи и Фальстафъ награжденъ королемъ. Благодаря этому обстоятельству, въ народѣ распространяется великая слава о храбрости Фальстафа: онъ дѣлается, такъ сказать, мифическимъ лицомъ; верховный судья, судейскіе чиновники, женщины, враги и друзья—всѣ проникаются уважениемъ къ его героизму. Верховный судья уговариваетъ Фальстафа извлечь себѣ пользу изъ своей хорошей славы. Отъ него удаляются Бардольфа и даютъ ему въ спутники невиннаго пажа, для того,—какъ онъ полагаетъ,—чтобъ пажъ составлялъ ему контрастъ своимъ крошечнымъ ростомъ. Въ довершеніе всего Фальстафа даются въ спутники принцу Ланкастеру, когда война снова возгорѣлась,—человѣку серьезному и строгому и отправляются съ нимъ въ походъ, на сѣверъ, между тѣмъ какъ король съ принцемъ Генрихомъ идутъ на валлійцевъ.

Но все это, какъ съ гуся вода. Фальстафъ медлитъ въ Лондонѣ и продолжаетъ тамъ

²⁾ Считаю нужнымъ замѣтить, что эти выписки сдѣланы мною изъ русскаго перевода г. Соколовскаго, мѣстами значительно отступающаго отъ шекспировскаго текста. Вотъ разговоръ Куикли съ Фальстомъ въ оригиналѣ: «Say, what thing? what thing?—What thing? why, a thing to thank God on.—I am no thing to thank God on, I would thou shouldst know it; I am an honest man's wife; and setting the knighthood aside, thou art a knave to call me so.—Setting the womanhood aside, thou art beast to say other wide.—Say, what beast, thou knowe thou?—What beast? why, an otter.—An otter, sir John! why an otter?—Why? shes's neither fish nor flesh; a man knows not where to have her».

¹⁾ См. гравюру съ картины Грюнера.

вести свою распутную жизнь; чванится своимъ рыцарствомъ, дерется на улицѣ съ женщинами, пьянствуетъ. Переодѣтый принцъ отправляется отыскивать Фальстафа и видеть до какого низкаго общества онъ опустился; онъ слышитъ, какъ при всѣхъ Фальстафъ позорить его, такъ что даже Пойнтъ требуетъ отъ имени принца немедленнаго мишенія. На службѣ онъ, по прежнему, плутъ. Еще при Шрюсбери онъ говорилъ, что его лохмотникамъ ловко задали перцу: изъ ста-пятидесяти осталось только трое. Теперь онъ опять набираетъ солдатъ изъ самой негодной черни и за деньги освобождаетъ людей сколько-нибудь сносныхъ¹⁾. «Ну, что жъ, говоритъ онъ,—пускай выходятъ по вызову. Заплѣсневѣлый! — Здѣсь, ваша милость. — Тебя зовутъ Заплѣсневѣлый? — Точно такъ, ваша милость. — Ну, такъ тебя надо употребить въ дѣло поскорѣй. — Вашей милости, ей Богу, было бы лучше меня уволить; моя старушонка безъ меня пропадетъ; кто станетъ ее кормить? Меня уже не въ первый разъ таскаютъ сюда. Я и въ солдаты не годусь; мало-ли есть лучше меня! — Ну, молчи, молчи; пойдешь и ты. Пора тебя употребить въ дѣло... Ну, выходитъ Симонъ Тѣнь! Чей ты сынъ? — Мой матери, сэръ. — Совершенно справедливо, и въ тоже время, Тѣнь отца. Вѣдь случается нерѣдко, что сынъ только Тѣнь отца, безъ всякой примѣси отцовской плоти. Тѣнь годится для лѣта, — отмѣтьте его. — У насъ въ спискахъ есть Тѣни почище: одни имена, а хозяева ихъ гуляютъ Богъ вѣсть гдѣ... Твое имя Бородавка? — Точно такъ, сэръ. — Ты преуродливая Бородавка. — Отмѣтить его, сэръ Джонъ? — Нѣть, зачѣмъ? онъ отмѣченъ самой природой... Подходи, Френсисъ Слабость! — Здѣсь, сэръ. — Какое твое ремесло, Слабость? — Я женскій портной, сэръ. — Отмѣтить его, сэръ? — Можно; будь онъ мужской портной, онъ отмѣтился бы настъ. Ну, Слабость, сдѣлаешь-ли ты столько прорѣхъ въ непрѣтельскомъ строю, сколько дѣлалъ въ женскихъ юбкахъ? — Сдѣлаю, что могу, сэръ; больше требовать нельзя. — Хорошо сказано, женскій портной, хорошо сказано, храбрая Слабость! Ты будешь храбръ, какъ разъяренный голубь или великолушнѣйшая изъ мышей. Отмѣтьте, мистеръ Шалло, женскаго портнаго, да покрѣпче!»

Еще разъ при взятіи Колевиля, Ланкастеръ хочетъ прославить его подвигъ; кредитъ его увеличивается. Онъ отправляется въ Глостерширъ, отыскиваетъ двухъ мировыхъ судей, Шалло и Сайлена, которые задумываютъ воспользоваться имъ и его вліяніемъ при дворѣ. Когда приходитъ извѣстіе о смерти короля, Фальстафъ задумываетъ привести въ исполненіе свою мечту о владычествѣ плотовъ и негодяевъ. Онъ ждетъ выхода молодого короля, его друга, на площади Вестминстерскаго аббатства и заговариваетъ съ нимъ; но молодой король сразу его обрываетъ: «я не знаю тебя, старикъ. Молись: твои сѣдины не идутъ шуту и гаеру. Мнѣ снился когда-то, помню я, такой же точно развратный человѣкъ; но я гнашаюсь прошдшимъ сномъ... Ты будешь немедленно отправленъ въ изгнаніе и тебѣ будетъ запрещено, подъ страхомъ смерти, приближаться къ нашему лицу. Я обезпечу твою жизнь, чтобы праздность не побудила тебя на зло, а если услышу вѣсть о твоемъ исправленіи, то тебя возвратятъ обратно!»

Мы не знаемъ, долго ли продолжалась эта опала и смѣнилъ ли король гнѣвъ на милость, но съ этой минуты мы не видимъ больше

Фальстафа. Шекспиръ намѣревался продолжать эпопею жирнаго рыцаря и въ хроникѣ «Генрихъ V», но неизвѣстно вслѣдствіе какой причины не выполнилъ своего намѣренія, которое видно изъ слѣдующихъ словъ эпилога «Генриха IV»: «если жирная пища вамъ не прискучила, то авторъ будетъ продолжать свою исторію съ сэромъ Джономъ и позабавить васъ прекрасной Екатериной французской». Екатериной французской Шекспиръ дѣйствительно позабавилъ насъ въ «Генрихѣ V», но сэра Джона Фальстафа не выводилъ больше на сцену. Но если мы его не видимъ, то все-таки слышимъ еще объ немъ. Въ началѣ второго дѣйствія «Генриха V» въ то время, какъ Нимъ, Бардольфъ, Пистоль и Кукили (которая вышла замужъ за Пистоля) ругаются въ истинской тавернѣ,—входитъ пажъ Фальстафа: «Хозяинъ Пистоль и вы, хозяйка, говоритъ онъ,—идите скорѣе къ моему господину. Онъ очень боленъ и хочетъ лечь въ постель. Добрый Бардольфъ, хоть бы ты сунула ему свой носъ подъ одѣяло вмѣсто грѣлки. Право, онъ захворалъ не на шутку». Они отправляются, убѣжденные, что на дняхъ «онъ будетъ пущингомъ для воронъ». Король надорвалъ ему сердце... Затѣмъ, мистрисъ Кукили разсказываетъ смерть Фальстафа: «нѣть, говоритъ она,—онъ не въ адѣ; онъ на лонѣ Артура (Кукили, вѣроятно, хотѣла сказать: на лонѣ Авраама), если только человѣкъ, когда-нибудь попадалъ на лоно Артура. Онъ умеръ такъ прекрасно! заснула, какъ дитя только что крещеное; онъ отошелъ ровнѣхонько между двѣнадцатымъ и первымъ, въ самый промежутокъ между приливомъ и отливомъ. Когда я увидала, что онъ началъ ощупывать и держать одѣяло, играть цвѣтами и улыбаться, глядя на кончики пальцевъ, я тотчасъ догадалась, что ему одна уже дорога, потому что носъ его заострился, какъ перо на зеленомъ письменномъ столѣ. «Что, какъ вы, сэръ Джонъ?», спросила я; «полноте, не унывайте». А онъ тутъ закричалъ: «Боже, Боже, Боже!» раза три, или четыре. Вотъ я, чтобы утѣшить его, стала уговаривать, чтобы онъ не думалъ о Богѣ, что ему нисколько еще не нужно беспокоить себя такими мыслями. Ну, онъ и попросилъ меня положить по больше сдѣялъ на ноги; я подсунула руку подъ одѣяло и пощупала его ноги — холоднѣхоньки, какъ камень; пощупала потомъ колѣнки, и такъ все выше и выше, — и все холодно, какъ камень... Говорятъ, прерывается ее Нимъ, — что онъ проклиналь хересъ? — Да, да, проклиналь. — И женщина, прибавилъ Бардольфъ. — Нѣть, женщина не проклиналь. — Какже не проклиналь, вмѣшался пажъ,—онъ говорилъ, что онъ волющіе демоны. — Ну, да, онъ никогда не терпѣлъ тѣлеснаго; этотъ цвѣтъ былъ всегда ему противенъ (Кукили смѣшилась слово, сказанное пажемъ — incarnate — воплощенный съ carnation — тѣлесный цвѣтъ). Сказалъ, прибавилъ пажъ, — что за женщина не миновала ему когтей дьявола. Нѣкоторымъ образомъ онъ дѣйствительно иногда нападалъ на женщинъ; но тогда онъ былъ въ хандрѣ и говорилъ о вавилонской распутницѣ. — А помните, какъ онъ, увидавъ блоху на носу Бардольфа, сказалъ, что это черная душа жарится на адскомъ огнѣ. — И дрова, поддерживающіе этотъ огонь вышли, и онъ,—всѣ сокровища, которыя я пріобрѣлъ, служа ему...» закончилъ Бардольфъ въ грустномъ раздумьї.

Таково надгробное слово, котораго удостоился сэръ Джонъ Фальстафъ. Смерть его

послѣдовала передъ самыми началомъ французской войны, т. е. лѣтомъ 1415 года. Значитъ, въ то время, когда онъ умеръ, сэру Джону было отъ 62 до 72 лѣтъ отъ роду. Таково, по крайней мѣрѣ, предположеніе, которое можно сдѣлать на основаніи шекспировской хроники.

IX.

арактерное впечатлѣніе, всегда производимое на насъ Фальстафомъ, обратило вниманіе критиковъ на одинъ интересный психологический вопросъ. Несомнѣнно, что не только самъ Шекспиръ любилъ своего Фальстафа болѣе всѣхъ другихъ своихъ героевъ, болѣе Гамлета, Жака, Винченціо, Тимона, и во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе Генриха V, — но и настъ заставилъ полюбить его. Мы очень хорошо сознаемъ всю беззравственность поведенія Фальстафа, знаемъ, что у него нѣть ни стыда, ни совѣсти, что онъ циникъ, развратникъ и плутъ, а между тѣмъ все-таки любимъ его и всегда съ особеннымъ удовольствиемъ возвращаемся къ его похожденіямъ и слушаемъ его остроты. Въ Англіи онъ давно самый популярный герой, для остальной Европы онъ — самое полное олицетвореніе англійского народнаго юмора, одно изъ величайшихъ произведеній искусства. Гецлить увѣрялъ даже, «будто мы вовсе не порицаемъ характера Фальстафа, точно такъ же, какъ мы не порицаемъ актера, играющаго его роль. Принцу Гецлить не прощаетъ его обращенія съ Фальстафомъ, потому что читателю Фальстафъ кажется лучше принца по характеру. Очевидно, тутъ существуетъ какой-то оптический обманъ, какой-то художественный фокусъ, который не позволяетъ намъ относиться къ Фальстафу такъ, какъ мы относимся къ другимъ людямъ. Въ чемъ же заключается этотъ фокусъ?

По мнѣнію Гервинуса, онъ заключается въ томъ, что живость картины, богатство необычайного остроумія, необыкновенно искусный приемъ, съ которымъ выбраны комическія черты въ самой вѣнѣніи обстановкѣ сэра Джона, самое счастливое сліяніе общаго съ индивидуальнымъ, все это воплощено въ одномъ лицѣ съ такимъ великимъ мастерствомъ, что извинительно, если мы переносимъ свое расположение отъ художественного созданія къ самому предмету его. Въ комедіи «All's well that ends well», Шекспиръ говоритъ о Паролѣ: «онъ такъ совершененъ относительно своей негодности, что даже намъ нравится; онъ такъ переиллюстрировалъ плута, что его оправдываетъ самая диковинность этого явленія». Вотъ это-то удовольствіе, по мнѣнію Гервинуса, при видѣ всего выходящаго изъ ряда и имѣть мѣсто, когда мы видимъ Фальстафа. Впечатлѣніе, производимое на насъ Фальстафомъ, нѣмецкій критикъ очень удачно сравниваетъ съ впечатлѣніемъ, когда мы читаемъ «Рейнеке-Лисъ» Гёте: въ обоихъ произведеніяхъ противоположность между обнаженною натуральностью и всѣмъ тѣмъ, что освящено порядкомъ, нравственностью, обычаемъ и высшими принципами, выставлена съ такою полнотою, что комическое впечатлѣніе, производимое всякимъ удачнымъ контрастомъ, не даетъ времени сложиться нравственной опѣнкѣ. Къ этой противоположности, имѣющей вліяніе на наше сужде-

¹⁾ См. гравюру Грюнера.

ніе, присоединяется еще и другая. Она состоит въ контрастѣ между сильными чувственными желаніями и потребностями этого циника-эпикурейца, и его ограниченной способностью къ наслажденію; въ контрастѣ между его подагрическою старостью и желаніемъ казаться молодымъ; въ контрастѣ между легкостью существованія, къ которой стремится это тяжелое тѣло и до которой эта тяжесть, это бремя само собой его не допускаютъ. Переиѣсь такого материального бремени надъ силами духовными, конечно, могъ быть причиной самимъ же Фальстафомъ; но мы принимаемъ его за бремя, которое ему уже суждено нести и которое даетъ такую же невмѣняемость всѣмъ послѣдующимъ его поступкамъ, какое даетъ пьяному человѣку та первоначальная его вина, что онъ пьянъ. Джонсонъ тоже самое полагалъ, что пороки Фальстафа хотя и заслуживаютъ порицанія, но они все-таки не такъ ужасны: трусость, ложь, склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ, низость, грабительство, неблагодарность — словомъ, всевозможные пороки, — слѣдуетъ простить именно потому, что они въ такомъ громадномъ множествѣ соединены у Фальстафа. Ревностные коментаторы такъ увлеклись Фальстафомъ, что не хотѣли вовсе видѣть тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя привели къ убийству въ тавернѣ Куикли, какъ разъ передъ тѣмъ, когда Фальстафу была объявлена немилость. Знакомство съ Фальстафомъ казалось не только для принципа, но и для каждого читателя, — очаровательнымъ и соблазнительно пріятнымъ, такъ что удовольствіе видѣть себя пріятно развлеченымъ не давало возможности возникнуть нравственному охужденію, — и въ этомъ, конечно, величайшій мастерской эффектъ роли Фальстафа.

Всѣ эти соображенія, несомнѣнно, справедливы, но справедливы только отчасти и не разрѣшаютъ вполнѣ загадки. Если бы дѣло заключалось только въ комическомъ контрастѣ, въ громадности соединенныхъ въ Фальстафѣ пороковъ и въ удовольствіи быть пріятно развлеченымъ, то безпристрастный анализъ тогда, когда уже первое впечатлѣніе не существуетъ, заставилъ бы насъ опомниться и мы, по зрѣлому размышенію, отвернулись бы съ отвращеніемъ отъ этой бочки пороковъ. Но этого никогда не бываетъ. Безпристрастного анализа никогда не возникаетъ по отношенію къ Фальстафу; мы, очевидно, чувствуемъ такую непозволительную слабость къ нему, что сознательно закрываемъ глаза на его безобразія и помнимъ только привлекательныя стороны его натуры: остроуміе, находчивость, подвижность, умъ, несомнѣнное добродушіе и талантъ развлекать насъ. Какъ бы мы хладнокровно ни разсуждали, какъ бы мы ни хотѣли быть строгими моралистами, мы принуждены сознаться, что такъ же любимъ Фальстафа впослѣдствіи, какъ любимъ его и въ первую минуту знакомства съ нимъ. Значитъ, онъ занимаетъ насъ еще кое-чѣмъ. По моему мнѣнію, дѣло заключается въ томъ, что самъ Шекспиръ не испытываетъ Фальстафа и менѣе всего смотритъ на него съ точки зрѣнія моралиста. Если бы Шекспиръ, какъ думаетъ Гервинусъ, хотѣлъ сдѣлать изъ Фальстафа орудіе своихъ поученій и изобразилъ бы его какъ сатирикъ, то, конечно, Фальстафъ отталкивалъ бы насъ своими пороками; мы бы негодовали на него и во всякомъ случаѣ не восхищались бы такими сторонами его характера, которая отталкиваетъ насъ во всякомъ другомъ человѣкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, сто-

ить только обратить вниманіе на постройку характера Фальстафа, чтобы убѣдиться окончательно въ отсутствіи всякихъ сатирическихъ цѣлей со стороны Шекспира.

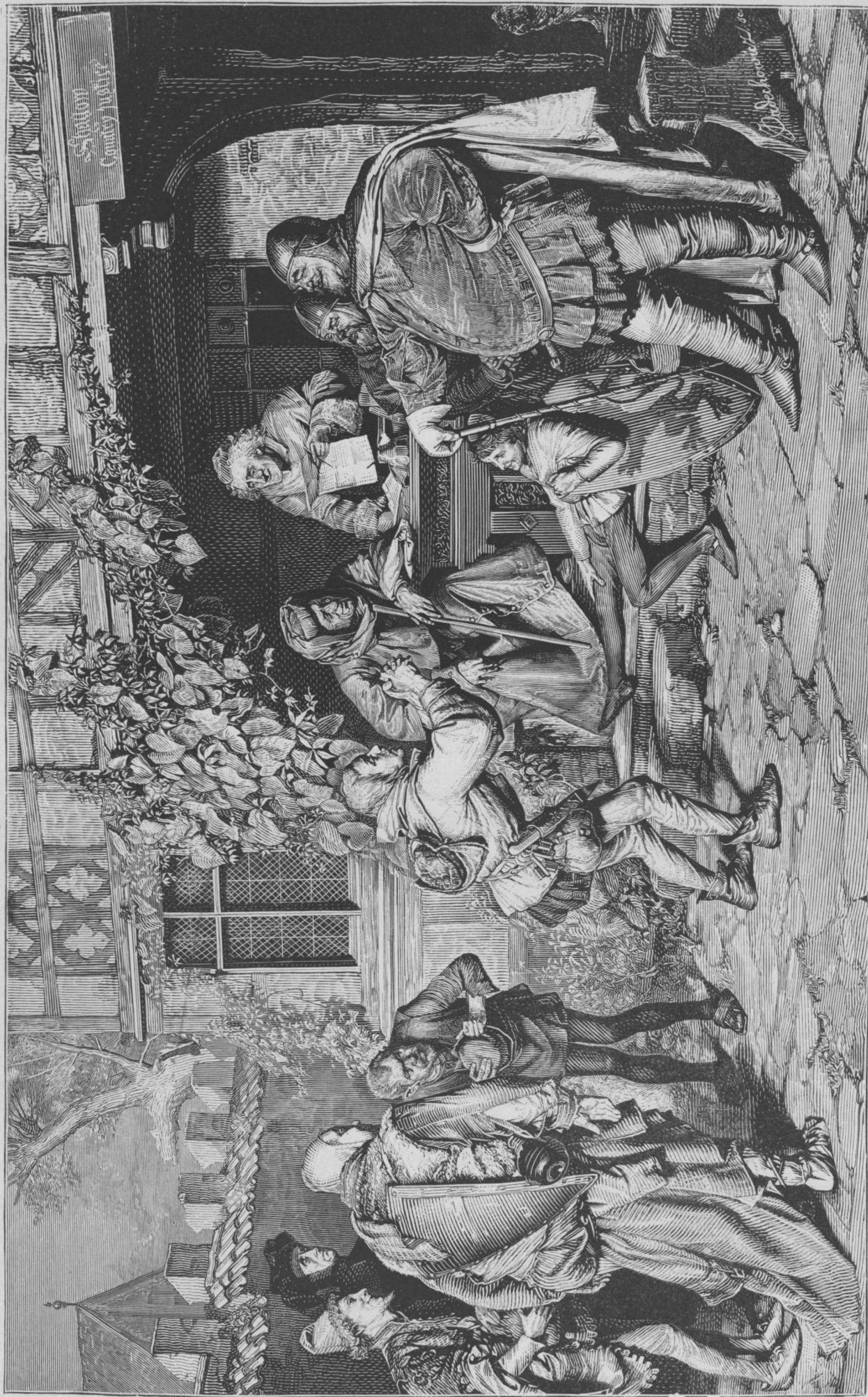
Все, что составляетъ въ человѣкѣ духовную сторону: честь и нравственность, образованіе и достоинство,—все умерло въ Фальстафѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ и взамѣнъ этого,—праздность, эпикурейское благосостояніе, цинизмъ, тунеядство, являются цѣлями его жизни. Единственное проявленіе духа, извѣстное ему, это — его неисчерпаемое остроуміе, и онъ имъ пользуется для своихъ наущныхъ цѣлей. Гервинусъ указываетъ на одну изъ шутокъ Тарльтона, гдѣ говорится, что нужда — оселокъ остроумія; это замѣчаніе вполнѣ можетъ быть отнесено къ Фальстафу. Онъ самъ превосходно опредѣляетъ себя, когда говоритъ: «Люди считаютъ за особую честь скалить надо мною зубы. Эта глина, что зовутъ человѣкомъ, не въ состояніи выдумать ничего острого, если только не я — предметъ ея глумленія; такъ что я не только остроуменъ самъ, но еще причина остроумія другихъ». И дѣйствительно, простое появленіе его возбуждаетъ людей спѣваться съ нимъ на словахъ: онъ похожъ на сову, которую дразнятъ другіе птицы, и это положеніе заставляетъ его прибѣгать къ остроумію, какъ къ самозащитѣ. Это явленіе Гервинусъ объясняетъ очень тонкимъ и вѣрнымъ замѣчаніемъ: во всѣхъ остроумныхъ и сатирическихъ силахъ человѣка врожденная ихъ часть опирается, по преимуществу, на отрицающей, реалистической природѣ человѣка. Наиболѣе существенное въ этой силѣ есть воспитаніе и развитіе, потому что вся она опирается на изощренномъ умѣніи сравнивать, значить, — на опытности и наблюдательности; въ Фальстафѣ она тѣмъ скорѣе и тѣмъ полноѣ должна была обратиться въ привычку, чѣмъ раньше его фигура должна была вызывать остроты. Но для этого требовалось одно неизменное условіе: темпераментъ флегматика. И въ самомъ дѣлѣ, то, что постоянно замѣчается въ приемахъ флегматика, доходитъ у Фальстафа до высочайшей степени: людямъ, имѣющимъ отъ природы такой темпераментъ, какъ нельзя больше свойствененъ острый и спокойный взглядъ, проницательная наблюдательность и знаніе людей, такъ что комическая сила ихъ заключается именно въ противоположности между подвижностью ихъ ума и неподвижностью тѣла.

Но спрашивается: на сколько непроизвольна острота у Фальстафа? Играетъ ли онъ роль, когда потѣшаетъ принципа, или же потѣшаетъ только потому, что это ему самому доставляетъ удовольствіе? Кинь при исполненіи роли Фальстафа всегда старался выставить на видъ преднаренность его остроты. Гецлить полагаетъ, что Фальстафъ лжецъ, трусь, острякъ и все, что хотите только для того, чтобы доставить удовольствіе другимъ, только для того, чтобы выказать юмористическую сторону всѣхъ этихъ качествъ, т. е. чтобы сдѣлать ихъ привлекательными и симпатичными: онъ, такъ сказать, актеръ на самомъ дѣлѣ, также какъ и на сценѣ. Другіе критики, напротивъ, думаютъ, что у Фальстафа нѣтъ никакой преднаренности, что его остроуміе — просто свойство его ума, то, что французы называютъ: *verge*. Я думаю, что какъ тѣ, такъ и другіе одинаково правы: они видятъ часть истины, но не видятъ всей истины. Необыкновенное, почти непонятное искусство Шекспира заключается въ томъ, что онъ никогда не обходитъ трудностей, а бе-

реть ихъ цѣликомъ и рѣшаетъ ихъ, какъ рѣшаетъ сама природа. Въ данномъ случаѣ заключалось непреодолимое для всякаго другого художника затрудненіе: сдѣлать изъ Фальстафа актера, — значитъ, убить къ нему симпатію, превратить его въ простого, вульгарного плута; сдѣлать изъ него человѣка безсознательныхъ побужденій, — не значитъ ли отнять у него умъ, т. е. отнять у этой фигуры весь ея интересъ? Какъ соединить то, что, казалось бы, по существу, не соединимо: господство сознанія и отсутствіе сознанія? Но Шекспиръ не простой художникъ: онъ не выбираетъ удобныхъ для своихъ цѣлей чертъ характера, онъ переносить ихъ цѣликомъ, во всей ихъ сложности въ тѣхъ самыхъ отношеніяхъ, въ какихъ онъ встречаются въ природѣ. Вотъ почему его художественная созданія также живы, безконечно разнообразны, сть кажущимися противорѣчіями, какъ и живые люди; вотъ почему, съ другой стороны, всѣ его роли представляютъ такія трудности для актера, даже самаго талантливаго и геніальнаго: ему приходится олицетворять на сценѣ сразу и одновременно всѣ особенности характера, всѣ свойства натуры...

Такою же сложностью отличается и Фальстафъ: Фальстафъ, несомнѣнно, сознаетъ свое умѣніе шутить и очень хорошо знаетъ, чѣмъ именно можно размѣшить принципа. Но онъ кромѣ того и по преимуществу натура крайне впечатлительная, такъ сказать, артистическая, художественная: кажется, будто малѣйшій толчокъ мгновенно приводитъ въ движение весь его умственный аппаратъ и тогда аппаратъ дѣйствуетъ самостоятельно, по привычкѣ, натурѣ, инстинкту. Такъ что въ данномъ случаѣ, расчетъ, несомнѣнно, существуетъ, не только въ самомъ началѣ; этотъ расчетъ даетъ толчокъ и когда возбужденіе состоялось — Фальстафу не зачѣмъ уже играть роль. Онъ хитеръ по расчету, но остроуменъ по натурѣ; это тоже самое, что въ другомъ отношеніи онъ самъ о себѣ говоритъ: «послушай, Гамъ! ты знаешь — я храбръ, какъ Геркулесъ, но и остороженъ по инстинкту». И въ самомъ дѣлѣ, онъ несомнѣнно храбръ въ сознаніи, въ мысли, но трусь по инстинкту; онъ приступаетъ къ битвѣ съ самыми геройскими намѣреніями, но лишь увидеть врага — давай Богъ ноги. Онъ такъ уменъ и такъ талантливъ, что создаетъ нечто въ родѣ пьяной философіи, оправдывающей всѣ противорѣчія своей натуры: «хорошій хересъ, говорить онъ, — производить два дѣйствія: во-первыхъ, бросается въ голову, очищаетъ мозгъ отъ скопившихся около него черныхъ паровъ, дѣлаетъ его живымъ, изобразительнымъ и полнымъ огня, такъ что все, что слетитъ въ это время съ языка, всегда бываетъ мѣткимъ словцомъ. Второе дѣйствіе хереса то, что онъ разогреваетъ кровь, которая иначе, осѣдая отъ холода, дѣлаетъ печенъ блѣдной, почти блѣдой, а въ этомъ именно и заключается главная причина трусости и слабодушія. Хересъ, напротивъ, приводя кровь въ движеніе, заставляетъ ее разливаться по самымъ дальнимъ оконечностямъ. Отъ него разгорается носъ и, точно сигнальный огонь, призываетъ къ оружью всѣ части маленькаго королевства, что зовутъ человѣкомъ, при чемъ сердце, какъ генералъ, около котораго собираются второстепенные силы, раздувается и дѣлается способнымъ на какой угодно подвигъ. Поэтому ясно, что одинъ хересъ можетъ сдѣлать человѣка храбрымъ. Безъ него и военное искусство — вздоръ и похоже на сокровище, зарытое въ землю. Хе-

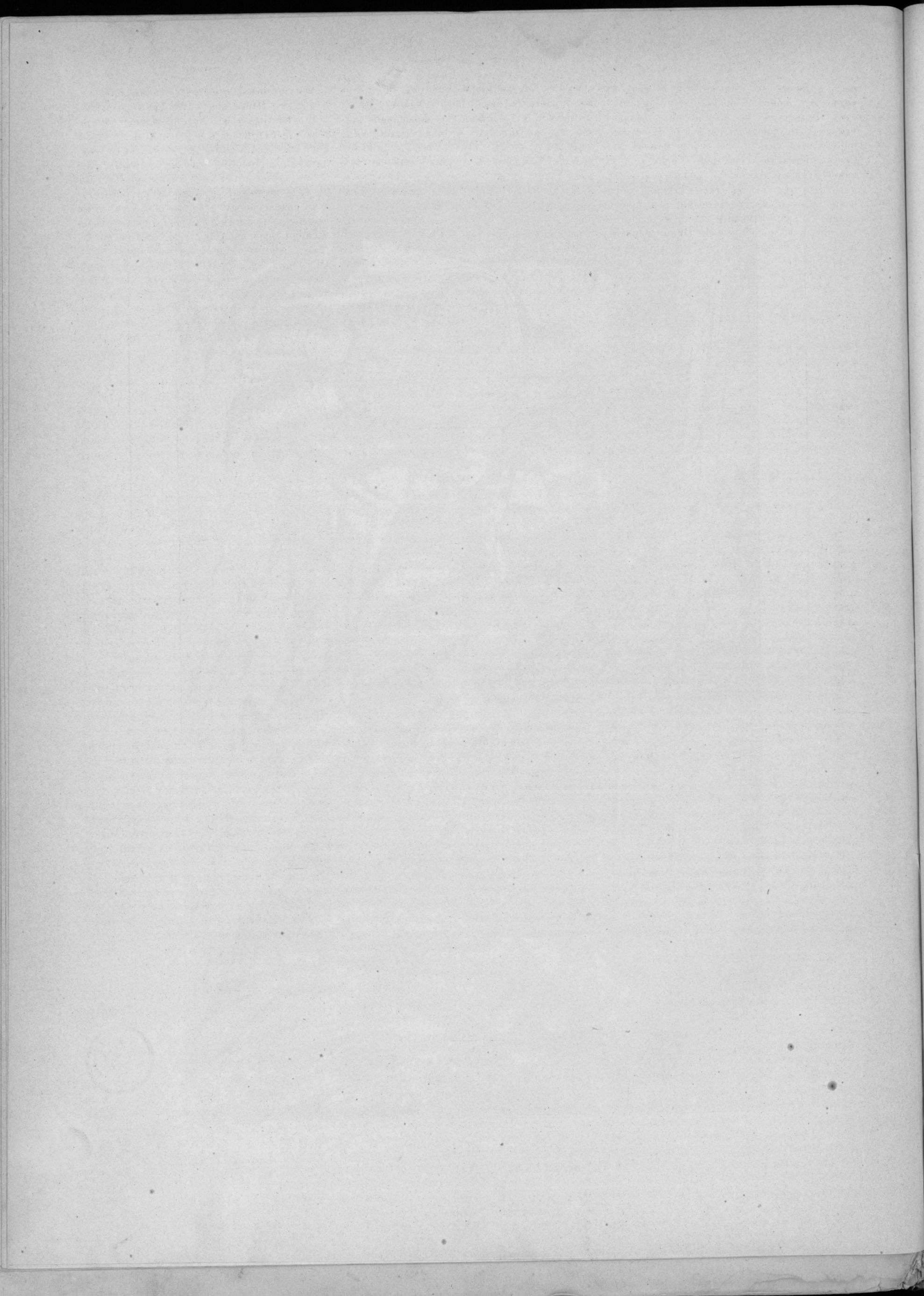
РИСУНОК Е. ГРЮЦНЕРА.

НАБОРЪ РЕКРУТЪ.

По фотографии Р. Лагтёва, рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политической» въ С.-Петербургѣ.

ресь долженъ его отыскать и пустить въ ходъ». Это, конечно, вранье, что сознаетъ и самъ Фальстафъ, но вранье на подкладкѣ удивительно оригинальной мысли. Воображение его такъ сильно, что онъ не можетъ мыслить абстрактно, спокойно переходя отъ одной идеи къ другой, въ логической послѣдовательности: онъ мыслить скачками, образами, сравненіями, метафорами; онъ прибѣгаєтъ къ раззвѣчиванію идей, являющихся въ образной, яркой формѣ. Одно сравненіе невольно вызываетъ въ его умѣ другое, затѣмъ третье: точно стебель, который едва лишь успѣлъ подняться надъ почвой, какъ пускаетъ вѣтку, затѣмъ другую, третью, десятую, въ такомъ изобилии, что въ концѣ концовъ вы теряете логическую нить и ослѣплены этой роскошью образовъ и картинъ.... Таковы особенности ума Фальстафа, ума, въ которомъ воображеніе на-столько же сильно, на-сколько сильна разсудочность. Присоедините къ этому кромѣ того флегматический темпераментъ, составляющей контрастъ съ этимъ бѣшеннымъ воображеніемъ, и у васъ будетъ полный образъ Фальстафа; въ нечаянности остроты и въ сухости настроенія духа, собственно, и заключается вся комическая сила: «геній комизма движется, какъ и всякий другой геній, по неуловимой линіи, которая разграничиваетъ область сознанія отъ области естественного побужденія».

Характеристика Фальстафа, сдѣланная Тэномъ, доканчиваетъ этотъ анализъ. По его мнѣнію, Фальстафъ заключаетъ въ себѣ необузданность животнаго съ живымъ воображеніемъ остроумныхъ людей. Въ сущности, онъ, какъ и Панургъ у Раблѣ,—добрый малый; злобы въ немъ нѣтъ никакой; онъ просто любить посмѣяться, да позабавиться. Когда его ругаютъ, — онъ ругаетъ больше другихъ, на одну насмѣшку отвѣчаетъ десятью остротами, но въ то же время онъ никаколько не обижается и не сердится. Черезъ минуту вы его видите рядышкомъ съ ругателями: за засаленнымъ столомъ таверны онъ съ ними пьянствуетъ и чокается. Свои многочисленные пороки онъ такъ добродушно и наивно выставляетъ на показъ, что вы принуждены прощать ихъ ему. Онъ точно говоритъ вамъ: «Что прикажете? Такимъ, значитъ, я родился. Люблю выпить: ужъ будто хорошее вино — не хорошо? Бѣгаю, когда угрожаютъ мнѣ побои: а развѣ отъ побоевъ не болитъ спина? Дѣлаю долги и выманиваю деньги, но развѣ не пріятно имѣть въ карманѣ деньги? Хвастаюсь, но вѣдь это только потому, что желаю внушить почтеніе къ себѣ!»—«Послушай, Галь! Ты знаешь, что нашъ праотецъ Адамъ и въ состояніи не-

винности не избѣжалъ грѣхопаденія. Гдѣ же устоять противъ него бѣдному Джеку Фальстафу въ нынѣшнее развращенное время? Ты знаешь, что во мнѣ больше мяса, чѣмъ въ другомъ, слѣдовательно, и грѣховъ больше!» Фальстафъ до такой степени безнравствененъ, что не кажется безнравственнымъ. На извѣстной ступени исчезаетъ сознаніе; природа вступаетъ въ свои права и человѣкъ гоняется за удовлетвореніемъ своихъ страстей, столь же мало думая о томъ, что справедливо и что несправедливо, какъ и дикий звѣрь въ сосѣднемъ лѣсу. Фальстафъ, которому было поручено набирать рекрутовъ, освобождается отъ рекрутчины богатыхъ, которые ему платятъ, и собираетъ однихъ лишь голодныхъ оборванцевъ, не имѣющихъ средствъ откупиться. Во всемъ его отрядѣ существуетъ всего полторы рубахи; это его беспокойство: «Ну, да ничего, утѣшаешь онъ себя,—они найдутъ довольно бѣлья на каждомъ заборѣ». Принцъ, осматривая ихъ, говоритъ, что никогда еще не видаль такихъ безобразныхъ оборванцевъ: «Э, годятся для копій, отвѣчаетъ Фальстафъ;—это вѣдь кормъ для пороху. Въ могилу улягутся такъ же, какъ и другіе: все люди, все человѣки!» — Второе его оправданіе заключается въ неисчерпаемомъ его остроуміи; если уже кто не ходить за словомъ въ карманъ, то, конечно, онъ. Брань, ругательства, проклятия, шутки и сальности льются изъ него, точно изъ открытаго крана бочки. Его невозможно озадачить: онъ выходитъ сухъ изъ воды при какихъ угодно затрудненіяхъ. Ложь зарождается въ немъ, цвѣтетъ, увеличивается, размножается, точно грибы на тучной, унавоженной почвѣ. Онъ вретъ гораздо больше изъ воображенія и натуры, чѣмъ изъ интереса и необходимости; это видно изъ того, какъ онъ преувеличиваетъ и шаржируетъ свое вранье. Онъ разсказываетъ, что дрался съ двумя бездѣльниками; черезъ минуту оказывается, что бездѣльниковъ было четверо; затѣмъ — семь, одиннадцать и, наконецъ, четырнадцать. Его во время останавливаютъ, а то вскорѣ оказлось бы, что онъ побѣдилъ цѣлую армію. Обличенный во лжи, онъ не смущается, не теряетъ своего веселья и первый же смѣется надъ своимъ лганіемъ: «Товарищи, милые друзья, дѣти мои, золотые сердца... давайте пьянствовать; не соорудить ли фарсъ?» Онъ подражаетъ королю Генриху въ такой совершенней степени, что невольно является иллюзія: передъ вами точно въ самомъ дѣлѣ король, или, по крайней мѣрѣ, превосходный актеръ.... Этотъ жирный толстякъ, трусь, циникъ, болтунъ, пьяница, трактирный поэтъ, — одинъ изъ любимцевъ Шекспира, потому

что онъ безискусственнѣй, какъ сама природа, и что умъ Шекспира сродни уму Фальстафа».

И дѣйствительно, это послѣднее обстоятельство разрѣшаетъ всѣ наши недоумѣнія. Тайна этого соблазнительно-обаятельного впечатлѣнія, которое производится на насъ Фальстафъ, заключается въ томъ, что онъ художникъ и поэтъ, по складу ума, по характеру и по интенсивности воображенія, и въ этомъ отношеніи онъ имѣеть много общаго съ творческими особенностями самого Шекспира.... Поэтъ, и въ особенности, такой поэтъ, какъ Шекспиръ, не случайно воспроизводить окружающіе нравы и окружающихъ людей. Въ громадной аренѣ жизни онъ выбираетъ и безсознательно переносить на сцену искусства только то, что ближе всего подходить къ особенностямъ и свойствамъ его таланта. Представьте себѣ, что этотъ поэтъ,—логикъ, моралистъ, съ ораторскими привычками салонной жизни, въ родѣ, напр., Расина: само собой разумѣется, что въ его произведеніяхъ отразятся нравы высшаго, полированнаго общества; онъ въ ужасѣ отвернется отъ черни; онъ сохранитъ приличіе даже тогда, когда станетъ воспроизводить крайніе порывы страсти; онъ будетъ избѣгать грубыхъ выражений; всюду внесетъ свои умственныя привычки: разсудочность, тактъ, хорошия манеры; онъ не будетъ воспроизводить сценъ обыденной жизни; онъ тщательно будетъ избѣгать точныхъ деталей, индивидуальныхъ чертъ, и перенесетъ трагедію въ ту яркую и возвышенную сферу, въ которой его абстрактные герои, живущіе въ пространства и времени, обмѣнявшись приличными рѣчами, будутъ убивать другъ друга съ важностью точно заканчивая необходимую церемонію. Шекспиръ же относится какъ разъ на обратъ къ объекту своего творчества, потому что Шекспиръ,—полнѣйшая противоположность безстрастному логику и моралисту. Его господствующей особенностью является страстное воображеніе, освобожденное отъ пути разума и нравственности; онъ во власти этого воображенія и не находитъ въ человѣкѣ ничего недостойнаго искусства. Онъ принимаетъ природу такою, какою она ему кажется и находитъ ее прекрасной; онъ переносить ее въ свои произведения со всѣми мелочами, уродливостями, эксцесами, уклонами, порывами, скачками. Онъ не думаетъ облагораживать природу, а заботится только о томъ, чтобы возможно ближе и точнѣе воспроизводить жизнь и людей во всей ихъ совокупности и полнотѣ, и вся его забота заключается въ томъ только, чтобы воспроизведеній образъ выступалъ рѣзче и поражалъ больше чѣмъ оригиналъ предметъ...

ПЕРЕДЛКА „ВИНДЗОРСКИХЪ КУМУШЕКЪ“

ЕКАТЕРИНОЮ II.

звѣстно, что вопросъ о заимствованіяхъ Шекспира весьма подробно и тщательно разработанъ. Я уже имѣлъ случай въ предыдущей статьѣ коснуться этого вопроса, указавъ на то, откуда Шекспиръ заимствовалъ фабулу «Виндзорскихъ кумушекъ» и какъ воспользовался готовымъ уже сюжетомъ. Другое дѣло—заимствованія, дѣлаемыя европейскими литературами у Шекспира. Объ этомъ интересномъ предметѣ въ обширной шекспировской литературѣ если и существуютъ какакія (большою частью случайныя) указанія, то они, во всякомъ случаѣ, нисколько не разработаны. А между тѣмъ вопросъ этотъ имѣтъ свою несомнѣнную важность, потому что только этимъ путемъ возможно прослѣдить и взвѣсить вліяніе Шекспира на послѣдующее движение умственной жизни въ Европѣ. Съ этой точки зренія частный и специально-литературный вопросъ о заимствованіяхъ у Шекспира входитъ въ общую исторію европейской культуры и объясняется самыя интересные ея фазы.

Какъ велико и обширно было это вліяніе можно видѣть изъ того, что нѣтъ ни одного великаго писателя, на которомъ бы оно не отразилось такъ или иначе. О романтизмѣ, разумѣется, и говорить нечего. Романтизмъ возникъ вслѣдъ за возбужденіемъ Шлегелемъ и Кольриджемъ интереса къ Шекспиру въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Съ тѣхъ поръ не только изученіе англійскаго поэта, но и подражаніе ему сдѣлались явленіемъ общимъ, повсемѣстнымъ. Весьма понятно, что вліяніе Шекспира отразилось по преимуществу на драматической литературѣ. Въ русской литературѣ оно было весьма значительно, но обнаружилось въ формахъ довольно своеобразныхъ. Шекспиръ проникъ къ намъ при посредствѣ французской литературы конца XVIII и начала XIX столѣтій. Тогда, какъ извѣстно, во Франціи господствовалъ ложно-классический вкусъ, какъ остатокъ «великаго» вѣка. Наше окончательное вступление въ семью европейскихъ народовъ совершилось при помощи этой литературы, но любопытно, что даже подъ вліяніемъ французского псевдо-классизма, наши первыя, болѣе или менѣе самостоятельные

попытки указываютъ на стремленіе отрѣшиться отъ стѣснительныхъ рамокъ французской трагедіи и комедіи и это стремленіе главнымъ образомъ выражается въ томъ, что мы не столько изучаемъ французскихъ писателей, сколько въ нихъ ищемъ слѣдовъ Шекспира. Достаточно будетъ указать на Сумарокова, который передѣлываетъ «Гамлета» во вкусѣ французского классицизма. Гораздо любопытнѣе и интереснѣе другая попытка,— попытка Екатерины II, которая переводитъ «Виндзорскихъ кумушекъ», вѣроятно, съ англійскаго текста. За Екатериной потому остается важная заслуга въ томъ, что она впервые познакомила насъ съ Шекспиромъ, не искаженнымъ французскимъ псевдо-классицизмомъ.

За Екатериной нельзя не признать и другой, не менѣе важной заслуги. Стоитъ только сличить сокращенный переводъ императрицы съ англійскимъ текстомъ, чтобы замѣтить значительныя отступленія переводчицы отъ оригинала, но эти отступленія крайне своеобразны. Удерживая цѣликомъ фабулу и содержаніе комедіи, она тѣмъ не менѣе переноситъ дѣйствіе въ Россію, въ «градъ св. Петра», на постоянный дворъ. Дѣйствующія лица точно также принимаютъ русскій обликъ: мировой судья Шалло превращается въ Митрофана Аввакумовича Шалова; Следнеръ—въ Ивана Авраамовича Лялюкина; Пѣджъ—въ Егора Авдѣича Папина; Фордъ—въ Фордова; пасторъ сэръ Гугъ Эвансъ—въ Банова, свата Шалова и Лялюкина; докторъ Кайюсъ—въ доктора Кажу; мистрись Купкли—въ французскую торговку, мадамъ Кьела; спутники Фальстафа—Бардольфъ, Пистоль и Нимъ,—въ друзей Полкадова: Бардолина, Пикова и Нумова; Семпль—въ Зиньку; и, наконецъ, самъ Фальстафъ—въ Полкадова. Характистика этихъ лицъ, мало измѣненная переводчицей, принаровлена, однакожъ, къ русской жизни. Но измѣненія, по преимуществу, замѣтны въ роли Фальстафа. На первый взглядъ кажется непонятнымъ, почему переводчица пожертвовала комическимъ элементомъ въ фигуру Фальстафа, такъ неподражаемо очерченой у Шекспира, и сдѣлала изъ нея блѣдную, совершенно неудавшуюся фигуру прокутившагося русскаго барина (Полкадовъ)? Но это измѣненіе (не простительное въ наше время) имѣло смыслъ

и значеніе въ концѣ XVIII столѣтія: роль Фальстафа, переданная вѣрно и точно, была бы непонятна и чужда русскому зрителю того времени. Онъ не имѣлъ никакого понятія о Франціи, онъ не имѣлъ никакого понятія обѣ Англіи, съ ея своеобразнымъ общественнымъ строемъ, съ ея нравами и особенностями. Но въ искаженіи Екатериной роли Фальстафа замѣтно и другое намѣреніе. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что «Виндзорскія кумушки»,—не сатира, а шутка, основанная на живомъ и непосредственномъ наблюденіи дѣйствительности. Комедія, перенесенная на русскую почву въ такомъ видѣ, неизбѣжно потеряла бы характеръ шутки и превратилась бы въ грубый фарсъ, къ тому же, непонятный. Поэтому нужно было въ передѣлку ввести новый элементъ,—элементъ сатиры на русскіе нравы. Такъ и поступила Екатерина. Ея Полкадовъ (Фальстафъ),—вовсе не жирный рыцарь Шекспира, а прокутившійся русскій баринъ, старающійся добывать деньги при помощи любовныхъ интригъ. Онъ щеголяетъ французскимъ языкомъ, онъ извѣзилъ Европу вдоль и поперекъ, онъ говоритъ: «chez nous à Paris», хвастаетъ своими иностранными манерами и чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что посвященъ въ тайны новѣйшей парижской моды. Придавая такой мѣстно-русскій характеръ шекспировскому Фальстафу, Екатерина касается одной изъ самыхъ большихъ сторонъ тогдашняго русскаго дворянства,—обезьянничанія запада. Начало этого обезьянничанія именно совпадаетъ съ царствованіемъ Екатерины. Только тогда русское дворянство начало знакомиться съ Европой; сношенія сдѣлались не случайными, а постоянными; вскорѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ образовалась мода европеизма и щегольство европейскими манерами. Мода эта была введена главнымъ образомъ дворомъ. Сама императрица была представительницей европейскихъ идей: она переписывалась съ Вольтеромъ, приглашала въ Петербургъ Дидро и Фальконѣ, устраивала въ эрмитажѣ вечера, говорила по-французски, увлекалась Франціей и энциклопедистами, и только въ концѣ царствованія, испуганная размѣрами, принимающими французской революціей, повернула въ другую сторону. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о введеніи въ Россіи европейскихъ

идей и идеаловъ и касаясь лишь моды на европеизмъ, нельзя не замѣтить, что эта мода была именно дѣломъ Екатерины, и противъ-то этой моды она первая и вооружилась въ своемъ произведеніи: «Вольное, но слабое переложеніе изъ Шекспира, комедія: Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье».

Такимъ образомъ въ комедіи Екатерины мы видимъ то самое отрицательное направление, которое впослѣдствіи сдѣлалось господствующимъ въ русской литературѣ, и выразилось уже вполнѣ осмысленно въ монологѣ Чацкаго, желающаго

Чтобъ истребилъ Господь не чистый этотъ духъ Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,

Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать какъ крѣпкою вожжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой...

Ахъ, если рождены мы все перениматъ,
Хоть у китайцевъ бы памъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!..

Но возвратимся къ передѣлкѣ Екатерины. Для характеристики этой передѣлки приведу двѣ сцены, во-первыхъ, какъ Полкадовъ ухаживаетъ за Фордовой (у Шекспира: сцена III третьяго дѣйствія), и во-вторыхъ, спечную съ корзиной (также сцена у Шекспира) Полкадовъ (декламируя): О! какъ я счастливъ, прелюбезнѣйшее сокровище! Дыханіе мое скорѣе пресѣчется, нежели нѣжность моего къ вамъ расположенія; ласкальнѣйшій сей случай обуздаєтъ умъ и душу мою такъ, что краснорѣчье все исчерпается въ изъясненіи... Фордова. — О, судары!... — Полк. — Во всей Ерлопѣ нѣть вамъ подобной; глаза ваши свѣтятся, какъ алмазы; къ нимъ всякое уранство новѣйшей моды безпримѣрно пристанетъ... — Фор. — И, сударь... будто... — Полк. — Вы бы и при дворѣ и вездѣ по красотѣ одной долженствовали первое мѣсто занимать... — Фор. — По сю пору я о семъ и не слыхивала. — Полк. — Повѣрьте Полкадову, онъ знаетъ, что хорошо, и вѣсъ любить... — Фор. — Вы!.. а я думала, что вы любите Акулину Терентьевну... — Полк. — Кстати-ли... моя любезнѣйшая богиня!.. — Фор. — Ну, хорошо... — Полк. — Вѣрьте мнѣ... — Фор. — Мнѣ кажется, будто я слышу голосъ Папиной. — Полк. — Гдѣ же спрячусь отъ нея?... — Фор. — За занавѣсы. (Полкадовъ бѣжитъ спрятаться за занавѣсы.) — Фор. (Акулинѣ

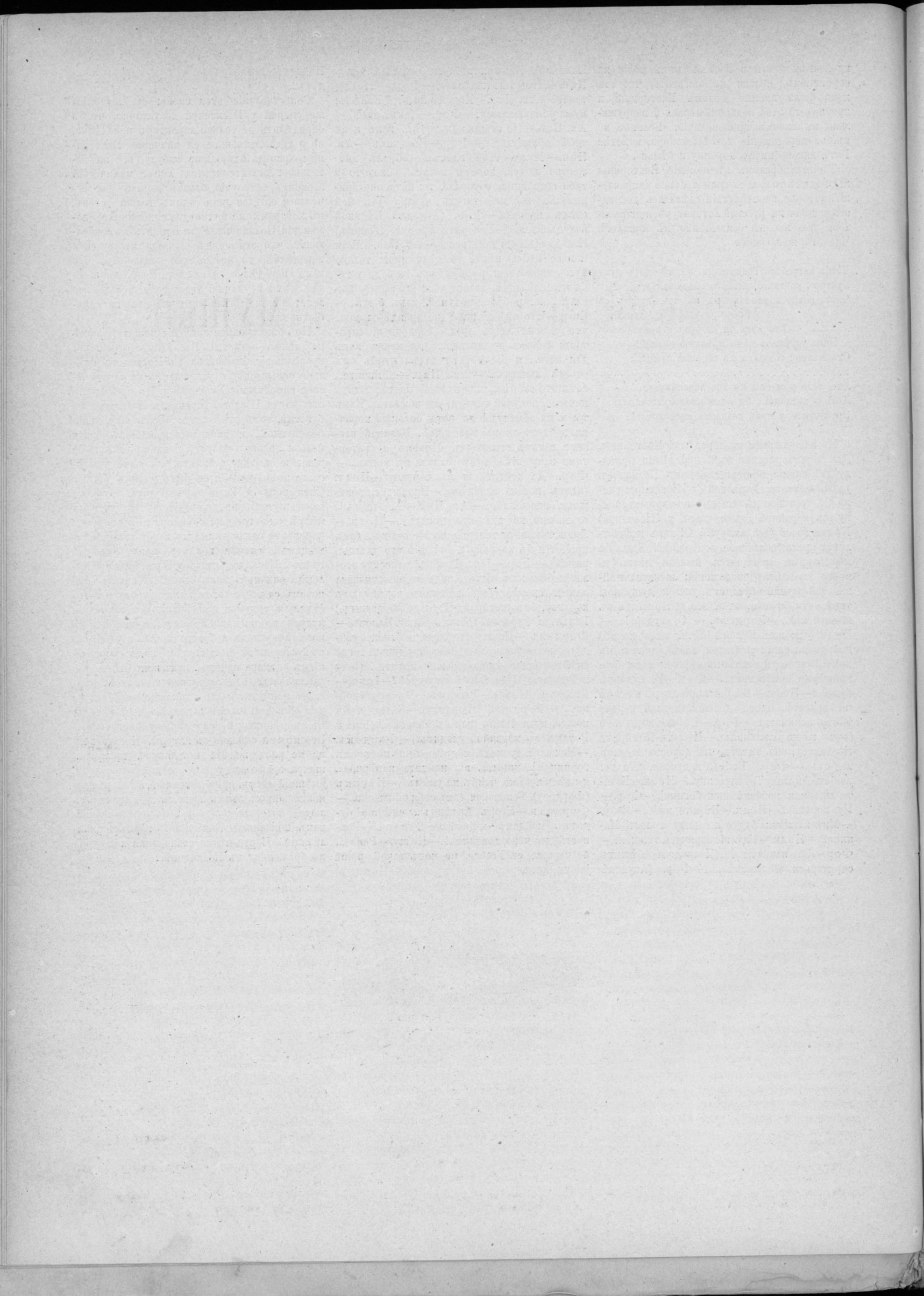
Папиной). Какъ я тебя не ожидала... — Ак. Пап. — Что ты надѣла? — Фор. — Что же такое? — Ак. Пап. — Хорошо-ли это? Какъ ты мужа обманываешь? — Фор. — Какъ... какъ? — Ак. Пап. — Не стыдно-ли тебѣ?.. какъ я въ тебѣ обманулась? — Фор. — Въ чемъ? — Ак. Пап. — Мужъ твой идетъ... собраль множество людей, хочетъ искать какого-то у тебя господина, котораго ты потаенно принимала... въ небытность мужа... Ты, мой свѣтъ пропала. — Фор. (Акулинѣ Папиной полуголосомъ). — Говорите громче. (громко.) Я надѣюсь... не такъ вовсе. — Ак. Пап. — Если никого здѣсь нѣть, то дѣло иное; только мужъ твой очень расшумѣлся... и буде у тебя кто спрятанъ, то стараися его скорѣе выслать... не робѣй... подумай, какъ быть... — Фор. — Что мнѣ дѣлать? по правдѣ сказать, что у меня здѣсь другъ сердечный спрятанъ; я боюсь не столько... для меня... какъ для него... я бы дорого дала... чтобы онъ отсѣлѣ вышелъ... — Ак. Пап. — Спѣшите... спѣшите скорѣе... мужъ твой идетъ, ждать нечего... подумай какъ друга выслать... Какъ ты меня обманула! да вотъ большая корзина, войдетъ-ли въ нее еще?.. Незамай влезеть, а тамъ столовымъ бѣльемъ и скатертями закроемъ... будто отдала въ мытье... — Фор. — Да войдетъ-ли въ корзину? — Полк. (идетъ изъ-за занавѣса). — Покажите, покажите, авось-либо... — Ак. Пап. — А, это вы!.. а письмо ко мнѣ кто писалъ? — Полк. — Лишь помогите теперь... послѣ скажу... (онъ прячется въ корзину и онъ обѣ его укладываютъ). — Фор. — Іона, Романъ! отнесите столовое бѣлье въ мытье, куда я приказывала давеча, скорѣе. (Іона и Романъ поднимаютъ корзину, въ которой Полкадовъ лежитъ.) Входятъ: Фордовъ, Папинъ, Кажу, Вановъ. — Фордовъ. — Пожалуйте сюда поближе... увидите, подозрѣваю-ли я безъ причины... тогда смѣйтесь надо мною сколько хотите... (Іона и Романъ.) Куда вы съ корзиной? — Іона. — Столовое бѣлье... — Романъ. — Въ портомойню... — Фордова (Фордову). — Какая тебѣ нужда, куда бы нишли съ бѣльемъ? (Іона и Романъ съ корзиной уходятъ.) — Фордовъ. — Пожалуй, господа, подите сами по всемъ горницамъ, ищите... вы найдете навѣрное... я здѣсь постою, чтобы не ушелъ... — Папинъ (Фордову). Успокойся, самъ себя обижашь. — Фордовъ. — Егоръ Авдѣичъ... смѣшино будетъ... пойдемъ вмѣстѣ... — Вановъ. — Ревность до чего доводить!.. — Кажу. — Ревно..., не карашо, en France, не модъ такой, point jaloux, нигъ ревни... нигъ ревни... — Папинъ

Пойдемъ, посмотримъ, что изъ того выйдетъ...»

Сопоставленіе этой сцены съ подобною же сценой у Шекспира достаточно, чтобы определить не только характеръ передѣлки, но и художественное ея значеніе. Екатерина сохранила одну лишь фабулу, все же остальное: характеристика лицъ, комический элементъ, остроуміе, блескъ формы,—все исчезло и остался лишь одинъ голый остовъ, въ которомъ не видно даже комичнаго положенія Полкадова. Если принять въ соображеніе, что эта сцена—лучшая въ русской передѣлкѣ, то необходимо заключить, что какъ передѣлка,—попытка Екатерины болѣе, чѣмъ неудачна: это первое, ребяческое лепетаніе, не имѣющее даже заслуги самобытности...

Но общественное значеніе попытки тѣмъ не менѣе остается. Въ этомъ отношеніи превращеніе Фальстафа въ Полкадова сдѣлано осмыслено и указываетъ на сатирическое направленіе Екатерины. Въ одномъ мѣстѣ, когда Шаловъ упрекаетъ Полкадова въ буйствѣ, тотъ отвѣчаетъ: «Вотъ еще какія бездѣлицы... и забавляться нашему брату нельзя... всякую малость, des simples tours de jeunesse за бѣду ставятъ... спросите у женскаго пола... какъ я съ нимъ учтивъ былъ... Chez nous à Paris такъ водится... только вамъ шутокъ не разумѣть...» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «напрягайте паруса... направьте судно прямо къ золотымъ пристанищамъ... скорѣе граниьте, какъ крупный градъ... Полкадовъ такъ учился, ъзда по Ерлопѣ... онъ привозилъ съ собою счастье запахомъ со всего свѣта... аки награду... за его немалыя труды и примѣчанія... о завѣтаніи кудрей по послѣдней модѣ... о новѣйшемъ покроѣ фраковъ и бострочковъ... о удобнѣйшей запряжкѣ восьмерика, подъ управлениемъ единаго кучера... какъ пригоже обувь завязывать, или застегивать... сапоги спускать или потягивать... такожде какія игры для общѣй и частной пользы превосходны къ скорѣйшему и кратчайшему выигрышу...» Это почти списано съ натуры. Писательница не разъ видѣла подобныхъ прокутившихся франтовъ, у которыхъ остался лишь внѣшній лоскъ, пріобрѣтенный, и теперь промышляющихъ этимъ лоскомъ среди русскихъ людей, которыхъ, подобно полудикимъ варварамъ, поклоняются внѣшнимъ формамъ цивилизаци... Черта мѣтко схваченная и недурно изображенная въ Полкадовѣ...

ВЕСЕЛЫЯ ВИНДЗОРСКИЯ КУМУШКИ, КОМЕДІЯ ШЕКСПИРА.

Переводъ П. И. Вейнберга и Н. И. Шульгина.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сэръ Джонъ Фальстафъ.

Фентонъ.

Шалло, мировой судья.

Слендеръ, его двоюродный братъ.

Мистеръ Фордъ } джентльмены, имѣющіе
Мистеръ Пэджъ } осѣдлость въ Виндзорѣ.

Уильямъ Пэджъ, мальчикъ, сынъ м-ра Пэджа.

Сэръ Гугъ Эвансъ, пасторъ.

Докторъ Кайюсъ, французский врачъ.

Хозяинъ гостиницы «Подвязка».

Бардоль } спутники Фальстафа.

Пистоль }

Нимъ

Робенъ, пажъ Фальстафа.

Семпль, лакей Слендера.

Регби, лакей Кайюса.

Мистрисъ Фордъ.

Мистрисъ Пэджъ.

Миссъ Анна Пэджъ, ея дочь.

Мистрисъ Куикли, служанка доктора Кайюса.

Слуги Пэджа, Форда и пр.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Виндзоръ. Полисадникъ передъ домомъ Пэджа.

Входитъ: Судья Шалло, Слендеръ и сэръ Гугъ
Эвансъ.

Шалло. Не настаивайте, сэръ Гугъ; я перенесу дѣло въ Звѣздную палату. Будь онъ двадцать разъ сэръ Джонъ Фальстафъ, онъ не одурачить Роберта Шалло, эсквайра...

Слендеръ. Въ графствѣ глостерскомъ, мирового судью и сорамъ.

Шалло. Да, кузенъ Слендеръ, и Custalorum.

Слендеръ. Да, еще и ratolorum! *) урожденный дворянинъ, господинъ пасторъ, который подписываетъ armigero на письмахъ, повѣсткахъ, квитанціяхъ и обязательствахъ, — armigero!

Шалло. Это такъ; и мы подписываемся такимъ образомъ уже триста лѣтъ.

Слендеръ. Такъ поступали всѣ его потомки, скончавшіеся прежде него; такъ будуть вправѣ поступать и его предки, которые явятся на свѣтъ послѣ него. Они могутъ носить на своей рыцарской мантіи двѣнадцать маленькихъ бѣлыхъ рыбокъ **).

*) Шалло и Слендеръ коверкаютъ названія Quogum и Custos rotulorum, которыхъ давались въ то время мировымъ судьямъ въ Англіи.

**) Упоминаю обѣ этой мантіи, Шекспиръ дѣлаетъ намекъ на извѣстнаго въ то время сэра Томаса Люси, съ котораго списанъ Шалло.

Шалло. Это наша старинная рыцарская мантія.

Эвансъ. Двѣнадцать маленькихъ бѣлыхъ животныхъ не слишкомъ много для старой мантіи; иногда не худо иметь съ ними дѣло; это животное очень близко человѣку и назначаетъ: любовь *).

Шалло. Эти животные не могутъ замѣнить соленой рыбы; на нашей старинной мантіи соленая рыба.

Слендеръ. Могу я, кузенъ, воспользоваться хотя четвертью этой мантіи.

Шалло. Можете, посредствомъ законного брака.

Эвансъ. Если это случится, не пойдетъ-ли и ваша мантія въ бракъ.

Шалло. Отнюдь нѣтъ.

Эвансъ. Клянусь Богородицей, это будетъ. Если онъ возьметъ четверть вашей мантіи, у васъ останется только три четверти, по моему простому расчету; но оставимъ это. Если сэръ Джонъ Фальстафъ совершилъ противъ васъ неприличный поступокъ, я, какъ служитель церкви, охотно употреблю всѣ усилия, чтобы привести дѣло къ соглашенію и взаимному умиротворенію.

Шалло. Совѣтъ выслушаетъ это дѣло; здѣсь пахнетъ бунтомъ.

Эвансъ. Зачѣмъ Совѣту вмѣшиваться въ дѣло о бунтѣ; въ бунтѣ нѣтъ и помину о страхѣ божьемъ. Совѣтъ, видите-ли, желаетъ

*) Игра словъ: luce — щука и lous — вошь, которыхъ произносятся почти одинаково.

слышать о страхѣ божьемъ и не желаетъ, чтобы ему говорили о бунтѣ. Разсудите-ка обѣ этомъ толково.

Шалло. А! Клянусь моей душой, если бы я былъ еще молодъ, мечемъ окончилъ бы это дѣло.

Эвансъ. Лучше, если мечъ замѣнитъ ваши друзья и покончать споръ. Притомъ въ моемъ мозгу зародилось предположеніе, которое, быть можетъ, произведетъ добрыя послѣдствія. Знаете вы Анну Пэджъ, дочь м-ра Джоржа Пэджа? Отмѣнная дѣйственница.

Слендеръ. Мистрисъ Анна Пэджъ? У нея темные волосы и говоритъ тонкимъ голоскомъ.

Эвансъ. Она и есть; между женщинами всего свѣта вамъ не найдти лучше ея. Дѣдъ ея на смертномъ одрѣ (дай Господи ему радостное воскресеніе!), завѣщалъ ей семьсотъ фунтовъ золотой и серебрянной монеты, которые она получить, когда ей исполнится семнадцать лѣтъ. И будетъ благо, если мы, оставивъ всѣ ссоры и несогласія, позаботимся устроить бракосочетаніе между мистеромъ Абрагамомъ и мистрисъ Анной Пэджъ.

Шалло. Это точно, что ея дѣдъ завѣщалъ ей семьсотъ фунтовъ?

Эвансъ. Да; а отецъ ея оставилъ ей, пожалуй, и побольше.

Шалло. Я знаю эту юную дѣвицу; у нея хорошия качества.

Эвансъ. Еще бы не хорошія: семьсотъ фунтовъ, а въ ожиданіи и того больше.

Шалло. Хорошо, повидаемся съ честнѣйшимъ м-ромъ Пэджемъ. Не тамъ-ли Фальстафъ?

Эвансъ. Сказать-ли вамъ неправду? Я презираю лжеца, какъ презираю все, что лживо, или презираю все, что неправда. Рыцарь сэръ Джонъ тамъ. Но, умоляю васъ, позовите руководить вами людямъ, желающимъ вамъ блага. Я постучу въ дверь и вызову м-ра Пэджа. (*Стучитъ въ дверь.*) Гола! Эй! Да снизойдетъ благословеніе Господне на вашъ домъ.

Входитъ Пэджъ.

Пэджъ. Кто здѣсь?

Эвансъ. Да почietъ надъ вами божіе благоволеніе; вотъ вашъ другъ, судья Шалло; а вотъ молодой Слендеръ, который расскажетъ вамъ иную исторію, если она придется вамъ по вкусу.

Пэджъ. Я очень радъ, что вижу васъ въ добромъ здоровыи, ваше преподобіе. Благодарю васъ за мою dochь, м-ръ Шалло.

Шалло. М-ръ Пэджъ, я очень доволентъ, что вижу васъ. Но желалъ бы, чтобы дичь была получше: она дурно убита... Какъ здоровье м-съ Пэджъ? Я люблю васъ всѣмъ моимъ сердцемъ... всѣмъ сердцемъ.

Пэджъ. Сэръ, благодарю васъ.

Шалло. Нѣтъ, сэръ, я долженъ благодарить васъ; и такъ и этакъ, всячески, я васъ люблю.

Пэджъ. Очень радъ видѣть васъ, мой добрый м-ръ Слендеръ.

Слендеръ. Какъ поживаетъ ваша рыжая борзая, сэръ? Говорятъ, въ Котзелѣ ее обогнали.

Пэджъ. Это осталось подъ сомнѣніемъ, сэръ.

Слендеръ. Вы не хотите сознаться; — не хотите сознаться.

Шалло. Не хотеть сознаться... Это ваша вина, ваша вина... Собака хорошая.

Пэджъ. Испорченная, сэръ.

Шалло. Сэръ, хорошая собака и красава. Можно-ли лучше оцѣнить ее... Хорошая и красава... Сэръ Джонъ Фальстафъ у васъ?

Пэджъ. Сэръ, онъ у меня и я бы желалъ имѣть возможность примирить васъ.

Эвансъ. Онъ говоритъ, какъ подобаетъ говорить христіанину.

Шалло. Онъ оскорбилъ меня, м-ръ Пэджъ.

Пэджъ. Сэръ, онъ отчасти сознаетъ свою вину.

Шалло. Сознаться еще не значитъ удовлетворить. Правду я говорю, м-ръ Пэджъ? Онъ меня оскорбилъ, чувствительно оскорбилъ; вѣрьте мнѣ: Робертъ Шалло, эсквайръ говоритъ вамъ, что онъ оскорблена.

Пэджъ. А вотъ идеть и сэръ Джонъ.

Входитъ: сэръ Джонъ Фальстафъ, Бардольфъ, Нимъ и Пистоль.

Фальстафъ. И такъ, м-ръ Шалло, вы хотите пожаловаться на меня королю?

Шалло. Рыцарь, вы избили мою прислугу, убили моего оленя и выломали дверь въ момъ жильѣ.

Фальстафъ. Но не целовалъ дочери вашего сторожа.

Шалло. Ба! вздоръ! За все это вы отвѣтите.

Фальстафъ. Отвѣчу тотчасъ же. Я все это сдѣлалъ. Вотъ мой отвѣтъ.

Шалло. Обѣ этомъ будетъ доложено Совѣту.

Фальстафъ. Я дамъ вамъ совѣтъ: ничего не докладывать Совѣту, не то васъ подымутъ на смѣхъ.

Эвансъ. Pausa verba, сэръ Джонъ, хорошія слова.

Фальстафъ. Хорошія слова! хорошая чепуха! Слендеръ, я проломилъ вамъ голову. Что вы имѣете противъ меня?

Слендеръ. Чортъ возьми, въ моей головѣ

много противъ васъ и противъ этихъ негодныхъ мошенниковъ: Бардольфа, Нима и Пистоля. Они заманили меня въ таверну, напоили и очистили мои карманы.

Бардольфъ. Вы — бенбургскій сыръ!

Слендеръ. Плюю я на это.

Пистоль. Чего дерешь глотку, Мефистофель.

Слендеръ. Говори, что хочешь.

Нимъ. Намнемъ ему бока! Pausa! pauca! Наметь бока — чего лучше.

Слендеръ. Гдѣ Семпль? мой слуга. Не знаете ли, кузенъ?

Эвансъ. Успокойтесь, прошу васъ, и мы придемъ къ соглашенію. Какъ я разумѣю, въ этомъ дѣлѣ три посредника: м-ръ Пэджъ, то есть м-ръ Пэджъ; я самъ, то есть я самъ; третій и окончательный, мой хозяинъ — владѣлецъ гостиницы «Подвязка».

Пэджъ. Мы трое выслушаемъ дѣло и уладимъссору между ними.

Эвансъ. Очень хорошо. Я занесу протоколь въ мою записную книжку; затѣмъ мы разберемъ дѣло съ возможнымъ безпристрастiemъ.

Фальстафъ. Пистоль!

Пистоль. Онъ слушаетъ своими ушами.

Эвансъ. Что за чортъ! Какая фраза: «онъ слушаетъ своими ушами». Это слишкомъ вычурно.

Фальстафъ. Пистоль! вы очистили кошелекъ м-ра Слендера?

Слендеръ. Клянусь этими перчатками, очистилъ. Если это неправда, да не войду я никогда въ мою большую комнату. Онъ укралъ у меня семь гrotovъ добрыми шестипенсовыми и еще два эдуардовские шилинга, которые я купилъ у мельника Ида, заплативъ за каждый по два шилинга и два пенса. Клянусь перчатками, я говорю истину.

Фальстафъ. Правда это, Пистоль?

Эвансъ. Нѣтъ, это обманъ, если было воровство.

Пистоль.

Ахъ, ты, пришлецъ изъ горъ!

(*Фальстафъ.*) Мой господинъ,

Сэръ Джонъ, зову на бой я эту саблю

Жестянную. (*Слендеру.*) Кидай въ носъ тебѣ

Я слово возраженья; это слово:

Ты лжешь, нагаръ и пѣнистая грязь!

Слендеръ (*указывая на Нима*). Клянусь перчатками, тогда этотъ.

Нимъ. Дружище, будьте осмотрительнѣе, оставьте ваши шутки! Не то я вамъ такъ скажу: «цыць!» что вы по неволѣ замолчите. Вотъ вамъ моя отповѣдь.

Слендеръ. Клянусь моей шапкой, это сдѣлалъ вотъ тотъ краснорожій. Хотя я и не могу вспомнить, что я дѣлалъ послѣ того, какъ вы напоили меня пьянымъ, однакоожъ, я не совсѣмъ еще осель.

Фальстафъ. Ну, что скажете вы на это, Джонъ Разрумяненный.

Бардольфъ. А скажу я, что въ то время этотъ джентльменъ до того упился, что потерялъ всѣ свои пять чувствъ.

Эвансъ. Свои пять чувствъ! Фи! Каково невѣжество.

Бардольфъ. Ну, а какъ напился, онъ, какъ говорится, очутился подъ столомъ и въ заключеніе лишился всякаго пониманія.

Слендеръ. Да, тогда и вы говорили по-латыни. Но не въ этомъ дѣло. Послѣ штуки, сыгранной со мною, пока я буду жить, я никогда не стану напиваться иначе, какъ въ честной, воспитанной и доброй компаніи; если мнѣ вздумается напиться, я буду пить съ людьми, имѣющими въ себѣ страхъ Божій, а не съ негодными пьяницами.

Эвансъ. Да судитъ меня Богъ, вотъ добродѣтельное намѣреніе.

Фальстафъ. Вы слышите, джентльмены, всѣ обвиненія опровергнуты. Вы слышите.

Входитъ: **Миссъ Анна Пэджъ, со виномъ;** за нею **Мистрисъ Фордъ и Мистрисъ Пэджъ.**

Пэджъ. Нѣтъ, дочь моя; отнеси вино назадъ; мы будемъ пить его въ комнатѣ.

(*Анна Пэджъ уходитъ.*)

Слендеръ. О, небо! Это мистрисъ *) Анна Пэджъ.

Пэджъ. Какъ ваше здоровье, м-съ Фордъ?

Фальстафъ. Честное слово, м-съ Фордъ, мнѣ очень пріятно видѣть васъ. Съ вашего позволенія, милая мистрисъ. (*Цѣлуєтъ ее.*)

Пэджъ. Жена, проси къ намъ въ домъ этихъ джентльменовъ. Прощу васъ; у насъ къ обѣду приготовленъ горячій пастетъ изъ дичи. Пойдемте, я надѣюсь, что мы утопимъ въ винѣ всѣ наши несогласія.

(*Все уходятъ въ домъ, кроме Шалло, Слендера и Эванса.*)

Слендеръ. Охотно я отдалъ бы сорокъ шillingовъ за то, чтобы иметь теперь при себѣ мою книгу пѣсенъ и сонетовъ...

Входитъ Семпль.

А, вотъ и вы, Семпль! Гдѣ вы были? Не прикажете-ли вы мнѣ самому себѣ прислушивать? Не у васъ-ли моя «Книга Загадокъ»? У васъ?

Семпль. «Книга Загадокъ»? Не вы-ли сами отдали эту книгу на время Алисѣ Шорткекъ, въ день Всѣхъ Святыхъ, за двѣ недѣли до Михайлова дня.

Шалло. Пойдемъ, племянникъ **), пойдемъ, насы ждуть. Постой, еще одно слово. Здѣсь на этомъ мѣстѣ, сэръ Гугъ намекомъ сдѣлалъ предложеніе, то есть въ родѣ предложенія... Ты понимаешь меня?

Слендеръ. Да, сэръ, и вы увидите, какъ я буду благоразуменъ; если это правда, я сдѣлаю все, что требуетъ благоразуміе.

Шалло. Погоди, ты прежде пойми меня.

Слендеръ. Это я и дѣлаю.

Эвансъ. Внимайте его внушеніямъ, м-р Слендеръ; я во всѣхъ подробностяхъ изложу это дѣло, если вы способны понять его.

Слендеръ. Нѣтъ, я сдѣлаю такъ, какъ указываетъ кузенъ Шалло; прошу васъ, извините меня; онъ мировой судья въ этомъ околотѣ, я же только простой смертный.

Эвансъ. Совсѣмъ не то; дѣло идетъ о вашей женитьбѣ.

Шалло. Именно обѣ этомъ, сэръ.

Эвансъ. О женитьбѣ — да; въ этомъ именно дѣло... на мистрисъ Аннѣ Пэджъ.

Слендеръ. А! если это такъ, я готовъ жениться на ней, если условия будутъ благоразумны.

Эвансъ. Но чувствуете-ли вы расположение къ этой дѣвицѣ? Мы хотимъ знать это изъ вашихъ устъ или изъ вашихъ губъ; ибо нѣкоторые философы поддерживаютъ мнѣніе, что губы суть часть устъ... И такъ скажите намъ, можете-ли вы восчувствовать расположение къ этой дѣвицѣ?

Шалло. Кузенъ Абрарамъ Слендеръ, можете-ли вы полюбить ее?

Слендеръ. Надѣюсь, сэръ; для этого я сдѣлаю все, что возможно сдѣлать, не отступая отъ благоразумія.

Эвансъ. Во имя Господа и Богоматери, прошу васъ, скажите намъ положительно, можете-ли вы полюбить ее, какъ подобаетъ?

Шалло. Да такъ необходимо. Хотите-ли вы жениться на ней и получить хорошее приданое?

*) Во времена Шекспира и женщины и девушки одинаково звали: мистрисъ.

**) Шалло называетъ Слендера то кузеномъ, то племянникомъ.

Слендеръ. Я сдѣлаю и больше, кузенъ, по вашему разумному требованію.

Шалло. Нѣтъ, вы поймите, поймите меня, милый племянникъ. Я желаю только того, что вамъ пріятно. Можете-ли вы полюбить эту дѣвушку?

Слендеръ. Я готовъ жениться на ней, сэръ, если вы этого потребуете. Но если въ началь любовь и не будетъ велика, за то по томъ, съ помощью неба, когда мы поженимся и лучше узнаемъ другъ-друга, она, можетъ быть, и уменьшится. Надѣюсь, съ постепеннымъ написаніемъ увеличится и наша взаимная антипатія. Но если вы скажете: «женись на ней!» — я женюсь, ибо рѣшился на это рѣшительно и добровольно.

Эвансъ. Вотъ мудрый отвѣтъ, ошибка только въ словѣ «рѣшительно»: «рѣшился рѣшительно»; слѣдовало сказать: «положительно». Намѣреніе его, однакожь, доброе.

Шалло. Да, я увѣренъ, что у моего кузена намѣренія добрая.

Слендеръ. Пусть меня повѣсять, если это неправда.

(Входитъ Анна Пэджъ.)

Шалло. Вотъ и красавица мистрисъ Анна. Какъ бы я хотѣлъ помолодѣть, чтобы полюбить васъ, мистрисъ Анна.

Анна. Кушанье на столѣ; батюшка просить васъ сдѣлать намъ честь отобѣдать съ нами.

Шалло. Сейчасъ иду, прелестная мистрисъ Анна.

Эвансъ. Благослови васъ Господь! Спѣшу, чтобы прочесть молитву.

(Шалло и Эвансъ уходятъ.)

Анна. Прошу и васъ, сэръ.

Слендеръ. Нѣтъ, честное слово, благодарю васъ отъ всего сердца; мнѣ и такъ хорошо.

Анна. Васъ ждутъ къ обѣду.

Слендеръ. Честное слово, я не голоденъ; благодарю васъ. *(Къ Семплю.)* Ты, мой лакай, ступай служить моему кузену Шалло. *(Семпль уходитъ.)* Мировой судья можетъ быть иногда доволенъ, если родственникъ предложитъ ему своего лакея. Пока моя мать здравствуетъ, я держу только трехъ лакеевъ и одного пажа. Что дѣлать! Пока я живу бѣднякомъ, хотя и урожденный джентльменъ.

Анна. Я не могу возвратиться безъ васъ, сэръ; безъ васъ не сядутъ за столъ.

Слендеръ. Говорю вамъ правду, я не хочу єсть; благодарю васъ такъ, какъ будто я поѣлъ.

Анна. Прошу васъ, пойдемте.

Слендеръ. Благодарю васъ, я лучше прогуляюсь. Я зашибъ голень, фехтуя съ учителемъ фехтованія. Три удара за блюдо варенаго чернослива. Клянусь честію, съ того времени я не могу выносить запаха горячихъ кушаньевъ. Съ чего это разлаялись ваши собаки? Не водятъ-ли медвѣдей по городу?

Анна. Кажется, водятъ, сэръ; мнѣ говорили, что сюда привели медвѣдей.

Слендеръ. Люблю смотрѣть на ихъ представленіе; готовъ держать за нихъ какое угодно пари. Вы, я думаю, боитесь, когда увидите медвѣдя?

Анна. Да, сэръ, пугаюсь.

Слендеръ. А я, какъ увижу медвѣдей, тотчасъ забываю обѣ Ѵдѣ и питьѣ; двадцать разъ я видѣлъ спущенного съ цѣпи Сакерсонъ *); я даже бралъ его за цѣпь; увѣряю васъ, что при этомъ женщины немилосердно кричали. Справедливо, что женщины не могутъ терпѣть медвѣдей; это такія свирѣпыя, неблагопристойныя животныя.

* Сакерсонъ — имя знаменитаго медвѣдя, котораго во времена Шекспира показывали въ «парижскомъ саду», въ Суэтваркѣ.

Входитъ Пэджъ изъ дома.

Пэджъ. Пожалуйте, любезный мистеръ Слендеръ; идите же, мы васъ ожидаемъ.

Слендеръ. Я не хочу єсть, благодарю васъ, сэръ.

Пэджъ. Ну, ужъ извините, такъ нельзя, сэръ; пойдемте, пойдемте.

Слендеръ. Извольте, но прошу васъ идти впередъ.

Пэджъ. Идите вы, сэръ.

Слендеръ. Мистрисъ Анна, вы пройдете первой.

Анна. Нѣтъ, сэръ, прошу васъ, идите вы.

Слендеръ. Ни за что не пойду я первымъ; я не желаю нанести вамъ оскорблениія.

Анна. Прошу васъ, сэръ.

Слендеръ. Лучше быть невѣжливымъ, чѣмъ несноснымъ. Вы сами наносите себѣ оскорблѣніе, истинно такъ.

(Весь уходитъ.)

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Входитъ: Сэръ Гугъ Эвансъ и Семпль.

Эвансъ. Ступайте и узнайте дорогу къ дому доктора Кайюса; у него живетъ мистрисъ Куикли; она что-то въ родѣ его кормилицы, или сидѣлки, или кухарки, или прачки, или швеи.

Семпль. Исполню, сэръ.

Эвансъ. Еще лучше. Отдайте ей это письмо, потому что эта женщина давно знаетъ мистрисъ Анну Пэджъ. Въ этомъ письмѣ эту женщину просятъ помочь вашему господину, который сватается къ мистрисъ Аннѣ Пэджъ Поторопитесь; я же пойду кончать обѣдъ; надо еще попробовать яблокъ и сыра.

(Оба уходятъ.)

СЦЕНА III.

Комната въ гостиннице «Подвязка».

Входитъ: Фальстафъ, Хозяинъ гостиницы, Бардольфъ, Нимъ, Пистоль и Робень.

Фальстафъ. Мой хозяинъ «Подвязки».

Хозяинъ. Что скажетъ мой неисправимый задира? Говори мудро и учено.

Фальстафъ. Видѣшь-ли, хозяинъ, мнѣ надо отпустить кое-кого изъ моей свиты.

Хозяинъ. Отпуская, буйный Геркулесъ: гони ихъ. Пусть убираются — рысью, рысью.

Фальстафъ. Я трачу по десяти фунтовъ въ недѣлю.

Хозяинъ. Ты императоръ, цезарь или кесарь! Я возму къ себѣ на службу Бардольфа; пусть пѣдитъ и разливаетъ у меня вино. По нраву-ли тебѣ это предложеніе, буйный Гекторъ?

Фальстафъ. Исполню это, мой добрый хозяинъ.

Хозяинъ. Я сказалъ и будетъ сдѣлано. Пусть идетъ за мною. *(Бардольфъ.)* Посмотрю, какъ-то ты съумѣешь справляться съ виномъ. Что я сказалъ, отъ того не отступлюсь. Слѣдуй за мною.

(Хозяинъ уходитъ.)

Фальстафъ. Бардольфъ, слѣдуй за нимъ; обязанность поднощикъ очень не дурная. Изъ старого плаща выйдетъ новый камзолъ. Понощенный слуга — свѣжий поднощикъ. Иди, прощай!

Бардольфъ. Я давно желалъ такого мѣста; теперь я разбогатѣю.

(Бардольфъ уходитъ.)

Пистоль. О, подлый цыганъ! захотѣлось ему вертѣть кранъ.

Нимъ. Его зачали во хмѣлю. Не дурно сказано, не правда-ли? У него душа не геройская — вотъ и разгадка.

Фальстафъ. Я очень радъ, что отдѣлся отъ этой трутницы. Онъ воровалъ ужъ слиш-

комъ открыто; въ своемъ воровствѣ онъ, какъ плохой пѣвецъ, не зналъ мѣры и такта.

Нимъ. Истинный талантъ воруетъ съ паузами.

Пистоль. «Воруетъ». Фи! какое глупое выраженіе. Ловкие люди говорятъ: «перемѣщается».

Фальстафъ. Но вотъ что, господа, я остался почти безъ сапогъ.

Пистоль. Берегись отморозить ноги.

Фальстафъ. Тутъ по-неволѣ надо пуститься на хитрости, приняться за надувательную систему.

Пистоль. Надо же и воронятамъ имѣть пищу.

Фальстафъ. Кто изъ васъ знаетъ здѣсь Форда?

Пистоль. Я его знаю; онъ зажиточный.

Фальстафъ. Мои честные ребята, я хочу сказать, что во мнѣ...

Пистоль. Больѣ двухъ ярдовъ.

Фальстафъ. Оставь твои шутки, Пистоль! Конечно, въ обхватъ во мнѣ будетъ не менѣе двухъ ярдовъ, но теперь не время толковать объ убавкѣ, когда надо думать о прибавкѣ. Дѣло въ томъ, что я намѣренъ завести любовную интрижку съ женой Форда; кажется, она расположена ко мнѣ. Она сама заигрываетъ со мною, строить мнѣ глазки, всегда до крайности любезна. Я хорошо понимаю безмолвный любовный языкъ. Толкуя даже въ самомъ неблагопріятномъ смыслѣ ея образъ дѣйствія со мною, при переводѣ ея безмолвныхъ фразъ на чистый англійскій языкъ выйдетъ: «я готова отаться сэръ Джону Фальстафу».

Пистоль. Онъ изучилъ ея мысли и перевѣль ея мысли съ языка непорочности на англійскій.

Нимъ. Якорь заброшенъ очень глубоко. Не дурно сказано?

Фальстафъ. Ходитъ слухъ, что она хозяйничаетъ кошелькомъ мужа; такимъ образомъ въ ея распоряженіи цѣлый легіонъ серебрянныхъ ангеловъ *).

Пистоль. Возьми себѣ на помощь легіонъ дьяволовъ и я скажу тебѣ: «иди на нее, парень!»

Нимъ. Дѣло пошло на остроты! Очень хорошо! Приголубьте и меня ангелами.

Фальстафъ. Я написалъ къ ней вотъ это письмо; а другое къ женѣ Пэджа, которая тоже недавно очень нѣжно посматривала на меня и чрезвычайно тщательно осматривала мою фигуру. Лучъ ея взгляда золотилъ то мою ногу, то мое величественное брюхо.

Пистоль. Слѣдовательно, солнце блистало на навозной кучѣ.

Нимъ. Спасибо за эту остроту.

Фальстафъ. О! она осматривала мои формы съ такимъ жаднымъ вниманіемъ, что вождѣніе ея взгляда жгло меня, точно зажигательное стекло. Вотъ это письмо къ ней. Въ ея рукахъ тоже кошелекъ мужа. Она истинная Гвіана, полна золота и щедрости. Я буду кассиромъ обѣихъ женъ, а онъ моимъ казначействомъ. Онъ будутъ моими Индіями, восточной и западной; я заведу торговлю съ обѣими. Ты отнеси это письмо къ м-су Пэджу, а ты къ м-су Форду. Настанетъ для насть пора благоденствія, мои дѣти, заживемъ мы, припѣвающи.

Пистоль.

И, значитъ я, носящий на бедрѣ Булатный мечъ, Пандоромъ Трои стану? Нѣтъ! лучше пусть возьметъ насъ Люциферъ!

***)** Во времена Шекспира въ Англіи чеканилась серебрянная монета съ изображеніемъ ангеловъ.

Нимъ. Я вовсе не желаю участвовать въ гнусной интригѣ; возьми назадъ твое смѣхоторное письмо. Я не хочу, чтобы легло пятно на мою репутацию.

Фальстафъ (Робену).

Неси же ты, мальчишка, эти письма
Проворнѣе; несись, какъ мой корабль,
Къ тѣмъ золотымъ странамъ.—А вы, мерзавцы,
Вонъ! къ чорту всѣ! Исчезните, какъ градъ!
Не вѣдайте покоя, пресмыкайтесь,
Пристанища ищите, безпрестанно
Взадъ и впередъ мечитесь! Вонъ сейчасъ!
Фальстафъ духъ времени усвоитъ—и отлично
Одинъ съ своимъ пажемъ онъ заживеть практично.

(Фальстафъ и Робенъ уходятъ.)

Пистоль.

Пусть коршуны кишки твои растреплютъ!
Не мало, братъ, костей фальшивыхъ есть,
Чтобы надувать и богачей и бѣдныхъ;
И въ тѣ поры, когда ты будешь нищъ,
Фригийскій турокъ гнусный,—будетъ туда
Мой кошелекъ монетами набитъ.

Нимъ. У меня явилась мысль; мы ловко
отомстимъ ему.

Пистоль.

Ты хочешь мстить?

Нимъ.

Хочу—клянуся небомъ
И звѣздами его!

Пистоль.

А чѣмъ? мечемъ
Иль хитростью?

Нимъ.

И тѣмъ, и этимъ. Пэджу
Я разскажу про замыслы его.

Пистоль.

А я пойду и Форду все открою,
Что гнусный плутъ Фальстафъ намѣренъ тоже
Голубку взять его и завладѣть казною,
И смять его супружеское ложе.

Нимъ. Желаніе остроумно отомстить ему
во мнѣ не ослабѣтъ. Я уговорю Пэджа под-
сыпать ему ядъ; я вгоню его въ желтуху;
разрываютъ такій мины будеть ужасенъ. Вотъ
какъ я намѣренъ дѣйствовать.

Пистоль. Ты — Марсъ недовольныхъ. Я
следую за тобою. Впередъ.

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ доктора Кайоса.

Входитъ: Мистрисъ Куикли, Семпль и Регби.

Куикли. Слушай, Джонъ Регби! Прошу тебя, встань у надворного окна и смотри, пока не застелетъ глазъ, не возвращается ли мой хозяинъ, докторъ Кайосъ. Честное слово, если онъ вернется и застанетъ здѣсь кого-нибудь, онъ снова злоупотребитъ долготерпѣніемъ Господа и англійского короля.

Регби. Буду сторожить.

Куикли. Иди; а за это я угощу тебя вечеромъ кипяченымъ молокомъ. (Регби уходитъ.) Честный, вѣжливый и услужливый малый; такой слуга, какого можно только пожелать, не сплетникъ, и не задора; его главный недостатокъ, что онъ слишкомъ богомолентъ; въ этомъ отношеніи онъ упрямъ; но каждый имѣетъ свои недостатки... Будетъ обѣ этомъ... Такъ вы говорите, что васъ зовутъ Питеръ Семпль?

Семпль. Да, за неимѣніемъ лучшаго.

Куикли. И вы служите у мра Слендера?

Семпль. У него самаго.

Куикли. Не большая-ли у него борода, за-
кругленная точно ножъ перчаточника?

Семпль. Ну, нѣтъ; у него ~~меньше~~ большое лицо
съ маленькой желтоватой бородкой, камышевато-
го цвета.

Куикли. Кажись, онъ смиренный человѣкъ?

Семпль. Смиренъ-то онъ смиренъ, но рука
у него не легкая и кулакомъ онъ работаетъ
не хуже другихъ. Разъ онъ подрался съ смо-
трителемъ надъ кроликами.

Куикли. Что вы говорите! Да, теперь я
припоминаю его. Онъ вѣчно ходитъ гоголемъ,
задравши носъ къ верху. Не такъ-ли?

Семпль. Именно такъ.

Куикли. Въ такомъ случаѣ, да не пошлетъ
небо Аннѣ Пэджъ еще худшей партіи! Пе-
редайте г. пастору Эвансу, что я постараюсь
сдѣлать все, что могу для вашего хозяина.
Анна хорошая дѣвушка и я желаю...

Входитъ Регби.

Регби. Спасайтесь. Идетъ хозяинъ.

Куикли. Всѣмъ намъ не сдѣбовать! Добрый
молодой человѣкъ, спрячьтесь въ этотъ ка-
бинетъ. (Втакиваетъ Семпля въ кабинетъ
доктора.) Онъ долго не засидится. Джонъ
Регби! Джонъ! Да гдѣ же ты? Поди сюда.
Узнай, не случилось-ли чего-нибудь съ хо-
зяиномъ? Онъ что-то долго не идетъ, ужъ
не заболѣлъ ли дорогой. (Наппываетъ:)

Тамъ внизу, внизу низехонъко...

Входитъ докторъ Кайосъ.

Кайосъ. Что вы тутъ поете? Не люблю я
этой визготни. Принесите мнѣ изъ моего, ка-
бинета un boitier verd, т. е. зеленый ящикъ.
Понимаете, что я говорю? зеленый ящикъ.

Куикли. Еще бы не понять; сейчасъ при-
несу. (Въ сторону.) Очень рада, что онъ не
идетъ туда самъ; если онъ найдетъ тамъ мо-
лодого человѣка, то станетъ бодаться точно
бѣшеный.

Кайосъ. Fe, fe, fe! ma foi, il fait fort chaud.
Je m'en vais à la cour — la grande affaire.

Куикли. Этотъ ящикъ, сэръ?

Кайосъ. Оу; mette le au ton карманъ; de-
peche, проворнѣе. А гдѣ этотъ негодяй Регби?

Куикли. Эй! Джонъ Регби! Джонъ!

Регби. Я здѣсь, сэръ,

Кайосъ. Вы Джонъ Регби, вы и болванъ
Регби. Берите свою рапибу и маршъ за мной
ко двору.

Регби. Рапира готова, сэръ, она въ сѣ-
няхъ.

Кайосъ. Честное слово, я страшно замѣш-
кался. Чортъ возьми! Qu'au j'oublié? Въ ка-
бинетѣ у меня есть лѣкарства, безъ которыхъ
ни за что на свѣтѣ я не желалъ бы уходить.

(Идетъ въ кабинетъ.)

Куикли. Горе намъ! Онъ найдетъ тамъ мо-
лодого человѣка и взбѣсится.

Кайосъ. O, diable, diable! Кто это забрался
въ мой кабинетъ? Разбойникъ! larron! (Вы-
такиваетъ Семпля.) Регби! мою рапибу!

Куикли. Добрый хозяинъ, успокойтесь!

Кайосъ. Съ какой стати я долженъ успоко-
иться?

Куикли. Этотъ молодой человѣкъ—честный
человѣкъ.

Кайосъ. А зачѣмъ пожаловалъ честный че-
ловѣкъ въ мой кабинетъ? Ни одинъ честный
человѣкъ такимъ образомъ не входилъ въ
мой кабинетъ.

Куикли. Умоляю васъ, не будьте такъ флег-
матичны; высушайте всю правду. Его при-
слали ко мнѣ пасторъ Эвансъ.

Кайосъ. Ну...

Семпль. Да, чтобы просить ее...

Куикли. Прошу васъ, молчите!

Кайосъ. Лучше вы попридержите вашъ
языкъ. (Семплю.) Разсказывайте.

Семпль. Просить эту честную даму, вашу
служанку, замолвить добро словечко мистрисъ
Аннѣ Пэджъ за моего господина, который
желаетъ на ней жениться.

Куикли. Вотъ и вся правда! Но я не положу

моего пальца въ огонь, ибо въ этомъ нѣтъ
надобности.

Кайосъ. Васъ послалъ сэръ Гугъ?.. Регби,
baillez мнѣ бумаги. (Семплю.) А вы, подож-
дите немножко. (Шипетъ.)

Куикли (тихо, Семплю). Очень рада, что онъ
спокойнѣ; если бы онъ вышелъ изъ себя, онъ
разорался бы и вы наслушались бы его ме-
ланхоліи. Но какъ бы тамъ ни было, мой
другъ, я сдѣлаю для вашего хозяина все, что
могу; дѣло-то въ томъ, что французскій док-
торъ—мой хозяинъ... Видите-ли, я могу назы-
вать его своимъ хозяиномъ, потому что я за-
правляю его домомъ; я стираю, гляжу, варю,
пеку, чищу, стряпаю кушанье и питье, при-
готавлю ему постель; однимъ словомъ, все
это дѣлаю я одна.

Семпль. Ну, для рукъ одной персоны это
слишкомъ большая работа.

Куикли. Вы думаете? Да, работы не мало;
главное, надо вставать рано и ложиться позд-
но. Но какъ бы тамъ ни было—скажу вамъ
на ухо, только никому ни гу-гу—мой хозяинъ
тоже влюбленъ въ мистрисъ Анну Пэджъ.
Но въ этомъ нѣтъ бѣды! Чувства Анны мнѣ
хорошо известны: она не желаетъ ни того,
ни другого.

Кайосъ. Вы, образина, передайте это пись-
мо сэру Гугу. Это, чортъ возьми, вызовъ на
дуэль. Я перерѣжу ему горло въ паркѣ; я
проучу этого бездѣльника пастора, всюду
сующаго носъ и желающаго подслужиться...
Можете идти, вамъ нечего здѣсь дѣлать.
Чортъ побери! Я сдѣлаю его кастратомъ.
Чортъ возьми, отъ него не останется ни од-
ной косточки для его собаки.

(Семпль уходитъ.)

Куикли. Увы! Онъ хлопоталъ за одного изъ
своихъ друзей.

Кайосъ. Мнѣ какая нужда! Развѣ не гово-
рили вы мнѣ, что Анна Пэджъ будетъ мою.
Чортъ возьми, я хочу убить этого бездѣль-
ника пастора! Мѣрять наши шпаги будетъ,
по моему выбору, хозяинъ гостиницы de
Jarterre. Чортъ возьми! я желаю обладать
Анной Пэджъ.

Куикли. Сэръ, дѣвушка любить васъ и все
пойдетъ хорошо. Пусть люди болтаютъ, что
хотятъ, намъ плевать на эти толки.

Кайосъ. Регби, слѣдуй за мной ко двору...
Если Анна Пэджъ не будетъ мою, я выши-
вырунъ васъ за дверь... Регби, не отставать
отъ меня.

(Кайосъ и Регби уходятъ.)

Куикли. Дожидайся! Достанутся тебѣ осли-
ные уши и ничего болѣе. Я знаю мысли Анны
на твой счетъ; ни одна женщина въ Винд-
зорѣ не знаетъ мыслей Анны лучше, чѣмъ я;
благодаря Бога, ни одна не имѣеть такого
вліянія на нее, какъ я.

Фентонъ (за сценой). Кто тутъ есть?

Куикли. Кто тамъ? Прошу васъ, войдите.

Входитъ Фентонъ.

Фентонъ. Какъ поживаешь, добрая жен-
щина?

Куикли. Хорошо; еще лучше потому, что
ваша милость спрашиваете меня обѣ этомъ.

Фентонъ. Что новаго? Какъ здоровье мис-
трисъ Анны?

Куикли. Что правда то правда, сэръ, она
прекрасна, и добродѣтельна, и кротка, и могу
кстати сказать, она, благодаря Бога, изъ ва-
шихъ друзей.

Фентонъ. Какъ думаешь, достигну я цѣли?
Труды мои даромъ не пропадутъ?

Куикли. Все въ рукахъ Всевышняго, сэръ;
но я готова поклясться на библії, м-ръ Фен-
тонъ, что она любить васъ. Есть у вашей
милости бородавка надъ глазомъ?

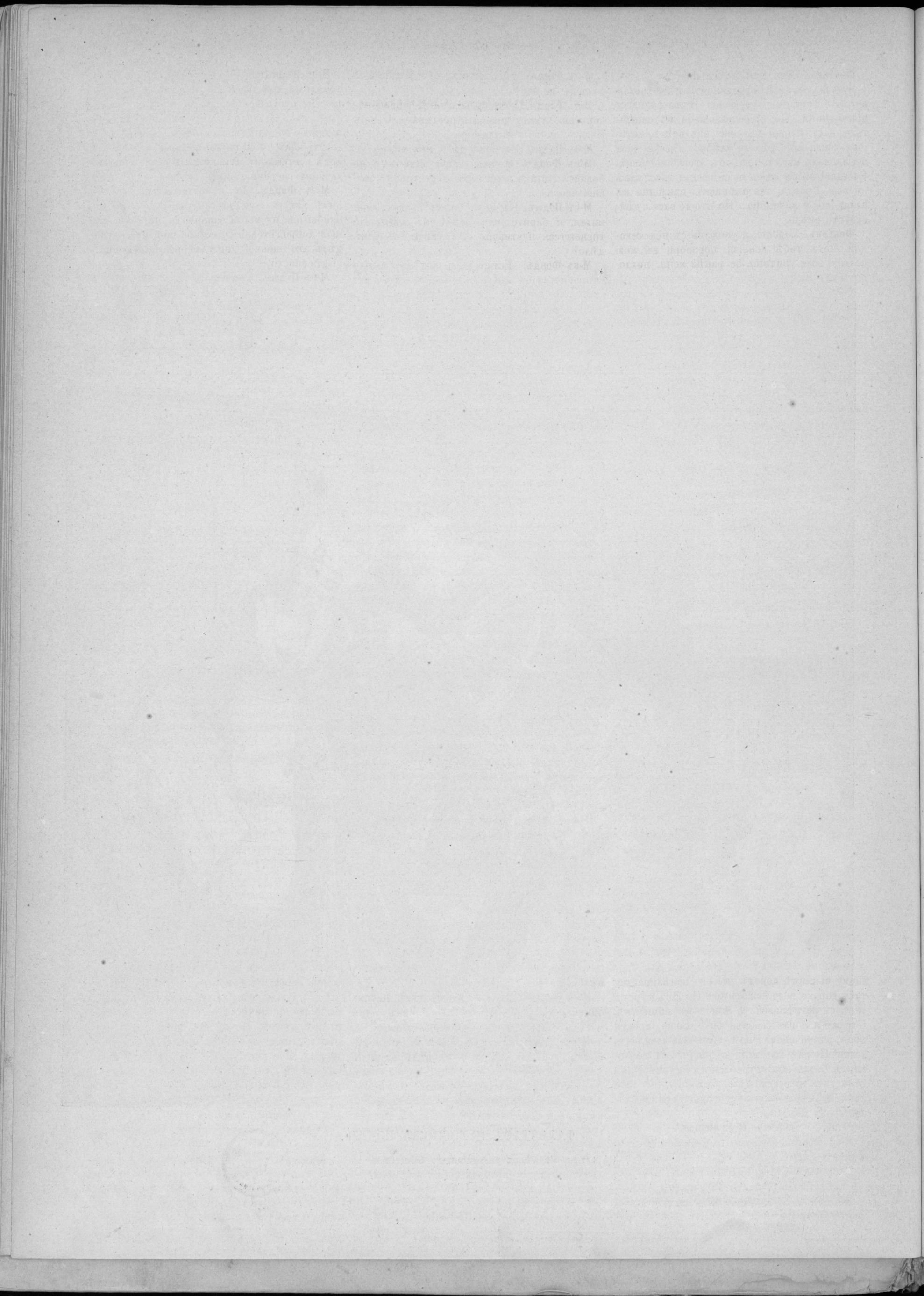
РИСУНОКЪ Е. ГРЮЦНЕРА.

ФАЛЬСТАФЪ И ГОСПОЖА ПЭДЖЪ.

Съ фотографіи «Фотографического Общества» въ Берлинѣ.

Фентонъ. Есть. Что же дальше?

Куинли. Съ этой бородавкой связана цѣлая исторія. Танти нечего, наша Нюта большая причудница... Но, призываю небо въ свидѣтели, честнѣйшая дѣвушка изъ всѣхъ, которыхъ когда-либо рѣзали хлѣбъ... Болѣе часа бесѣдовали мы съ нею обѣ этой бородавкѣ. Веселая! ни съ кѣмъ не смѣюсь я такъ, какъ съ нею. Правда, она слишкомъ наклонна къ алликолам и мечтанію... Но что до васъ... дѣствуйте смѣло.

Фентонъ. Хорошо, я увижу съ нею сегодня. Вотъ тебѣ деньги; поговори въ мою пользу; если увидишь ее ранѣе меня, похлопчи обо мнѣ.

Куинли. Разумѣется, похлопочу. Мы свое дѣло знаемъ. Въ будущій разъ, когда увижу съ вами, я расскажу вамъ побольше о бородавкѣ, а также и о другихъ взыхателяхъ.

Фентонъ. Хорошо, прощай! Мнѣ надо идти.

Куинли. Прощайте, ваша милость. (Фентонъ уходитъ.) Правду сказать, честнѣйший джентльменъ. Но Анна не любить его; никто лучше меня не знаетъ мыслей Анны... Какъ же это я забыла обѣ этомъ. (Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Передъ домомъ Пэджъ.

Входитъ **М-съ Пэджъ**, съ письмомъ.

М-съ Пэджъ. Какъ вамъ покажется! Въ самыѣ праздничные дни моей красоты меня не преслѣдовали любовными письмами и вдругъ теперь я получаю такое письмо. Прочту. (Читаетъ.) «Не спрашивайте, почему я вѣсь люблю: если иногда любовь и дѣлаетъ разсудокъ своимъ докторомъ, то никогда не обращается къ нему за совѣтами. Вы не очень молоды и я не юнъ, вотъ и симпатія между нами. Вы любите повеселиться, я тоже; ха, ха! вотъ еще симпатія. Вы любите вино и я не прочь выпить; можете-ли вы желать большей симпатіи. Будь же довольна, мистрисъ Пэджъ (если только ты можешь удовольствоваться любовью солдата), что я полюбилъ тебя. Я не скажу: пожалѣй меня,— это не солдатская рѣчь,— а говорю тебѣ: полюби меня!

Вѣчный рыцарь твой,
И днемъ, и ночью порой,
И во всякой чѣстной борьбѣ
За тебя готовый въ бой,

Джонъ Фальстафъ».

Каковъ Иродъ іудейскій! Какова нынче испорченность свѣта! Какъ свѣтъ-то испорченъ! Человѣкъ истрепался отъ старости, а корчитъ изъ себя молодого любезника! Чортъ бы его побралъ! Развѣ какою-нибудь легкостью въ обращеніи я подала этому фланандскому пьяницѣ поводъ, что онъ осмѣливается такъ дерзко подѣбжать ко мнѣ? Онъ и трехъ разъ не встрѣчался со мною въ обществѣ. Что же я могла сказать ему? Боже, прости меня, въ то время я не сдерживала моей веселости! Почему бы мнѣ не внести въ парламентъ билль обѣ истребленіи мужчинъ! Какъ отомстить мнѣ ему? Что я отомщу ему, это такъ же вѣрно, какъ то, что его кипки сдѣланы изъ колбасы.

Входитъ **М-съ Фордъ**.

М-съ Фордъ. Честное слово, м-съ Пэджъ, я шла къ вамъ.

М-съ Пэджъ. И я, честное слово, тоже шла къ вамъ. Вы выглядите не хорошо.

М-съ Фордъ. Не вѣрю этому; я могу доказать противное.

М-съ Пэджъ. Какъ хотите, на мой взглядъ, вамъ не по себѣ.

М-съ Фордъ. Пусть будетъ такъ. Однакожъ, повторяю, я могу доказать противное. О, м-съ Пэджъ, дайте мнѣ совсѣмъ.

М-съ Пэджъ. Въ чѣмъ дѣло, моя милая.

М-съ Фордъ. О, моя милая, еслибы я не боялась пустяка, я могла бы достигнуть большей чести.

М-съ Пэджъ. Къ чорту этотъ пустякъ, моя милая, и берите честь! Въ чѣмъ дѣло? Не тревожитесь пустяками и скажите, въ чѣмъ дѣло?

М-съ Фордъ. Еслибы я захотѣла только отправиться въ адъ на одну или двѣ минуты вѣчности, я могла бы удостоиться за это рыцарскаго званія.

М-съ Пэджъ. Вотъ вздоръ! Ты лжешь!.. Сэръ Алиса Фордъ!.. Не слишкомъ-ли понизится тогда рыцарство. Вѣрь мнѣ, ты поступишь лучше, не мѣняя своего званія.

М-съ Фордъ. Мы жжемъ по-пусту дневной свѣтъ... Возьми, прочти, прочти... и ты узнаешь, какимъ образомъ я могла бы пріобрѣсти рыцарское званіе. (Отдаетъ ей письмо.) До тѣхъ поръ, пока мои глаза будутъ въ состояніи различить одного мужчину отъ другого, я буду самаго дурного мнѣнія о толстякахъ. И между тѣмъ этотъ толстякъ не ругался, восхваляя скромность у женщинъ и такъ разсудительно и здраво порицая всякое не-приличие, что я могла поклясться, что у него тоже на умѣ, что и на языкѣ; но его слова и мысли такъ же согласуются между собою, какъ сотовый псаломъ съ пѣсней о зеленыхъ рукавчикахъ *). Страшила тебя, какая буря выкинула на виндзорскій берегъ этого кита, въ брюхѣ у котораго столько бочекъ сала? Какъ отомстить ему? Мнѣ кажется, лучшимъ средствомъ будетъ тѣшить его надеждой до тѣхъ поръ, пока онъ не растопится въ своемъ собственномъ жирѣ подъ подъемъ огнемъ похотлиности. Слыхали вы о чѣмъ-нибудь подобномъ?

М-съ Пэджъ. Оба письма буква въ букву одинаковы, разница только въ именахъ—въ одномъ Фордъ, въ другомъ Пэджъ. Тайну твоей дурной репутаціи лучше всего разъяснить вотъ этотъ близнецъ твоего письма; но пусть твое воспользуется наслѣдствомъ, потому что мое, ручаюсь, отказывается отъ этой чести. Я увѣрена, что у него, покрайней мѣрѣ, тысяча такихъ писемъ; онъ писалъ ихъ, оставляя пробѣлы для вписыванія, по мѣрѣ надобности, различныхъ именъ. Напиши—второе изданіе. Разумѣется, онъ тиснетъ ихъ въ печати, потому что ему рѣшительно все равно, что ни тискать, если онъ рѣшается взять обѣихъ насъ въ тиски. Я бы скорѣе согласилась быть великанишей и лежать подъ горой Пелюномъ. Гораздо легче найдти двадцать развратныхъ голубокъ, чѣмъ одного цѣломудренаго мужчину.

М-съ Фордъ. Да, въ самомъ дѣлѣ письма одинаковы: одинъ и тотъ же почеркъ, одни и тѣ же слова. Что думаетъ онъ о насъ?

М-съ Пэджъ. Право, не знаю. У меня является желаніе отыскать прорѣхи въ моей честности. Я готова смотрѣть на себя, какъ на человѣка, мнѣ незнакомаго. Навѣрно, еслибы онъ не примѣтилъ во мнѣ слабости, которой я сама не замѣчала въ себѣ, онъ никогда не рѣшился бы на такой безумный абордажъ.

М-съ Фордъ. Вы говорите: абордажъ? Я увѣрена, ему не взобраться на мою палубу.

*) «Пѣсня о зеленыхъ рукавчикахъ» — баллада, очень популярная въ то время въ Англіи.

М-съ Пэджъ. И я тоже. Если бы онъ проѣхался въ мои луки, послѣ этого я никогда уже не пустылась бы въ море. Надо отомстить ему. Назначимъ ему свиданіе; дадимъ надежду на успѣхъ и станемъ ловко водить его за носъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ вынужденъ заложить своихъ лошадей хозяину гостиницы «Подвязка».

М-съ Фордъ. Да, я согласна сыграть съ нимъ самую злую шутку, но съ условіемъ, чтобы она не могла запачкать чистоты нашей добродѣтели. О, еслибы мой мужъ увидѣлъ это письмо! Оно дало бы вѣчную пищу его ревности!

М-съ Пэджъ. Смотри, вотъ и онъ; и мой добраякъ съ нимъ; но мой столько же далекъ отъ ревности, сколько я отъ всего, что могло бы возбудить ее; разстояніе, надѣюсь, неизмѣримое.

М-съ Фордъ. Въ этомъ отношеніи вы счастливѣе меня.

М-съ Пэджъ. Сговоримся, какъ дѣйствовать противъ этого жирнаго рыцаря. Пойдемъ сюда.

(Отходятъ въ сторону.)

Входитъ: **Фордъ, разговариваая съ Пистолемъ; Пэджъ, разговариваая съ Нимомъ.**

Фордъ. Надѣюсь, тутъ нѣть ничего серьезнаго.

Пистоль.

Въ пыль вещахъ надежда пѣсть безхвостый.
Сэръ Джонъ Фальстафъ прельщенъ твоей женой.

Фордъ. Ба! Моя жена не такъ ужъ молода.

Пистоль.

Волочится онъ за простой и знатной,
За бѣдной и богатой, молодой
И старою—за всѣми безъ разбора.
Охотникъ онъ до виннрета, Фордъ,
Фордъ, берегись!

Фордъ.

Мою жену онъ любить?

Пистоль.

Всей печенью, горящей, какъ огонь.
Предупреди, пль будешь ты украшень,
Какъ Актеонъ, затравленный въ лѣсу
Собаками. О, паскильное слово!

Фордъ. Какое слово, сэръ?

Пистоль.

Да слово рогъ. Прощай. Смотри: не спи,
Не забывай, что воры ходятъ почью;
Смотри, пока къ намъ лѣто не пришло,
Пока еще кукушка не запѣла.
Идемъ, капралъ сэръ Нимъ. Вѣрь, Пэджъ, ему—
Онъ говоритъ умно и справедливо.

(Уходитъ.)

Фордъ (въ сторону). Буду терпѣливъ; надо выяснить все это.

Нимъ (Пэджу). И я скажу вамъ одну правду. Ложь не въ моихъ привычкахъ. Нѣкоторымъ образомъ онъ оскорбилъ меня. Пожалуй, я могъ бы отнести его кудреватое письмо къ вашей женѣ, но я ношу мечъ, который въ случаѣ нужды можетъ укусить. Безъ дальнѣйшихъ околичностей скажу: онъ влюбился въ вашу жену. Не даромъ меня зовутъ капралъ Нимъ; я говорю и утверждаю одну правду. Мое имя Нимъ, а Фальстафъ любить вашу жену. Adieu! Не въ моихъ привычкахъ довольствоваться хлѣбомъ и сыромъ. Adieu.

Пэджъ (въ сторону). Его привычки! Нечего сказать, жеманный малый?

Фордъ (въ сторону). Надо наблюдать за Фальстафомъ.

Пэджъ (въ сторону). Никогда не приходилось мнѣ встрѣчаться съ такимъ болтливымъ и жеманнымъ негодяемъ.

Фордъ (въ сторону). Если я открою что-нибудь, я ему покажу себя!

Пэджъ (в сторону). Не поверью я подобному китайцу, если бы даже наш городской священник рекомендовал его с самой лучшей стороны.

Фордъ (в сторону). Онъ добрый, чувствительный малый. Хорошо!

Пэджъ (жест, который подходит к нему). А, это вы, Мэгъ.

М-съ Пэджъ. Куда вы идёте, Джорджъ. Прослушайте.

М-съ Фордъ (подходя къ мужу). Отчего, мой милый Франкъ, ты такъ задумчивъ?

Фордъ. Задумчивъ? Я? Я вовсе не задумчивъ. Идите-ка лучше домой.

М-съ Фордъ. У тебя что-нибудь засѣло въ головѣ. Идемте, м-съ Пэджъ.

М-съ Пэджъ. Я въ вашемъ распоряженіи. Вы придетѣ къ обѣду, Джорджъ. (*Тихо м-съ Фордъ.*) Посмотрите, кто идетъ сюда; кто лучше ея можетъ исполнить наше порученіе къ этому негодному рыцарю.

М-съ Фордъ (также тихо). Честное слово, я тоже самое подумала о ней; она все устроитъ отлично.

Входитъ М-съ Куикли.

М-съ Пэджъ. Вы пришли къ моей дочери Аннѣ?

М-съ Куикли. Къ ней. Прошу васъ, скажите, какъ здоровье милой мистрись Анны?

М-съ Пэджъ. Идемте съ нами и вы увидите ее. Въ нашемъ распоряженіи цѣлый часъ для разговора.

(*Уходятъ: м-съ Пэджъ, м-съ Фордъ и м-съ Куикли.*)

Пэджъ. Что скажете, м-ръ Фордъ?

Фордъ. Слышали, что этотъ негодяй передалъ мнѣ?

Пэджъ. Да. Вы тоже слышали, что другой сообщилъ имъ.

Фордъ. Вѣрите вы имъ?

Пэджъ. Висѣльники они, вотъ что! Не думаю, чтобы рыцарь былъ способенъ на это. Не забывайте, что эти люди, обвиняющіе его въ неблаговидныхъ замыслахъ на нашихъ женъ, находились у него на службѣ и прогнали имъ. Потерявъ мѣсто, они пустились на всякія мошенничества.

Фордъ. Развѣ они служили у него?

Пэджъ. Конечно, служили.

Фордъ. Это еще меня не разувѣряетъ. Онъ живеть въ гостиннице «Подвязка»?

Пэджъ. Тамъ. Если онъ вздумаетъ примазываться къ моей женѣ, я самъ натравлю ее на него и, отвѣчаю моей головой, онъ ничего не добьется отъ нея, кромѣ ругани.

Фордъ. Я тоже не сомнѣваюсь въ моей женѣ, но не желалъ бы подвергать ее испытанию. Не слѣдуетъ быть слишкомъ довѣрчивымъ. Я не хочу отвѣтчать своей головой; какое же это удовлетвореніе?

Пэджъ. А вотъ идетъ хозяинъ «Подвязки» и орѣтъ во всю мочь. У него или водка въ башкѣ или деньги въ карманѣ. Какъ поживаете хозяинъ?

Входитъ: Хозяинъ гостиницы и Шалло.

Хозяинъ (къ Шалло). Какъ можешь-живешь, задирали? Ты, джентльменъ, cavalero-судья, иди же!

Шалло. Иду за тобой, хозяинъ, иду за тобой. Двадцать разъ здравствуйте, мой добрый м-ръ Пэджъ! Хотите идти съ нами, м-ръ Пэджъ. Намъ предстоитъ добрая потѣха.

Хозяинъ. Разскажи ему, cavalero-судья, рассказки ему, задирало.

Шалло. Сэръ, предстоитъ дуэль между сэромъ Гугомъ Эвансомъ, валійскимъ пасторомъ, и Кайюсомъ, французскимъ докторомъ.

Фордъ. На пару словъ, почтеннѣйший хозяинъ «Подвязки».

Хозяинъ. Что скажешь, задирало?

(*Отходя въ сторону.*)

Шалло (*Пэджу*). Не пойдете-ли и вы съ нами посмотреть интересную штуку? Нашего шутника хозяина просили вымѣрять оружіе противниковъ; а онъ, сдается мнѣ, назначилъ каждому изъ нихъ различное мѣсто свиданія; потому что, даю слово, пасторъ не любить шутить. Послушайте-ка, я разскажу вамъ, что мы придумали для потѣхи.

Хозяинъ (*Форду*). Нѣть-ли у тебя какой-нибудь претензіи къ моему постоянству, благородному рыцарю?

Фордъ. Увѣряю васъ, никакой, но я вамъ предложу бутыль доброго вина, если вы познакомите меня съ нимъ, сказавъ, что меня зовутъ Брукъ; это только ради шутки.

Хозяинъ. Вотъ тебѣ моя рука, буяны! Ты будешь имѣть и входъ и выходъ;—не дурно сказано?—и я стану звать тебя Брукъ О, онъ веселый парен! Ну, идемте, господа.

Шалло. Я съ вами, хозяинъ.

Пэджъ. Минь говорили, что французъ ловко действуетъ своей рапирой.

Шалло. Если-бы мы встрѣтились съ вами въ былое время, сэръ, я бы показалъ вамъ и не такія штуки. Теперь для васъ имѣютъ важность дистанціи, пассады, эстокады и не знаю еще что такое. Сердце, м-ръ Пэджъ, все въ сердцѣ. Въ былое время моимъ длиннымъ мечемъ я могъ разогнать, какъ крысы, четырехъ такихъ здоровяковъ, какъ вы.

Хозяинъ. Двигаемтесь, братцы, двигаемтесь, пора!

Пэджъ. И я съ вами. Конечно, лучше бы послушать, какъ они бранятся между собой, чѣмъ присутствовать при ихъ дракѣ.

(*Пэджъ, Шалло и Хозяинъ уходятъ.*)

Фордъ. Пэджъ желаетъ лучше оставаться безпечными глупцомъ—это его дѣло. Онъ слѣпо довѣряетъ твердости своей жены, но я не могу такъ легко смотрѣть на вещи. Я знаю, что жена видѣлась съ нимъ въ домѣ Пэджа, но что они дѣлали тамъ—я не знаю. Надо выяснить это; переодѣтый, я выпытываю все у Фальстафа. Если добродѣтель ея не тронута—я все-таки не потеряю даромъ времени; если же случилось иное—тѣмъ болѣе моя попытка принесетъ пользу.

СЦЕНА II.

Комната въ гостинице «Подвязка».

Входитъ: Фальстафъ и Пистоль.

Фальстафъ. Не получишь ни гроша.

Пистоль.

Ну, такъ міръ

Минъ устрицею будетъ, и я вскрою

Ее своимъ мечемъ.

Фальстафъ. Не дамъ ни гроша. Не разъ уже я давалъ вамъ, сэръ, позволеніе закладывать мой кредитъ; я вырвалъ у моихъ лучшихъ друзей три отсрочки для васъ и неразлучного съ вами Нима; не сдѣлай я этого, вы сидѣли бы теперь за рѣшеткой и гrimasничали бы подобно обезьянамъ. Я предалъ себя на адскія муки, поклявшись моимъ друзьямъ, джентльменамъ, что вы хорошие солдаты и люди съ сердцемъ; когда же м-съ Бриджитъ потеряла рукоятку своего вѣра, я поручился своей честью, что не ты воспользовался потерянной вещью.

Пистоль. Развѣ я не подѣлился съ тобою? Ты получилъ пятнадцать пенсовъ.

Фальстафъ. Онъ еще разсуждаетъ, негодяй. Не думаешь-ли ты, что я могу рисковать своей душою, gratis? Нечего болтать по пустому, будетъ тебѣ висѣть на моей шѣ; я для тебя не висѣлица. Убирайся! Короткій

ножъ и густая толпа—вотъ что тебѣ нужно Убирайся въ твой замокъ Петчъ *). Вы не хотѣли снести для меня письма, негодный. Видите-ли! Честь вамъ этого не дозволяла. Низкій плутъ! Но вѣдь я самъ съ трудомъ могу держаться въ границахъ моей чести! Я самъ иногда, оставляя въ сторонѣ страхъ Божій и прикрывая честь необходимостію, бываю вынужденъ хитрить, изворачиваться, надувать. И вы, негодяй, хотите прикрывать своей честью ваши лохмотья, ваши взгляды черной кошки, ваши кабацкія рѣчи, ваши безстыдныя ругательства. Вы не хотѣли оказать мнѣ услугу?

Пистоль. Я раскаиваюсь. Чего же ты хочешь еще отъ человѣка?

Входитъ Робенъ.

Робенъ. Сэръ, пришла женщина и желаетъ переговорить съ вами.

Фальстафъ. Пусть приблизится.

Входитъ Мистрись Куикли.

М-съ Куикли. Желаю доброго здоровья вашей милости.

Фальстафъ. Здравствуй, добрая женщина.

М-съ Куикли. Не совсѣмъ такъ, съ позволеніемъ вашей милости.

Фальстафъ. Значитъ, добрая девушки.

М-съ Куикли. Такая же, клянусь, какою была мать моя, когда произвела меня на свѣтъ.

Фальстафъ. Вѣрю тебѣ на слово. Что тебѣ нужно отъ меня?

М-съ Куикли. Удостоить ваша милость выслушать отъ меня два-три слова?

Фальстафъ. Хотя двѣ тысячи; я удостоиваю тебя аудіенціи.

М-съ Куикли. Здѣсь есть нѣкая м-съ Фордъ, сэръ... Отойдемте лучше сюда, сэръ... Я живу у доктора Кайюса,

Фальстафъ. Хорошо, продолжай. Ты говоришь: м-съ Фордъ?

М-съ Куикли. Вѣрно, ваша милость, вѣрно. Прошу васъ отойти еще немного въ эту сторону.

Фальстафъ. Увѣряю тебя настѣнь никто не услышитъ: это мои люди, мои собственные люди.

М-съ Куикли. Въ самомъ дѣлѣ? Да благословитъ ихъ Богъ и сдѣляетъ своими служителями.

Фальстафъ. Хорошо. М-съ Фордъ. Что ты хотѣла сказать о ней?

М-съ Куикли. Ахъ, сэръ, она очень добрая женщина. Господи! Господи! Какой вы соблазнитель, сэръ. Молю, да простить Господь васъ и настѣнь всѣхъ.

Фальстафъ. М-съ Фордъ. Ну что же м-съ Фордъ?

М-съ Куикли. Буду говорить коротко. Дѣло въ томъ, что вы до того взбаломутили бабенку, что мы всѣ диву дались. Когда дворъ находился здѣсь, въ Виндзорѣ, и тогда самому ловкому изъ придворныхъ кавалеровъ не удавалось до такой степени вскружить ей голову. А въ то время тутъ были и рыцари, и лорды, и джентльмены въ своихъ каретахъ. Представьте себѣ, карета за каретой, письмо за письмомъ, подарокъ за подаркомъ! И отъ всего этого пахло такъ хорошо мускусомъ; и все это въ золотѣ и шелкахъ. А рѣчи-то все пробирательные, а вина-то все сладкія, пресладкія, такія все хорошія. Могла ли при всемъ этомъ устоять какая бы то ни было женщина. А она, увѣряю васъ, ус-

* Во времена Шекспира воры употребляли короткий ножъ для отрывания кошельковъ, носимыхъ у пояса. Замкомъ Петчъ назывался известный распутный домъ, служившій мѣстомъ сборища воровъ. Имя этого замка часто упоминается въ комедіяхъ, написанныхъ во времена Елизаветы и Якова I.

тояла; даже нѣжнаго взгляда никто не могъ отъ нея добиться. Мнѣ самой еще сегодня утромъ давали двадцать ангеловъ; но ангеловъ этого рода, какъ говорится, я принимаю только за честное дѣло. Ее, могу вѣсть, не могли даже уговорить, чтобы она приложила свои губы къ кубку самаго гордаго изъ знатныхъ особы. Здѣсь бывали графы, бывали и познанѣе ихъ: пенсіонеры *); но и тѣхъ и другихъ, честное слово, она ловко спроваживала.

Фальстафъ. Что же она вѣлья сказать мнѣ? Поменьше словъ, мой добрый Меркурій женскаго рода.

М-съ Куикли. Она получила ваше письмо и тысячу разъ благодарить васъ за него; вѣстѣ съ тѣмъ она даетъ вамъ знать, что ея мужа не будетъ дома между десятью и одиннадцатью часами.

Фальстафъ. Между десятью и одиннадцатью?

М-съ Куикли. Именно такъ. Въ это время вы можете прѣйти къ ней посмотрѣть на картину, которую, она говоритъ, вы знаете. М-ръ Фордъ, ея мужъ, не будетъ дома. Плохо живется съ нимъ ей, моей голубушкѣ; онъ страшно ревнивъ. У нея очень доброе сердце и, можете вообразить, каково ей жить съ нимъ!

Фальстафъ. Между десятью и одиннадцатью. Женщина, поклонись ей отъ меня и скажи, что я непремѣнно буду.

М-съ Куикли. Вотъ это хорошо сказано. Но у меня есть еще порученіе къ вашей милости. М-съ Пэджъ тоже посыпаетъ вамъ искренній поклонъ и позволяетъ мнѣ сказать вамъ на ухо, что это дама деликатная, вѣжливая, скромная, никогда не забывающая ни утренней, ни вечерней молитвы; въ этомъ отношеніи она не уступитъ ни одной дамѣ въ Виндзорѣ. Она поручила мнѣ передать вашей милости, что ея мужъ рѣдко уходитъ изъ дома, но она надѣется, что когда-женибудь онъ выйдетъ. Никогда я не видала женщину до такой степени врѣзашуюся въ мужчину, какъ она. Вѣрно у васъ есть какой-нибудь корень, знаю, что есть.

Фальстафъ. Увѣряю тебя, нѣтъ никакого; кроме моихъ личныхъ преимуществъ, я не дѣйствую никакими чарами.

М-съ Куикли. Благослови Богъ ваше сердце.

Фальстафъ. Но, прошу тебя, скажи мнѣ по правдѣ: не открылись ли одна другой жена Форда и жена Пэджа въ своей любви ко мнѣ?

М-съ Куикли. Честное слово, это было-бы забавно. Надѣюсь, онъ обѣ знаетъ жизнь. Забавная-бы вышла штука, ей-богу. Ахъ, да! м-съ Пэджъ всей своей любовью умоляетъ васъ прислать ей вашего маленькаго пажа; ея мужу до крайности противенъ этотъ маленький пажъ; между тѣмъ, вѣрте, м-ръ Пэджъ честнѣйший человѣкъ. Ни одна замужняя женщина въ Виндзорѣ не ведетъ болѣе счастливой жизни, чѣмъ м-съ Пэджъ; она дѣлаетъ все, что захочетъ; говорить, что ей угодно, получаетъ деньги и платить за все; ложится спать, когда ей вздумается; встаетъ съ постели тоже когда ей вздумается; все въ домѣ дѣлается по ея произволенію и она за-служиваетъ этого; если есть въ Виндзорѣ любезная женщина, такъ это она. Пошлите

ей вашего пажа, тутъ ничѣмъ ужъ не пособишь.

Фальстафъ. Отчего не послать — пошли.

М-съ Куикли. Да, непремѣнно пошлите; сдѣлайте изъ него посредника между нею и вами. Вотъ что, выдумайте какая-нибудь условленія слова, чтобы вамъ удобнѣе было передавать ваши мысли и мальчикъ не могъ бы понять. Не хорошо дѣлать знать хитрости взрослыхъ; ну, а люди въ лѣтахъ, какъ вы знаете сами, имѣютъ, какъ говорится, скромность и знаютъ свѣтъ.

Фальстафъ. Прощай! Поклонись отъ меня обѣимъ. Вотъ тебѣ мой кошелекъ; считай меня еще своимъ должникомъ. Ты, пажъ, ступай съ этой женщиной. (**Робенъ и м-съ Куикли уходятъ.**) Эта новость вскружила мнѣ голову.

Пистоль.

Самъ Купидонъ шлетъ эту тварь ко мнѣ.
Ставь паруса, спѣши за пей въ погоню,
Открой борты, пали; она моя,
Иль пусть имъ погибнуть въ океанѣ!

(*Уходитъ.*)

Фальстафъ. Ты думаешь, старый Джекъ? Иди своей дорогой. Ну, теперь можно извлечь изъ твоего изношенаго тѣла пользы болѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Ты еще можешь нравиться женщинамъ. Истративъ много денегъ, не начнешь ли ты теперь получать барышы? Благодарю тебя, мое доброе тѣло. Говорятъ, ты топорной работы; это не бѣда, если ты нравишься.

Входитъ Бардольфъ.

Бардольфъ. Внизу ожидаетъ какой-то м-ръ Брукъ; ему надо поговорить и познакомиться съ вами. Это онъ прислалъ утромъ бутыль вина вашей милости.

Фальстафъ. Его зовутъ Брукъ?

Бардольфъ. Да, сэръ.

Фальстафъ. Веди его сюда. (**Бардольфъ уходитъ.**) Кто такой этотъ Брукъ? А! м-съ Пэджъ и м-съ Фордъ, я держу теперь васъ въ своихъ рукахъ. Впередъ! Via!

Входитъ Бардольфъ и переодѣтый Фордъ.

Фордъ. Да благословитъ васъ Богъ, сэръ.

Фальстафъ. Желаю того же и вамъ, сэръ. Вы желали поговорить со мною?

Фордъ. Мнѣ право совѣстно, что я безпокою васъ съ такой безцеремонностью.

Фальстафъ. Будьте желаннымъ гостемъ. Что вамъ угодно? Можешь идти, подносчикъ.

Бардольфъ уходитъ.

Фордъ. Сэръ, я джентльменъ, истратившій много денегъ; меня зовутъ Брукъ.

Фальстафъ. Добрый м-ръ Брукъ, я отъ души желаю ближе познакомиться съ вами.

Фордъ. Любезный сэръ Джонъ, я тоже желаю сойдти съ вами, но не для того, чтобы быть вамъ въ тягость; о, нѣтъ, могу васъ увѣритъ, что я, какъ кажется, все-таки въ состояніи скорѣе, чѣмъ вы, давать взаймы деньги. Вотъ эта-то увѣренность и дала мнѣ нѣкоторую смѣлость явиться къ вамъ прямо, безъ всякихъ церемоній. Говорятъ же, что если деньги идутъ впереди, всякая дорога открыта.

Фальстафъ. Деньги, сэръ, это храбрый солдатъ, всегда стремящійся впередъ.

Фордъ. Истинная правда; вотъ со мной мѣшокъ съ деньгами; онъ порядкомъ надоѣлъ мнѣ; облегчите мнѣ нѣсколько тягость моей ноши, возьмите половину ея, а то, если хотите, и всю.

Фальстафъ. Сэръ, не знаю, чѣмъ я заслужилъ право быть вашимъ носильщикомъ.

Фордъ. Сейчасъ объясню вамъ это, сэръ, если только вы захотите меня выслушать.

Фальстафъ. Говорите, любезный м-ръ Брукъ, я буду очень радъ услышать вамъ.

Фордъ. Сэръ, я слышалъ, что вы человѣкъ ученый. Постараюсь говорить какъ можно короче. Съ давнихъ поръ я знаю васъ, хотя мнѣ не представлялся желанный случай вйти въ сношеніе съ вами. Я долженъ сдѣлать вамъ признаніе, которое откроетъ вамъ мои собственные недостатки. Но, любезный сэръ Джонъ, выслушивая меня, вы только однѣмъ глазомъ смотрите на мои проказы, другимъ же пробѣгайте списокъ вашихъ грѣховъ. Можетъ быть, вы будете менѣе строги ко мнѣ, когда вспомните, какъ трудно бываетъ иногда воздержаться отъ этихъ самыхъ прегрешеній.

Фальстафъ. Прекрасно, сэръ, продолжайте.

Фордъ. Въ нашемъ городѣ живетъ одна дама... фамилія ея мужа Фордъ.

Фальстафъ. Дальше,

Фордъ. Я давно люблю ее и, даю вамъ слово, сдѣлалъ для нея не мало. Я преслѣдовалъ ее съ страстью настойчивостью; я пользовался всяkimъ поводомъ встрѣчаться съ нею и не могъ наглядѣться на нее. Я не только покупалъ для нея много подарковъ, но щедро платилъ и тѣмъ, которые могли указать мнѣ, чего именно она желаетъ. Короче, я преслѣдовалъ ее подобно тому, какъ любовь преслѣдовала меня, т. е. на крыльяхъ всевозможныхъ случаевъ. Но чего бы ни заслужилъ я какъ за мои чувства, такъ и за мои дѣйствія, я знаю только, что ни тѣмъ, ни другимъ не извлекъ никакой пользы; одно лишь пріобрѣлъ: драгоценную опытность; но за это сокровище я заплатилъ слишкомъ дорого и узналъ, что

«Любовь, какъ тѣнь, бѣжитъ того, кто вслѣдъ за ней спѣшить, Преслѣдуя бѣгущаго, гонителя бѣжитъ».

Фальстафъ. Получили вы отъ нея какое-нибудь ободряющее обѣщаніе?

Фордъ. Никакого.

Фальстафъ. Требовали вы его рѣшительно?

Фордъ. Никогда.

Фальстафъ. Какая же это любовь была у васъ?

Фордъ. Она подобна красивому дому, построенному на чужой землѣ. Такимъ образомъ, я потерялъ зданіе, потому что ошибся въ выборѣ мѣста для его постройки.

Фальстафъ. Что побудило васъ сдѣлать мнѣ это признаніе?

Фордъ. Объяснивъ вамъ поводъ, я объясню вамъ все. Привелось мнѣ слышать отъ нѣкоторыхъ людей, что хотя она неприступна для меня, но случается иногда доводить свою рѣзвость до того, что даетъ право выводить неблагопріятныя заключенія на ея счетъ. Теперь, сэръ Джонъ, мы и дошли до самой сути моего замысла. Вы джентльменъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова; вы прекрасно воспитаны; отличаетесь замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, вы принадлежите къ высшему обществу; вы имѣете большое вліяніе, благодаря своему положенію и личнымъ достоинствамъ; васъ всѣ признаютъ опытнымъ воиномъ, придворнымъ и ученымъ.

Фальстафъ. О, сэръ!

Фордъ. Вы можете мнѣ повѣрить, потому что сами знаете это лучше меня. Вотъ деньги; тратьте ихъ, тратьте; истратьте все, что я имѣю, но взамѣнъ этого обѣщайте мнѣ употребить столько вашего времени, сколько будетъ необходимо на любовную осаду добродѣтели м-съ Фордъ; не жалѣйте пускать въ ходъ ваше искусство покорять женскія сердца;

*) Пенсіонерами назывался отрядъ джентльменовъ, составлявшій конвой государей. Ихъ было числомъ 50 и каждый изъ нихъ получалъ жалованье 50 фунтовъ въ годъ и долженъ былъ имѣть 2-хъ лошадей. М-съ Куикли была ослѣплена ихъ красивымъ костюмомъ и сочла ихъ знатѣйшими изъ самыхъ знатныхъ.

заставьте ее сдаться вамъ. Если надъ нею возможна такая побѣда, то вы одержите ее скорѣе, чѣмъ всякий другой.

Фальстафъ. Но будѣть-ли удобно для васъ, одержимаго такой пылкой страстью къ этой дамѣ, если я одержу надъ нею побѣду; вѣдь вы сами хотите обладать ею. Я нахожу, что вы прописываете себѣ странное лѣкарство.

Фордъ. О, поймите хорошошенько мое намѣреніе! Она съ такой увѣренностью опирается на превосходство своей добродѣтели, что бѣзуміе моей души не смѣеть подступиться къ ней. Свѣтъ ея такъ ослѣпителенъ, что глаза не могутъ вынести его. Но, положимъ, я явлюсь къ ней съ доказательствомъ, обличающимъ ее, мои желанія могутъ сослаться на бывшій примѣръ и въ немъ найдутъ ходатая и защитника. Тогда я могъ бы выбрать ее изъ крѣпости непорочности, хорошей репутаціи, супружеской вѣрности и тысячи другихъ укрѣплений, которые теперь съ такой страшной силой отражаютъ мое нападеніе. Что скажете вы на это, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. М-ръ Брукъ, прежде всего я безъ всякой церемоніи принимаю ваши деньги; затѣмъ, дайте мнѣ вашу руку; наконецъ, даю вамъ слово джентльмена, если вы хотите, жена Форда будетъ вашей.

Фордъ. О, любезнѣйший сэръ!

Фальстафъ. Говорю вамъ, она будетъ ваша.

Фордъ. Не стѣсняйтесь тратить деньги, сэръ Джонъ; вы всегда будете получать ихъ столько, сколько вамъ понадобится.

Фальстафъ. И вы, м-ръ Брукъ, не стѣсняйтесь съ м-съ Фордъ; вы будете пользоваться ею столько, сколько вамъ потребуется. Я буду видѣться съ нею (могу сообщить вамъ объ этомъ); она сама назначила мнѣ свиданіе; передъ самимъ вашимъ приходомъ здѣсь была ея посланная, лучше сказать, сводня. Повторяю, я буду видѣться съ м-съ Фордъ между десятью и одиннадцатью часами, потому что въ это время отвратительный ревнивецъ, ея негодный мужъ не будетъ дома. Приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ, узнаете, что удались мнѣ сдѣлать.

Фордъ. Я считаю большимъ благодѣяніемъ для себя знакомство съ вами. Знаете вы Форда, сэръ?

Фальстафъ. Къ чорту этого бѣдного рогоносца! Я не знакомъ съ нимъ. Впрочемъ, съ какой стати я называю его бѣднымъ, говорять, у этого негодного ревниваго рогоносца груды золота; это-то золото и составляетъ всю прелестъ его жены. Я желаю имѣть ее въ своихъ рукахъ, какъ ключъ къ сундуку этого рогатаго бездѣльника; здѣсь я надѣюсь собрать обильную жатву.

Фордъ. Не дурно бы вамъ узнать въ лицо этого Форда, чтобы вамъ можно было избѣгнуть встрѣчи съ нимъ.

Фальстафъ. Къ чорту этого негодяя, торгающаго соленымъ масломъ! Я поражу его однимъ своимъ взглядомъ; я приведу его въ трепетъ моей цапкой; она будетъ носиться метеоромъ надъ рогами рогоносца. Знайте, м-ръ Брукъ, я укрошу этого невѣжду, а ты будешь обладать его женой! Приходи ко мнѣ пораньше сегодня вечеромъ. Фордъ болванъ и я постараюсь умножить его титулы; ты самъ, м-ръ Брукъ, вскорѣ признаешь его болваномъ и рогоносцемъ. Приходи ко мнѣ пораньше вечеромъ.

(Уходитъ.)

Фордъ. Каковъ проклятый, мерзкій эпикуреецъ! Сердце мое готово лопнуть отъ нетерпѣнія. Пусть-ка кто-нибудь скажетъ мнѣ теперь, что моя ревность неосновательна! Моя жена сговаривалась съ нимъ чрезъ свою

посланную; часть свиданія назначена; сдѣлка совершена. Можно ли было подумать, что случится такая напасть? О, адская мука имѣть невѣрную жену! Мое ложе будетъ запятнано, мой сундукъ разграбленъ, моя репутація осквернена и я не только сдѣлаюсь жертвой этихъ ужасныхъ оскорблений, но я долженъ буду выслушивать мерзкія ругательства отъ того же самаго человѣка, который нанесъ мнѣ всѣ эти оскорблія. И какія ругательства! какія прозвища! Амайонъ, Люциферъ, Барбасонъ—это еще не худшія, однакожъ, это имена дьяловъ, демоновъ. Но рогоносецъ дважды рогоносецъ! У самого дьявола нѣтъ, подобнаго имени! Пэджъ осель, довѣрчивый оселъ; онъ вѣрить своей женѣ, онъ не ревнуетъ. Я скорѣе довѣрю мое масло фламандцу; мой сыръ Гугу, валійскому пастору; мою бутыль съ водкой ирландцу; моего коня вору для прогулки, чѣмъ мою жену ей же самой! Она составляетъ заговоръ, интригуетъ, а если женщина рѣшила въ своемъ сердцѣ что-нибудь сдѣлать, она разобьетъ свое сердце, но непремѣнно сдѣлаетъ. Благодарю Господа, что я ревнуетъ! Въ одиннадцать часовъ! Я предупрежу ихъ, я захвачу въ расплохъ мою жену, отомщу Фальстафу и посмѣюсь надъ Пэджемъ. Къ дѣлу! Лучше приди тремя часами раньше, чѣмъ минутой позже! Тфу! тфу! тфу! Рогоносецъ! рогоносецъ! рогоносецъ!

(Уходитъ.)

СЦЕНА III.

Лѣсъ подъ Виндзоромъ.

Входитъ: Кайюсъ и Регби.

Кайюсъ. Джекъ Регби!

Регби. Что прикажете, сэръ?

Кайюсъ. Который часъ, Джекъ?

Регби. Тотъ часъ прошелъ, въ который обѣжалъ приди сэръ Гугъ.

Кайюсъ. Чортъ возьми, не приди, онъ спасъ свою душу; полагаю, онъ горячо молился на своей бібліи, что не пришелъ. Онъ былъ бы уже мертвъ, если бы пришелъ, за это я поручусь, дьяволъ его побери.

Регби. Хитрая онъ штука, сэръ; онъ зналъ, что ему не жить, если бы онъ пришелъ.

Кайюсъ. Я убилъ бы его, какъ какую-нибудь селедку. Берите вашу рапиру, Джекъ, я покажу вамъ, какъ буду убивать его.

Регби. Увы! сэръ, я не умѣю фехтовать.

Кайюсъ. Негодяй, говорю вамъ, берите свою рапиру.

Регби. Остановитесь! сюда идетъ цѣлая компания.

Входитъ: Хозяинъ гостинницы «Подвязка», Шалло, Слендеръ и Пэджъ.

Хозяинъ. Благослови тебя Богъ, буйный докторъ.

Шалло. Храни васъ Господь, м-ръ докторъ Кайюсъ.

Пэджъ. Здравствуйте, добрѣйший м-ръ докторъ.

Слендеръ. Доброго утра, сэръ.

Кайюсъ. Одинъ, два, три, четыре. Чего вы всѣ пришли сюда?

Хозяинъ. Мы пришли посмотретьъ, какъ ты дерешься, мы хотѣли видѣть, какъ ты фехтуешь, какъ защищаешься, какъ нападаешь,

какъ парадируешь и наносишь удары; мы хотѣли видѣть, какъ ты станешь въ позицію,

какъ будешь выпадать, дѣлать вольты,

реверсы. Умерь мой єѳіоплянинъ? Погибъ

мой Франциско? Ну, буянъ! Говори же мой

Эскулапъ! Мой Галенъ! Моя сердцевина изъ

бузины! Умерь онъ, моя буйная Моча? По-

гибъ?

Кайюсъ. Чортъ побери этого трусишку попа; онъ не осмѣлся показать своей физіономіи.

Хозяинъ. Ты кастильскій король Уриналъ! Гекторъ Греціи! Добрый малый!

Кайюсъ. Прошу васъ, засвидѣтельствуйте, что я ожидалъ его шесть или семь, два или три часа и что онъ не явился.

Шалло. Онъ только человѣкъ осторожный, м-ръ докторъ. Онъ врачъ души, какъ вы врачъ тѣла. Если вы подеретесь, то этимъ самымъ вы погладите противъ шерсти. Правду я говорю, м-ръ Пэджъ?

Пэджъ. М-ръ Шалло, хоть вы теперь и мировой судья, но, скажу по правдѣ, прежде вы всегда были готовы драться.

Шалло. Чортъ возьми, м-ръ Пэджъ, хотя я уже старъ и мировой судья, но какъ увижу мечъ, сейчасъ же чувствую зудъ въ моихъ пальцахъ. У всѣхъ у насъ, и судей, и докторовъ, и священниковъ, м-ръ Пэджъ, всегда остается что-нибудь отъ нашей молодости; мы сыновья женщинъ, м-ръ Пэджъ.

Пэджъ. Вы правы, м-ръ Шалло.

Шалло. И всегда такъ будетъ, м-ръ Пэджъ. М-ръ докторъ Кайюсъ, я пришелъ сюда затѣмъ, чтобы отвести васъ домой. Я мировой судья, давшій присягу; вы показали себя мудрымъ врачомъ; а сэръ Гугъ выказалъ себя мудрымъ и терпѣливымъ служителемъ церкви. Вамъ необходимо идти вмѣстѣ со мною.

Хозяинъ. Простите проницательный судья. Ну, г. Мокрый Навозъ.

Кайюсъ. Мокрый Навозъ! Что это значитъ?

Хозяинъ. Для насъ, англичанъ, мой буянъ, мокрый навозъ имѣетъ большую цѣну.

Кайюсъ. Чортъ возьми, во мнѣ столько же мокраго навоза, сколько и во всикомъ англичанинѣ. Этотъ пасторъ негодная собака. Чортъ возьми, я обрублю ему уши.

Хозяинъ. Накладеть онъ тебѣ въ затылокъ, забіяка.

Кайюсъ. Накладеть? Что это значитъ?

Хозяинъ. Онъ дастъ тебѣ удовлетвореніе.

Кайюсъ. Чортъ побери, пусть онъ мнѣ накладеть въ затылокъ; только этого я и требую.

Хозяинъ. А я подтолкну его на это; иначе, пускай дьяволъ возьметъ его къ себѣ.

Кайюсъ. Благодарю васъ.

Хозяинъ. Къ тому же, мой забіяка... (Tutto прочимъ:) Но прежде вы, м-ръ судья, и вы м-ръ Пэджъ, и вы, cavalero Слендеръ, ступайте въ городъ черезъ Фроморъ.

Пэджъ. Сэръ Гугъ, кажется, тамъ?

Хозяинъ. Тамъ. Вы увидите, какъ онъ себя чувствуетъ; я же проведу доктора полями. Не дурно придумано?

Шалло. Мы пойдемъ.

Пэджъ, Шалло и Слендеръ. Прощайте, м-ръ докторъ.

Кайюсъ. Чортъ побери, я хочу убить пастора за то, что онъ хлопочетъ у Анны за обезьяну.

Хозяинъ. Пусть онъ умретъ! Вложи въ ножны свое нетерпѣніе, облей холодной водой свой гнѣвъ и пойдемъ полями до Фромора; я заведу тебя на ферму, гдѣ теперь празднуютъ; тамъ ты увидишь Анну Пэджъ и можешь поволочиться за нею. Нравится тебѣ это?

Кайюсъ. Чортъ возьми, благодарю васъ за это! Чортъ возьми, я люблю васъ! Я приведу въ ваше заведеніе кучу гостей, моихъ пациентовъ; это все графы, лорды, джентльмены.

Хозяинъ. А за это я буду твоимъ противникомъ у Анны Пэджъ. Хорошо сказано?

Кайюсъ. Хорошо, чортъ возьми, хорошо сказано.

Хозяинъ. Ну, идемъ.

Кайюсъ. Иди слѣдомъ за мною, Джекъ Регби!

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Поле близъ Фромора.

Входитъ: сэр Гугъ Эвансъ и Семпль.

Эвансъ. Прошу васъ, добрый слуга мра Слендера, другъ Семпль по имени, скажите, съ которой стороны вы смотрѣли, не идетъ ли м-ръ Кайюсъ, титулующій себя докторомъ медицины.

Семпль. И съ лондонской дороги, и со стороны парка, и со старой виндзорской дороги; я смотрѣлъ вездѣ, кромѣ городской дороги.

Эвансъ. Настоятельно прошу васъ посмотретьъ и съ этой стороны.

Семпль. Исполню, сэръ. (Уходитъ.)

Эвансъ. Боже, помилуй мою душу. Какой сильный гнѣвъ овладѣлъ мною, въ какомъ смятѣніи находится духъ мой! Я буду радъ, если онъ обманетъ меня! Вотъ постыла меня и меланхолія! Разобью я на его негодной головѣ всѣ его сосуды съ мочей. Господи прости! (Поетъ:)

У тихихъ ручейковъ, въ честь коихъ птички малы
Со звучнымъ голоскомъ слагаютъ мадригали,
Изъ розъ содѣляемъ мы ложе и на немъ
Мы тысячи вѣнковъ нахучихъ заплетемъ! *)

Спаси меня Боже! У меня явилась страшная охота плакать. (Поетъ:)

Со звучнымъ голоскомъ слагаютъ мадригали...
Когда я возѣдалъ у вавилонскихъ водъ... **)
Мы тысячи вѣнковъ нахучихъ заплетемъ...
У тихихъ ручейковъ...

Семпль (возвращаясь). Сэръ Гугъ, онъ идетъ съ этой стороны.

Эвансъ. Радъ гостю. (Поетъ:)

У тихихъ ручейковъ, въ честь коихъ птички малы...

Да защититъ Господь правое дѣло! При какомъ онъ оружіи?

Семпль. Не видать никакого, сэръ. По той же фроморской дорогѣ, только впереди, идутъ мой хозяинъ, м-ръ Шалло и еще какой-то джентльменъ.

Эвансъ. Дайте мнѣ мое платье, или лучше подержите его на своей рукѣ.

Входитъ: Пэджъ, Шалло и Слендеръ.

Шалло. Какъ ваше здоровье, м-ръ пасторъ. Доброго утра, добрѣйшій сэръ Гугъ! Изумительно, когда видишь игрока не за kostями, а ученоаго не за книгами!

Слендеръ. Ахъ, драгоцѣнная Анна Пэджъ!

Пэджъ. Благослови васъ Богъ, добрый сэръ Гугъ.

Эвансъ. Да будетъ надъ вами всѣми Божіе милосердіе.

Шалло. Какъ! Мечь и слово! Вы обладаете и тѣмъ и другимъ, м-ръ пасторъ?

Пэджъ. И какимъ молодцомъ онъ выглядитъ въ камзолѣ и короткихъ штанахъ; а въ такой сырой день не трудно схватить ревматизмъ.

Эвансъ. На это у меня есть и причины и поводы.

Пэджъ. Мы пришли сюда съ цѣллю совершиТЬ добреое дѣло, м-ръ пасторъ.

Эвансъ. Очень хорошо. Въ чёмъ же оно заключается?

*) Этотъ куплетъ взятъ изъ пасторали, приписываемой Шекспиру, но Исаакъ Вальтонъ доказалъ, что эта пастораль была написана извѣстнымъ Марло.

**) Здѣсь Эвансъ вставляетъ по разсѣянности стихъ изъ 137 псалма въ пастораль, которую начальствуетъ.

Пэджъ. Одинъ очень почтенный джентльменъ, вѣроятно, считая себя сильно оскорблѣннымъ другимъ джентльменомъ, топчетъ ногами и свою солидность и свое терпѣніе.

Шалло. Мнѣ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ, но я никогда не видѣлъ, чтобы человѣкъ его профессіи, обладающій ученостью и важностью, могъ до такой степени потерять уваженіе къ самому себѣ.

Эвансъ. Кто же это такой?

Пэджъ. Думаю, вы его знаете; это докторъ Кайюсъ, извѣстный французскій врачъ.

Эвансъ. Боже упаси! Лучше бы вы говорили мнѣ о горшкѣ съ похлебкой.

Пэджъ. Почему же?

Эвансъ. Онъ также свѣдущъ въ наукѣ Гиппократа и Галлена, какъ и горшокъ съ похлебкой; къ тому же онъ негодяй, трусливѣйшій изъ негодяевъ, какихъ только можно встрѣтить.

Пэджъ (обращаясь къ Шалло). Я готовъ поручиться, что это онъ долженъ быть дратъся съ докторомъ.

Слендеръ (вздыхая). О драгоцѣнная Анна Пэджъ!

Входитъ: Хозяинъ, Кайюсъ и Регби.

Пэджъ. Вложите въ ножны вашъ мечъ, добрый м-ръ пасторъ.

Шалло. Такоже и вы, добрѣйшій докторъ.

Хозяинъ. Обезоружимъ ихъ и пусть они объяснятся между собою; лучше если они сохранятъ нетронутыми свои члены и будутъ рубить только англійскій языкъ.

Кайюсъ (Эвансу). Позвольте сказать вамъ словечко на ухо. (Тихо.) Почему не хотѣли вы встрѣтиться со мною?

Эвансъ (тихо). Прошу васъ имѣйте терпѣніе, все придетъ въ свое время.

Кайюсъ (тихо). Чортъ васъ побери, вы трусь, собака Джека, обезьяна Джона!

Эвансъ (тихо). Прошу васъ, не дѣлайте насть предметомъ всеобщаго посмѣянія; я желаю вашей дружбы и, такъ или иначе, но непремѣнно дамъ вамъ удовлетвореніе. (Вслухъ.) Я разобью ваши склянки съ мочей о вашу плѣшивую голову, чтобы проучить васъ за то, что вы не явились на свиданіе, вами же назначенное.

Кайюсъ. Diable! Джекъ Регби и хозяинъ Jarterte, скажите ему, развѣ я не ждалъ его, чтобы убить? Развѣ не ожидалъ я его на мѣстѣ, которое самъ назначилъ.

Эвансъ. Клянусь моей христіанской душой, мѣсто, назначенное вами, именно это самое. Я могу сослаться на хозяина гостиницы «Подвязка».

Хозяинъ. Замолчите, говорю вамъ, Галлія и Валлісъ, французъ и валліецъ, врачъ души и врачъ тѣла.

Кайюсъ. Это очень хорошо! Это прекрасно!

Хозяинъ. Замолчите, говорю вамъ! Слушайте хозяина «Подвязки». Политикъ я? Коваръ? Макіавель? Удобно мнѣ потерять моего доктора? Нѣть; онъ даетъ мнѣ промывательную и полоскательную. Удобно мнѣ потерять моего пастора, моего священника, моего сэра Гуга? Нѣть, онъ меня поучаетъ и научаетъ. Дай мнѣ твою руку, ученый земной, вотъ такъ; дай мнѣ твою руку ученый небесный, вотъ такъ. Дѣти науки, я обманула васъ обоихъ; я указалъ вамъ различныя мѣста для свиданія. Ваши сердца могутъ, но ваши кожи остались нетронутыми; пусть же теплое вино потушитъ это дѣло. Возьмемъ въ залогъ ихъ мечи. Слѣдуйте за мною, люди мира! Слѣдуйте! слѣдуйте!

Шалло. Честное слово, хозяинъ помѣшался. Слѣдуйте за нимъ, джентльмены, слѣдуйте!

Слендеръ (вздыхая). О, драгоцѣнная Анна Пэджъ!

Уходитъ: Шалло, Слендеръ, Пэджъ и Хозяинъ.

Кайюсъ. А! я теперь вижу, вы сдѣлали дураковъ изъ насъ обоихъ! А! А!

Эвансъ. Это хорошо! Онъ сдѣлаль насъ своими игрушками. Прошу васъ, будемъ друзьями; соединимъ наши мозги, чтобы придумать мщеніе этому гнусному, паршивому, подлому хозяину «Подвязки».

Кайюсъ. Отъ всего сердца, чортъ меня побери! Онъ обѣщалъ, что я увижу Анну Пэджъ! Чортъ его побери, надуль бездѣльникъ!

Эвансъ. Хорошо, я раздроблю ему черепъ. Прошу васъ, слѣдуйте за мною.

(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

Улица въ Виндзорѣ.

Входитъ Мистрисъ Пэджъ и Робенъ.

М-съ Пэджъ. Идите впереди, маленький любезникъ; вы привыкли слѣдоватъ, а теперь ведите. Что вамъ болѣе нравится, руководить моими глазами или смотрѣть на пятки вѣшаго хозяина?

Робенъ. Разумѣется, мнѣ болѣе нравится идти впереди васъ, какъ человѣкъ, чѣмъ слѣдоватъ за нимъ, какъ карликъ.

М-съ Пэджъ. О, вы маленький лѣстецъ; видно, что изъ васъ выйдетъ придворный.

Входитъ Фордъ.

Фордъ. Очень радъ, что встрѣтилъ васъ м-съ Пэджъ. Куда вы идете?

М-съ Пэджъ. Повидать вашу жену. Дома она?

Фордъ. Дома и ничего не дѣлаетъ; ей не съ кѣмъ заняться дѣломъ. Я увѣренъ, что если ваши мужья умерли, вы обѣ непремѣнно бы вышли замужъ тотчасъ.

М-съ Пэджъ. Непремѣнно, за двухъ другихъ мужей.

Фордъ. Гдѣ вы пріобрѣли этого маленькаго пѣтушка?

М-съ Пэджъ. Не могу припомнить дьявольское имя господина, отъ котораго мой мужъ получилъ его. Какъ зовутъ вашего рыцаря, мой другъ?

Робенъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ.

Фордъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ!

М-съ Пэджъ. Онъ самый, онъ самый! Ни-какъ не могу запомнить его имя. Онъ въ дружбѣ съ моимъ добраякомъ мужемъ. Дѣйствительно ваша жена дома?

Фордъ. Дома.

М-съ Пэджъ. Съ вашего позволенія, сэръ. Я больна, когда долго ее не вижу.

Уходитъ м-съ Пэджъ и Робенъ.

Фордъ. Не потерялъ ли разсудокъ Пэджъ? Куда дѣвался его здравый смыслъ? Гдѣ его глаза? Очевидно, все это заснуло у него, находится безъ употребленія. Этому мальчику такъ же легко снести письмо за двадцать миль, какъ пушкѣ попасть на двѣсти пятьдесятъ шаговъ. Пэджъ готовъ исполнять всѣ прихоти своей жены, самъ даетъ ей возможность творить всякия безумства и вотъ она пошла къ моей женѣ вмѣстѣ съ пажемъ Фальстафа! Каждый въ этомъ свистѣ вѣтра узналь бы приближеніе бури. Вмѣстѣ съ пажемъ Фальстафа! Хорошій заговоръ! Ловко устроено! Наші жены приготовляютъ себя для ада. Прекрасно! Я поймаю его, задамъ своей женѣ, сорву съ лицемѣрки Пэджъ покрывало цѣломудрія, взятое ею на прокатъ, и тѣмъ докажу Пэджу, что онъ добровольный и самоувѣренный Актеонъ; и сосѣди одобрять эти мои насильственные поступки.

(Звонятъ часы.) Часы даютъ мнѣ сигналъ; мое убѣженіе твердитъ мнѣ, что надо сдѣлать разслѣдованіе. Я найду тамъ Фальстафа и меня не только не будутъ порицать, но я заслужу еще похвалу. Что Фальстафъ тамъ, это такъ же вѣрно, какъ то, что земля стоитъ на мѣстѣ. Иду!

Входитъ Шалло, Пэджъ, Слендеръ, Хозянъ, Эвансъ, Кайюсъ и Регби.

Всѣ. Рады встрѣчѣть васъ, м-ръ Фордъ.

Фордъ. Честное слово, славная компанія! У меня хороши обѣды и я прошу всѣхъ вѣстъ обѣдать ко мнѣ.

Шалло. Прошу васъ извинить меня, м-ръ Фордъ.

Слендеръ. И меня, сэръ. Мы обѣщали обѣдать съ мистрицъ Анной и ни за какія деньги я не позволилъ бы себѣ измѣнить этому обѣщанію.

Шалло. Мы желаемъ устроить бракъ Анны Пэджъ съ моимъ племянникомъ Слендеромъ и сегодня мы получимъ отвѣтъ.

Слендеръ. Надѣюсь, я не получу отъ васъ отказа, батюшка Пэджъ.

Пэджъ. Вы получите мое согласіе, м-ръ Слендеръ; я совершенно за васъ. Но моя жена на вашей сторонѣ, докторъ.

Кайюсъ. Да, чортъ возьми! И дѣвица любить меня, судя по словамъ моей ключницы Кукили.

Хозянъ. А что скажете вы о молодомъ м-рѣ Фентонѣ? Онъ порхаетъ, танцуетъ, смотритъ юношамъ, пишетъ стихи, говорить по-праздничному, пахнетъ апѣлемъ и маємъ. Онъ побѣдить, онъ побѣдить; судьба за него; онъ побѣдить.

Пэджъ. Ему не будетъ моего согласія, даю вамъ слово. У этого джентльмена нѣтъ никакого состоянія; онъ вѣдь дружѣ съ нашимъ безпутнымъ принцемъ и Пойнсомъ; онъ высоко летаетъ; онъ знаетъ слишкомъ много. Нѣтъ, онъ не завяжетъ ни одного узла своей судьбы пальцами моего состоянія. Если онъ желаетъ жениться на моей дочери, пусть беретъ ее безъ всякихъ приданаго. Мое имущество можетъ быть отдано только съ моего согласія, а эта сторона никогда его не полу- чить.

Фордъ. Настоятельно прошу кого-нибудь изъ васъ отобѣдать у меня; кроме хорошаго обѣда я предложу вамъ и забаву: я покажу вамъ чудовище. М-ръ докторъ, вы согласны; и вы, м-ръ Пэджъ, и вы, сэръ Гугъ.

Шалло. Вѣдь такомъ случаѣ прощайте. Тѣмъ болѣе представляется простора для нашего ухаживанія вѣдь домъ м-ра Пэджа.

Шалло и Слендеръ уходятъ.

Кайюсъ. Ступайте домой, Джекъ Регби. Я скоро вернусь.

Регби уходитъ.

Хозянъ. Прощайте, мои дорогие; я отправлюсь къ моему честнѣйшему рыцарю Фальстафу и хвачу съ нимъ канарскаго. (*Уходитъ.*)

Фордъ (вѣдь сторону). Полагаю, раньше я хвачу его такъ, что онъ запишется. (*Громко.*) Прошу со мной, джентльмены.

Всѣ. Мы вѣдь вашемъ распоряженіи. Посмотримъ на ваше чудовище. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА III.

Комната вѣдь дома Форда.

М-съ Фордъ. Эй! Джонъ! Робертъ!

М-съ Пэджъ. Скорѣе! скорѣе! Гдѣ корзина съ грязнымъ бѣльемъ?

М-съ Фордъ. Готова.

Входитъ слуги съ корзиной.

М-съ Пэджъ. Поворачивайтесь! поворачивайтесь!

М-съ Фордъ. Поставьте ее сюда.

М-съ Пэджъ. Отдайте приказаніе слугамъ; намъ нельзя терять времени.

М-съ Фордъ. Не забывайте, что я вамъ говорила Джонъ и Робертъ. Будьте вѣдь пивномъ складѣ и слушайте внимательно; какъ только я позову васъ, живо являйтесь сюда, безъ замедленія берите эту корзину на плечи; затѣмъ бѣгомъ несите ее на Детчетскій лугъ къ прачкамъ, и тамъ вывалите изъ нея все вѣдь грязный ровъ у берега Темзы.

М-съ Пэджъ. Сдѣлайте все, какъ сказано.

М-съ Фордъ. Я имѣю толковала и толковала; болѣе толковать не зачѣмъ. Ступайте и приходите, когда я васъ кликну.

(Слуги уходятъ.)

М-съ Пэджъ. А вотъ и маленький Робенъ.

Входитъ Робенъ.

М-съ Фордъ. Какія новости, мой маленький кобчикъ?

Робенъ. Мой хозяинъ, сэръ Фальстафъ, дожидается у задняго крыльца и проситъ позволенія войти къ вамъ.

М-съ Пэджъ. Остались ли вы вѣрны намъ, мой маленький плутъ?

Робенъ. Да, клянусь вамъ; мой хозяинъ не знаетъ, что вы здѣсь; онъ угрожалъ мнѣ вѣчной свободой, если я открою вамъ, что онъ приходилъ сюда; короче, клялся, что прогонитъ меня.

М-съ Пэджъ. Ты хороший мальчикъ. Твоя скромность послужитъ тебѣ портнымъ и сошьтъ тебѣ новый камзолъ и новые штаны. Я спрячусь.

М-съ Фордъ. Ступайте. А ты скажи своему хозяину, что я одна. (*Робенъ уходитъ.*) М-съ Пэджъ, припомните вашу роль.

М-съ Пэджъ. Отвѣщаю, что не испорчу ее; если не сыграю ее хорошо, освищите меня. (*Уходитъ.*)

М-съ Фордъ. За дѣло; отдѣляемъ, какъ слѣдуетъ, эту зловредную сырость, эту толстую водяную тыкву; мы научимъ его отличать горлицу отъ сои.

Входитъ Фальстафъ.

Фальстафъ. «Ужель ты мой, брильянтъ небесный?*) О, я готовъ умереть вѣдь эту минуту, потому что я довольно пожилъ Вотъ! предѣль моего честолюбія. О, блаженный часъ!

М-съ Фордъ. О, дорогой сэръ Джонъ!

Фальстафъ. М-съ Фордъ, я не умѣю льстить, я не мастеръ говорить, м-съ Фордъ. У меня теперь грѣшное пожеланіе: я хотѣлъ бы, чтобы твой мужъ умеръ. Я готовъ объявить самому знатнѣйшему лорду, что желалъ бы сдѣлать тебя своей леди.

М-съ Фордъ. Меня — вашей леди, сэръ Джонъ. Увы, изъ меня вышла бы очень жалкая леди!

Фальстафъ. Пусть самъ французскій дворъ покажетъ мнѣ подобную тебѣ. Твои глаза, я это вижу, посоперничаютъ съ алмазомъ. Къ твоимъ прелестнымъ дугообразнымъ бровямъ одинаково идетъ какъ прическа кораблемъ,**) такъ вообще всякая прическа по венеціанскому образцу.

М-съ Фордъ. Простой платокъ, сэръ Джонъ,

вотъ что идетъ къ моимъ бровямъ; пожалуй, и онъ слишкомъ хороши.

Фальстафъ. Говоря это, ты совершаешь преступленіе. Ты могла бы быть вполнѣ придворной дамой; самая твердая поступь твоей ноги придавала бы удивительную грацію твоимъ движеніямъ вѣдь полукруглыхъ физмахъ. Я знаю, чѣмъ могла бы ты быть, имѣя своимъ другомъ природу, если бы судьба не стала твоимъ врагомъ. Полно, не скрыть тебѣ того, чего нельзя скрыть.

М-съ Фордъ. Увѣряю васъ, во мнѣ нѣтъ ничего этого.

Фальстафъ. Но что-же побудило меня полюбить тебя? Моя любовь должна убѣдить тебя, что вѣдь тебѣ есть что-то необыкновенное. Я не умѣю льстить, я не стану говорить тебѣ, что ты такая-то и такая-то, подобно сююкающимъ франтамъ, похожимъ на женщинъ и пахнущимъ какъ аптекарская лавка вѣдь періодъ сбора свѣжей травы. Я не стану говорить этого, но скажу, что люблю тебя, люблю тебя одну и ты этого вполнѣ заслуживаешь.

М-съ Фордъ. Вы обманываете меня, сэръ; боюсь, что вы любите м-съ Пэджъ.

Фальстафъ. Это также вѣрно, если ты сказала, что я люблю прохаживаться подъ долговой тюрьмы, которая мнѣ столько же противна, сколько дымъ отъ обжигаемой извести.

М-съ Фордъ. Богу извѣстно, какъ я люблю васъ; наступить время, когда вы будете имѣть доказательство этому.

Фальстафъ. Не измѣняй этой любви, я буду достоинъ ея.

М-съ Фордъ. Вы и теперь ея достойны, иначе я не могла бы полюбить васъ.

Робенъ (за сценой). М-съ Фордъ! м-съ Фордъ! пришла м-съ Пэджъ; она вся вѣдь поту, запыхалась и выглядитъ совсѣмъ растерянной; она желаетъ тотчасъ же говорить съ вами.

Фальстафъ. Не хорошо, если она увидитъ меня здѣсь, я спрячусь за занавѣской.

М-съ Фордъ. И я прошу васъ, спрячьтесь; она извѣстная болтушка.

Фальстафъ прячется. *Входитъ М-съ Пэджъ и Робенъ.*

М-съ Фордъ. Что случилось?

М-съ Пэджъ. Ахъ, м-съ Фордъ, что вы сдѣлали? Вы обезчещены, уничтожены, погибли на вѣки.

М-съ Фордъ. Вѣдь чѣмъ дѣло, милая м-съ Пэджъ?

М-съ Пэджъ. Ради Бога, м-съ Фордъ, возможно ли, имѣя мужемъ честнаго человѣка, давать ему поводъ къ подозрѣнію?

М-съ Фордъ. Какой поводъ къ подозрѣнію?

М-съ Пэджъ. Стыдитесь спрапливать: какой поводъ! Какъ я ошибалась вѣдь васъ.

М-съ Фордъ. Боже мой! Но вѣдь чѣмъ дѣло?

М-съ Пэджъ. Вашъ мужъ, женщина, идетъ сюда со всѣми виндзорскими чиновниками отыскивать одного джентльмена, который, по его словамъ, находится вѣдь вашемъ домѣ, съ вашего согласія, съ цѣллю получить преступную выгоду отъ его отсутствія. Вы погибли!

М-съ Фордъ. Все это выдумка.

М-съ Пэджъ. Дай Богъ, чтобы это было такъ. Однакожъ, несомнѣнно то, что вашъ мужъ чуть не съ половиной Виндзора идетъ сюда отыскивать этого джентльмена. Я поспѣшила предупредить васъ. Если вы чувствуете себя невиноватой, я очень рада; но если у васъ тутъ спрятанъ другъ, выпрово-

*) Первая строка второй пѣсни поэмы Сиднея «Астрофель и Стедла».

**) Вѣдь проповѣди, произнесенные вѣдь Вайтголѣ вѣдь январѣ 1607 года, капеланъ короля Якова I слѣдующими словами порицать эксцентричность дамскаго туалета: «Мы видимъ на головѣ женщины корабль съ парусами, съ мачтами, съ палубой и люкомъ, украшенными знаменами и значками! Не прискроно-ли видѣть женщину, созданную по подобию Божиу, обезображенную безумными модами Франции и Испаніи».

дите его, выпроводите скорѣе. Не теряйтесь; прибѣгните къ вашему остроумію и защищите свою репутацію или скажите прости вашей счастливой жизни.

М-съ Фордъ. Что дѣлать? Здѣсь спрятанъ джентльменъ, мой дорогой другъ, и я не столько боюсь стыда, сколько страшусь угрожающей ему опасности. Я не пожалѣла бы и тысячи фунтовъ, только бы вывести его отсюда.

М-съ Пэджъ. Безстыдница! Оставьте вѣше «я не пожалѣла бы». Вашъ мужъ вѣдь двухъ шагахъ отсюда, подумайте, какъ бы вы проводить этого господина; вѣдь домъ немыслимо его спрятать. О, какъ вы обманули меня! Стойте! вотъ корзина; если онъ средняго роста, то какъ-нибудь помѣстится вѣйней; вы накроете его грязнымъ бѣльемъ, которое будто бы посыпаете вѣстрику. Теперь какъ разъ время стирки и пусть двое вашихъ лакеевъ снесутъ бѣлье на Детческій лугъ.

М-съ Фордъ. Онъ слишкомъ толстъ, пожалуй, не помѣстится. Что дѣлать?

Фальстафъ выходитъ.

Фальстафъ. Дайте, я посмотрю. Покажите, покажите. Я вѣзу, непремѣнно вѣзу. Помѣдите совѣту вашего друга. Я помѣщусь.

М-съ Пэджъ (тихо, ему). Какъ! Это сэръ Джонъ Фальстафъ! Какую же цѣну можно давать вашимъ письмамъ, рыцарь?

Фальстафъ (тихо). Я люблю тебя, люблю только одну тебя! Спаси меня! Надо лѣзть вѣкорзину. Впередъ никогда..

(Вѣзаетъ вѣкорзину. Дамы совершенно укрываютъ его грязнымъ бѣльемъ).

М-съ Пэджъ. Мальчуганъ, помогайте прикрыть вашего хозяина. Зовите вашихъ слугъ, м-съ Фордъ! Рыцарь, какой вы притворщикъ!

М-съ Фордъ. Эй, Джонъ, Робертъ, Джонъ!

Робенъ уходитъ. Входятъ Слуги.

М-съ Фордъ. Берите это бѣлье, да поскоѣ. Гдѣ шесть? Какъ вы копаетесь! Отнесите бѣлье къ прачкамъ на Детческій лугъ. Скорѣе, поворачивайтесь!

Входятъ Фордъ, Пэджъ, Кайюсъ и Эвансъ.

Фордъ. Прошу васъ, господа. Если мои подозрѣнія неосновательны, смѣйтесь надо мною, пусть я буду предметомъ общаго посмѣянія, я это заслуживаю. Куда вы тащите корзину?

Слуги. Къ прачкамъ.

М-съ Фордъ. Къ чему это понадобилось вамъ знать, куда несутъ они эту корзину. Не доставало только, чтобы вы стали вмѣшиваться вѣмъть бѣлья.

Фордъ. Мытье! мытье! О, если бы я могъ омыть мою честь! Ручаюсь вамъ, что на ней есть пятно, страшное пятно! Вы сейчасъ это увидите. (Лакеи уходятъ съ корзиной.) Сегодня, джентльмены, я видѣлъ сонъ; я рассказалъ вамъ его. Постойте, вотъ мои ключи; идите вѣмъ мои комнаты, ищите, переройте все сверху до низу; я вамъ ручаюсь, что мы вытравимъ лисицу. Но прежде я затворю выходную дверь. Теперь, приступимъ къ травлѣ.

Пэджъ. Любезный м-ръ Фордъ, успокойтесь, не то вы повредите самому себѣ.

Фордъ. Ваша правда, м-ръ Пэджъ. Но пойдемте, господа, то-то будетъ потѣха! Слѣдуйте за мною, господа. (Уходитъ.)

Эвансъ. Странная ревность и страхъ!

Кайюсъ. Чортъ возьми, это не по французски; во Франціи не ревнуютъ.

Пэджъ. Все-таки пойдемте за нимъ; посмотримъ, къ чему приведутъ его поиски.

Пэджъ, Кайюсъ и Эвансъ уходятъ.

М-съ Пэджъ. Не правда-ли, наша шутка вышла вдвоянѣ прелестной?

М-съ Фордъ. Не знаю, что для меня пріятнѣе: то-ли, что мужъ опростоволосился, или же то, что съ Фальстафомъ мы сыграли злую шутку.

М-съ Пэджъ. Воображаю, какая дрожь прбрала его, когда вашъ мужъ спросилъ, что такое вѣкорзинѣ.

М-съ Фордъ. Думаю, что ему не мѣшаетъ помыться; приказавъ бросить его вѣ воду, мы тѣмъ оказываемъ ему услугу.

М-съ Пэджъ. Очумѣй онъ проклятый негодяй! Того же желаю и всѣмъ подобнымъ ему мерзавцамъ.

М-съ Фордъ. Вѣроятно, мой мужъ какъ-нибудь узналъ, что Фальстафъ будетъ непремѣнно здѣсь; я никогда не видела его такимъ грубымъ вѣ ревности.

М-съ Пэджъ. Постараюсь разузнать объ этомъ. Съ Фальстафомъ намъ придется сыграть еще нѣсколько штукъ; сегодняшняго лѣкарства недостаточно для излеченія его распутной болѣзни.

М-съ Фордъ. Я думаю, не дурно будетъ послать къ нему эту дуру-бабу Куикли съ извиненіемъ отъ нашего имени за невольное купанье; а также подать ему надежду и онъ, конечно, снова попадетъ вѣ просакъ.

М-съ Пэджъ. Да, пошлемъ ее; пусть она скажетъ, что мы ждемъ его завтра вѣ восемь часовъ и онъ получитъ вознагражденіе за сегодняшнее.

Входятъ Фордъ, Пэджъ, Кайюсъ и сэръ Гугъ Эвансъ.

Фордъ. Не могу найти его; негодай, можетъ быть, хвастался тѣмъ, чего получить не могъ.

М-съ Пэджъ (тихо м-съ Фордъ). Слышите.

М-съ Фордъ. Честно поступаете вы со мною, м-ръ Фордъ?

Фордъ. Полагаю.

М-съ Фордъ. Да поможетъ вамъ небо сдѣлаться лучше, чѣмъ ваши мысли.

Фордъ. Аминь.

М-съ Пэджъ. Вы вредите самому себѣ, м-ръ Фордъ.

Фордъ. Да, да, но я же и буду страдать за это.

Эвансъ. Если спрятанъ кто-нибудь вѣ этомъ домѣ, вѣ комнатахъ, вѣ сундукахъ, вѣ шка-пахъ, пусть небо проститъ мнѣ мои прегрѣшенія вѣ день послѣдняго суда!

Кайюсъ. Чортъ побери, и я согласенъ съ вами. Здѣсь нѣть никого.

Пэджъ. Фи, фи, м-ръ Фордъ! Стыдитесь! Какой злой духъ, какой демонъ напечталъ вамъ такой вздоръ? За всѣ богатства виндзорскаго замка я не хотѣлъ бы имѣть болѣзнь, подобную вашей.

Фордъ. Это мое несчастье, м-ръ Пэджъ; я сильно страдаю.

Эвансъ. Вы несете страданіе за нечистоту вашей совѣсти. Ваша жена — честная женщина; такой не отыщешь между пятью тысячами и еще пятьюстами женщинъ.

Кайюсъ. Чортъ возьми, слишкомъ очевидно, что она честная женщина.

Фордъ. Хорошо. Я обѣщаю угостить васъ обѣдомъ. Пойдемте прежде прогуляться вѣ паркѣ. Прошу извинить меня, послѣ я объясню, почему я дѣйствовалъ такимъ образомъ. Пойдемъ, жена. Идите, м-съ Пэджъ. Извините меня, убѣдительно прошу, извините меня.

Пэджъ. Пойдемте, господа, но вѣрьте мнѣ, намъ слѣдуетъ хорошо посмѣяться надъ нимъ. Приглашаю васъ завтра утромъ къ себѣ на завтракъ; а послѣ завтрака мы всѣ отправимся на птичью охоту: у меня отличный соколъ для лѣсной охоты. Согласны?

Фордъ. Будь по вашему.

Эвансъ. Есть одинъ соколъ, я составлю къ нему пару.

Кайюсъ. Есть одинъ и другой, я прибавлю третьяго.

Фордъ. Идемъ, м-ръ Пэджъ.

Эвансъ (Кайюсу). Прошу васъ, припомните завтра обѣ этомъ вшивомъ плутѣ, хозяинъ гостиницы «Подвязка».

Кайюсъ. Я-то не забуду, чортъ бы его побралъ.

Эвансъ. Вшивый плутѣ! Онъ осмѣлился позволить себѣ насмѣшки и издѣвателства надъ нами.

Уходятъ.

СЦЕНА IV.

Комната вѣ домѣ Пэджа.

Входятъ Фентонъ и Анна Пэджъ.

Фентонъ.

Нѣть, ужъ любви у твоего отца
Я не добьюсь, какъ видно; перестань же
Меня къ нему все отсылать, мой другъ.

Анна.

Что-жъ дѣлать памъ?

Фентонъ.

Ты собственную волю
Должна имѣть. Онъ говоритъ, что я
По своему рожденью слишкомъ знатѣнъ,
Что, будто бы, разстроивъ мотовствомъ
Отцовское наслѣдство, я желаю
Поправиться на ваши деньги. Онъ
Сверхъ этого находится и другія
Препятствія: прошедшія мои
Дурачества, безпутныя знакомства,
И говорить, что я тебя люблю
Не иначе, какъ славное наслѣдство.

Анна.

Онъ, можетъ быть, и правду говоритъ.

Фентонъ.

О, вѣть, клянусь всѣмъ счастьемъ, что отъ неба
Я жду себѣ. Не скрою отъ тебя,
Что твоего отца богатство было
Мнѣ первымъ побужденiemъ къ сватовству;
Но сблизившись съ тобой, я убѣдился,
Что ты цѣнѣй всѣхъ золотыхъ монетъ,
Всѣхъ сундуковъ съ червонцами — и только
Къ сокровищамъ, таящимся вѣ тебѣ,
Стремлюсь теперь!

Анна.

Но все таки старайтесь,
Чтобъ мой отецъ васъ полюбилъ, Фентонъ,—
Старайтесь постоянно. Если-жъ просбы
Покорныя, настойчивыя къ цѣли
Не приведутъ — тогда... Сюда идуть!
(Отходятъ вѣ сторону.)

Входятъ Шалло, Слендеръ и м-съ Куикли.

Шалло. Прервите ихъ бесѣду, м-съ Куикли; мой родственникъ будетъ говорить самъ за себя.

Слендеръ. Выпущу одну или двѣ стрѣлы
только для опыта.

Шалло. Не пугайся.

Слендеръ. Я и не пугаюсь ея; не это меня
безпокоитъ, но я боюсь.

М-съ Куикли (Аннѣ). Слушайте. М-ръ Слендеръ хочетъ поговорить съ вами.

Анна.

Иду. (Вѣ сторону.)
Вотъ кто отцемъ мнѣ выбралъ!
О, сколько гадкихъ, безобразныхъ свойствъ
Прикрашены доходомъ вѣ триста фунтовъ!

М-съ Куикли. Какъ ваше здоровье, мой добрый м-ръ Фентонъ? Прошу васъ на одно слово,

Шалло. Она подошла. Впередъ, племянникъ! Другъ мой, у тебя былъ отецъ!

Слендеръ. У меня былъ отецъ, мистрисъ Анна. Мой дядя можетъ разсказать вамъ о

многихъ его штукахъ. Прошу васъ, дядя, разскажите мистрись Аннѣ, какъ однажды мой отецъ стянуль двухъ гусей изъ курятника.

Шалло. Мистрись Анна, мой племянникъ любить васъ.

Слендеръ. Да, да, люблю; столько же люблю, сколько и всякую другую женщину въ Глостершайрѣ.

Шалло. Онъ будетъ содержать васъ, какъ даму.

Слендеръ. Да, да, я буду жить, какъ живетъ всякий длино или короткохвостый, званиемъ ниже эсквайра.

Шалло. Онъ обезпечить вамъ долю въ стопятьдесятъ фунтовъ.

Анна. Любезный м-ръ Шалло, пусть м-ръ Слендеръ объяснится самъ.

Шалло. Благодарю васъ; истинно благодарю за такое ободреніе. Она призываетъ васъ, племянникъ; я васъ оставлю.

Анна. Что же, м-ръ Слендеръ?

Слендеръ. Что же, моя добрая, мистрись Анна?

Анна. Какова ваша воля?

Слендеръ. Моя воля! Хвала Господу! Вотъ, по истинѣ, веселая шутка! Благодаря Господу, мнѣ не зачѣмъ еще думать о моей волѣ; мое здоровье какъ нельзя лучше.

Анна. Я хотѣла спросить васъ, м-ръ Слендеръ, чего вы отъ меня хотите?

Слендеръ. Собственно я съ своей стороны не желаю ничего или почти ничего. Вашъ отецъ и мой дядя заботятся обо мнѣ; если мое дѣло выгоритъ—хорошо; не выгоритъ—ну, я пожелаю удачи тому, кто будетъ предпочтѣнъ. Они лучше, чѣмъ я, могутъ объяснить вамъ, на чѣмъ остановилось дѣло. Спросите у вашего отца; вотъ онъ идетъ.

Входитъ Пэджъ и м-съ Пэджъ.

Пэджъ.

А, Слендеръ здѣсь!—Люби его, дочь Анна! А это что? Фентонъ зачѣмъ у насъ? Мнѣ частые визиты ваши, сэръ, Ужасно непрѣятны. Я вѣдь вамъ Уже сказалъ, что отдалъ дочь другому.

Фентонъ.

Прошу васъ не сердиться, м-ръ Пэджъ.

М-съ Пэджъ.

Да, сэръ Фентонъ, пожалуйста, оставьте Мое дитя.

Пэджъ.

Она не пара вамъ.

Фентонъ.

Позвольте мнѣ два слова вамъ сказать.

Пэджъ.

Нѣтъ, сэръ Фентонъ. Пойдемте, м-ръ Шалло. (Слендеру.) Пойдемъ, мой сынъ.—Рѣшеніе мое Извѣстно вамъ и потому обиды Мнѣ ваши предложенія, сэръ Фентонъ.

Пэджъ, Шалло и Слендеръ уходятъ.

М-съ Куикли. Потолкуемте съ м-съ Пэджъ.

Фентонъ.

О, м-съ Пэджъ, я вашу дочь такъ чисто И искренно люблю, что не смотря На всѣ эти препятствія, отказы, Не удалось и флагъ моей любви Не опушту. Молю васъ снова—дайте Согласье мнѣ.

Анна.

О, матушка моя,
Не отдавайте этому болвану
Моей руки.

М-съ Пэджъ.

Да я и не хочу;
Нашла тебѣ я партію получше.

М-съ Куикли. Моего хозяина, м-ра доктора.

Анна.

О, Господи! Ужь лучше пусть меня

Живой зароютъ въ землю, или рѣпой
Забьютъ на смерть.

М-съ Пэджъ.

Ну, полно, не тревожься.
Любезный сэръ Фентонъ, не буду я
Ни другомъ вамъ, ни педругомъ; я дочь
Пораспрошу, лѣтѣтельникою ею
Любимы вы, и съ чувствами ея
Свое расположенье согласую.
Покамѣстъ же прощайте—надо ей
Идти туда; отецъ сердиться станетъ.

Фентонъ.

Прощайте, Нанъ; прощайте, м-съ Пэджъ.

Анна и м-съ Пэджъ уходятъ.

М-съ Куикли. Это все я, я устроила. «Нежели, сказала я, вы рѣшились, м-съ Пэджъ бросить вашу дочь этому дураку или этому доктору. Возьмите лучше м-ра Фентона». Да, эта моя работа.

Фентонъ.

Благодарю—и передать прошу
Сегодня вотъ этотъ перстень
Прекрасной Нанъ. Вотъ и тебѣ за трудъ.

(*Уходитъ.*)

М-съ Куикли. Дай тебѣ Господи всяческаго успѣха! У него доброе сердце; за такое доброе сердце женщина готова будетъ пойти въ огонь и въ воду. Но, что дѣлать, я должна желать, чтобы мистрись Анна досталась моему хозяину; или нѣтъ, кажется, я хочу, чтобы она досталась м-ру Слендеру; совсѣмъ не то, мое желаніе, чтобы ее взялъ м-ръ Фентонъ. Я сдѣлаю все, что могу, для всѣхъ троихъ; потому что я всѣмъ имъ обѣщала и сдержу свое слово. Но больше всего я буду хлопотать за м-ра Фентона. Хороша я, нечего сказать! Я и забыла, что имъ порученіе отъ двухъ мистрись къ сэру Джону Фальстафу и прохладаюсь здѣсь; этакая я дура! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА V.

Комната въ гостиннице «Подвязка».

Входитъ Фальстафъ и Бардольфъ.

Фальстафъ. Бардольфъ, иди сюда!

Бардольфъ. Къ вашимъ услугамъ, сэръ.

Фальстафъ. Принеси мнѣ квартиру вина, да захвати и поджаренного хлѣба. (*Бардольфъ уходитъ.*) Столько времени я прожилъ и для чего? Чтобы меня, точно негодные обрѣзки мяса на бойнѣ, навалили въ корзину и бросили въ Темзу. Ну, если я позволю еще разъ сыграть съ собою подобную штуку, пусть у меня вырѣжутъ мозгъ, изжарятъ его въ маслѣ и отдадутъ собакѣ вмѣсто подарка на новый годъ. Каковы подлецы! Безъ всякаго зазрѣнія совѣсти они бросили меня въ воду, точно имъ приходилось топить пятнадцать слѣпыхъ щенятъ. А по моему тѣлосложенію вы можете судить, въ какой степени я обладаю способностью идти ко дну; будь оно глубиною до самаго ада я и тогда достигъ бы его. Я бы и теперь потонулъ, еслибы рѣка въ этомъ мѣстѣ была болѣе глубока и не имѣла каменистаго dna. Такая смерть мнѣ противна; вода раздуваетъ человѣка. Какова фигура получилась бы изъ меня, если бы меня еще раздуло! Изъ меня образовалась бы цѣлая гора!

Входитъ Бардольфъ съ виномъ.

Бардольфъ. Сэръ, пришла м-съ Куикли и желаетъ видѣть васъ.

Фальстафъ. Прежде всего добавимъ немногого вина въ воду изъ Темзы. Мой желудокъ замерзъ, точно я глоталъ пилюли изъ снѣга для охлажденія своихъ внутренностей. Зови ее.

Бардольфъ. Ступайте сюда, женщина.

Входитъ М-съ Куикли.

М-съ Куикли. Съ вашего позволенія... Прошу извинить... Позвольте пожелать доброго утра вашей милости.

Фальстафъ. Унеси эти сосуды и вскипяти мнѣ какъ можно лучше кувшинъ вина.

Бардольфъ. Съ яйцами, сэръ?

Фальстафъ. Безъ всякой примѣси. Я не желаю имѣть въ моемъ напиткѣ зарождающагося цыпленка. А ты что скажешь?

Бардольфъ уходитъ.

М-съ Куикли. Меня прислала къ вашей милости м-съ Фордъ.

Фальстафъ. М-съ Фордъ! Будетъ съ меня волны *); меня бросили на произволъ волнъ; въ моемъ брюхѣ ходятъ волны.

М-съ Куикли. Увы мнѣ! Она, голубка, не виновата. Послушали бы вы, какъ она бранила лакеевъ за то, что они взяли не то «управление».

Фальстафъ. Какъ и я, повѣривъ обѣща-ніямъ безумной женщины.

М-съ Куикли. Ахъ, сэръ, у васъ разорвалось бы сердце, еслибы вы увидѣли ея горесть! Ея мужъ сегодня утромъ отправляется на птичью охоту и она проситъ васъ еще разъ прийти, между восемью и девятью часами. Мнѣ поручено какъ можно скорѣе пристроить отвѣтъ. Вѣрьте, она вознаградитъ васъ.

Фальстафъ. Хорошо, я приду къ ней. Скажи ей это и посовѣтуй обсудить, что такое человѣкъ, какъ хрупка человѣческая натура, а эти мысли побудятъ ее воздать должную цѣну моему достоинству.

М-съ Куикли. Все это я передамъ ей.

Фальстафъ. Непремѣнно передай. Между восемью и девятью.

М-съ Куикли. Между восемью и девятью.

Фальстафъ. Хорошо. Ступай. Я не опаздою.

М-съ Куикли. Да будетъ миръ съ вами, сэръ.

(*Уходитъ.*)

Фальстафъ. Удивляюсь, что это не видать м-ра Брука; онъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я ожидалъ его. Мнѣ нравится его деньги. А вотъ и онъ.

Входитъ Фордъ.

Фордъ. Благослови васъ Богъ, сэръ!

Фальстафъ. Ну, м-ръ Брукъ, вы пришли, узнать, что произошло между мною и женою Форда?

Фордъ. Ваша правда, сэръ Джонъ, я привелъ за этимъ.

Фальстафъ. М-ръ Брукъ, не хочу лгать вамъ; я былъ у нея въ назначенный часъ.

Фордъ. И вы добились, чего желали?

Фальстафъ. Дѣло вышло дрянь, м-ръ Брукъ.

Фордъ. Какъ же это, сэръ? Измѣнила она свое намѣреніе?

Фальстафъ. Нѣтъ, м-ръ Брукъ. Но проклятый рогоносецъ, ея мужъ, вѣчно обуревающий ревностью, возвратился какъ разъ во время нашего свиданія, когда мы едва еще успѣли обняться, поцѣловаться и размѣняться клятвами въ любви,—въ то время, когда мы только-что окончили прологъ къ нашей комедіи. Съ нимъ вмѣстѣ пришла шайка его друзей, которымъ онъ сообщилъ свою свирѣпость; всѣ они пришли за тѣмъ, чтобы обыскать весь домъ и найти любовника его жены.

Фордъ. Какъ! въ то самое время когда вы были тамъ?

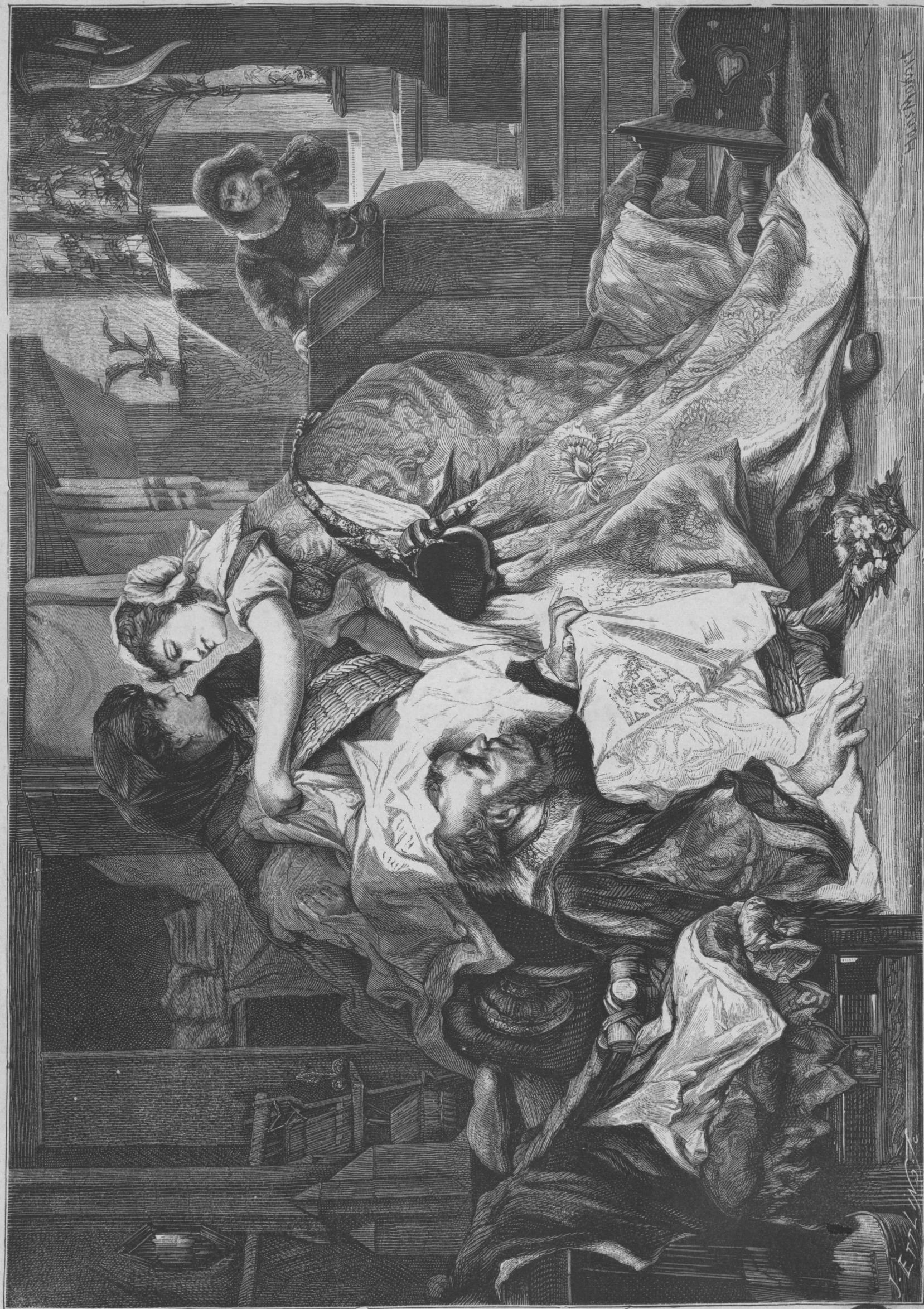
Фальстафъ. Да, именно въ то время когда я былъ тамъ.

Фордъ. И онъ искалъ васъ и не могъ найти?

Фальстафъ. Сейчасъ узнаете. Къ счастію,

* Здѣсь игра словъ: *ford* означаетъ «волна».

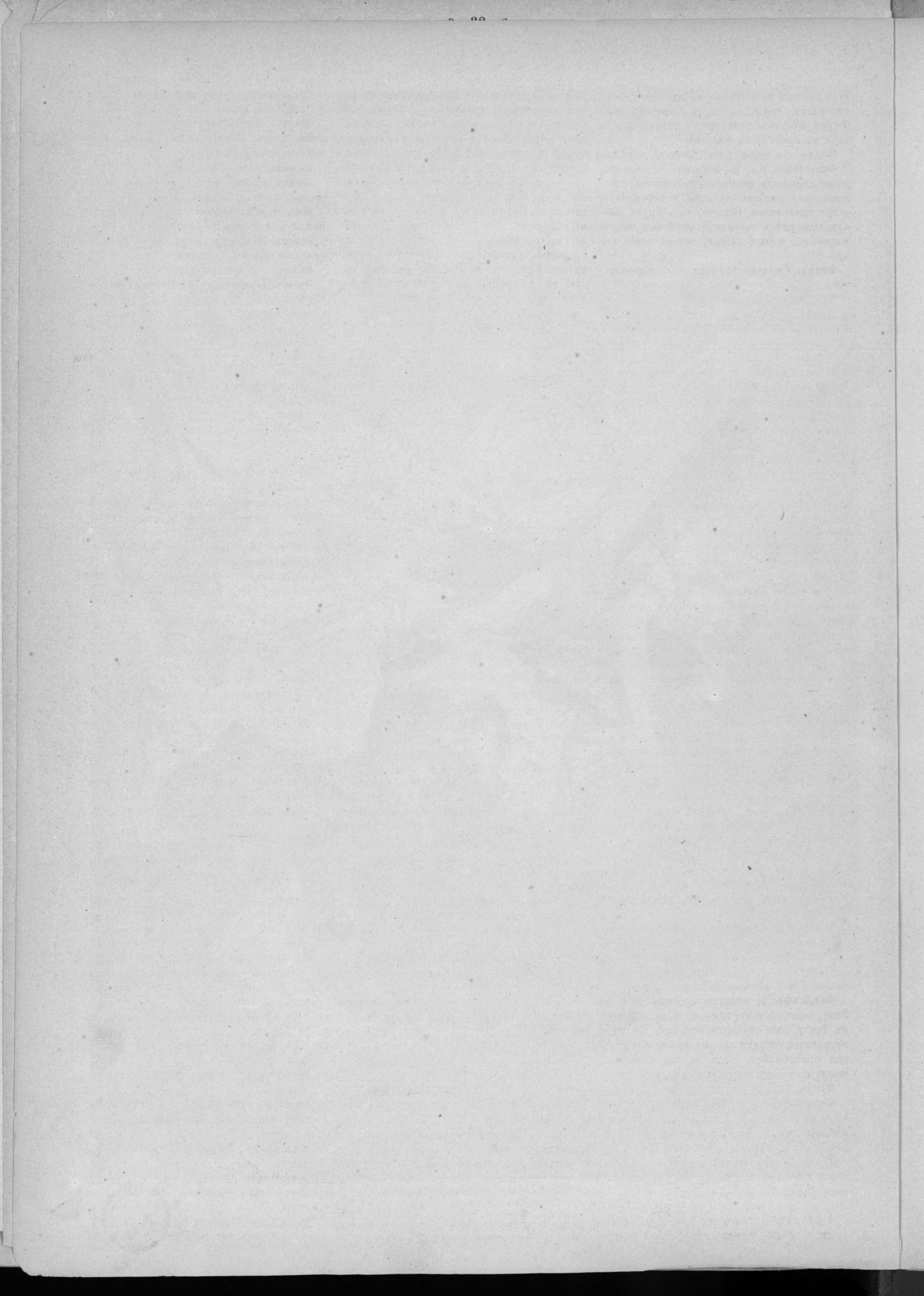
РИСУНОК Г. МАКАРДА.

ФАЛЬСТАФЪ ВЪ КОРЗИНѢ СЪ БЪЛЪЕМЪ.

Рѣзаль на деревѣ Етлингъ.

туда пришла м-съ Пэджъ и дала намъ знать, что идетъ Фордъ; по ея предложеню, жена Форда, совсѣмъ потерявшая голову, сунула меня въ корзину съ бѣльемъ.

Фордъ. Въ корзину съ бѣльемъ!

Фальстафъ. Да, въ корзину съ бѣльемъ! Меня прикрыли грязными рубашками и юбками, заношенными чулками и перепачканными салфетками. Все это, м-ръ Брукъ, производило смѣсь отвратительнѣйшаго запаха, когда-либо оскорблявшаго человѣческія ноздри.

Фордъ. Сколько времени вы оставались такъ.

Фальстафъ. Разскажу все по порядку и вы увидите, сколько я вытерпѣлъ, желая склонить эту женщину къ грѣху для вашего блага. Когда меня упаковали въ корзину, м-съ Фордъ призвала двухъ лакеевъ своего мужа и приказала этимъ негодяямъ отнести меня, какъ грязное бѣлье, на Детчетскій лугъ. Они подняли меня на свои плечи и понесли, но въ дверяхъ встрѣтились съ мерзкимъ ревнивцемъ, ихъ хозяиномъ; онъ спросилъ ихъ разъ или два, что несутъ они въ корзинѣ? Я дрожалъ отъ страха, что этотъ низкій лунатикъ вздумаетъ осмотрѣть корзину; но судьба, повелѣвающая ему быть на вѣчныя времена рогоносцемъ, удержала его руку. Хорошо. Онъ пошелъ на свои поиски, а меня вынесли въ видѣ грязнаго бѣлья. Но слушайте, м-ръ Брукъ, что было дальше. Я выносила агонію трехъ различныхъ смертей: прежде всего нестерпимый страхъ, что меня откроетъ этотъ ревнивый вонючий баранъ, потомъ мученіе лежать въ скрюченномъ положеніи, на манеръ бильбаоскаго клинка, въ пространствѣ, пригодномъ для какого-нибудь гарнца, такъ что голова моя сходилась съ пятками; наконецъ, мучительная укупорка меня, точно крѣпкаго спирта, въ вонючемъ бѣльѣ, которое разлагалось въ своемъ салѣ! Подумайте, какія муки долженъ былъ выносить человѣкъ моего тѣлосложенія. Представьте вы себѣ это! Всё это приходилось терпѣть мнѣ, на котораго жаръ дѣйствуетъ, какъ на масло! Во мнѣ происходилъ непрерывное растапливанье, вѣчное таяніе! Надо приписать чуду, что я не задохся. И въ то самое время, когда жаръ этой бани дошелъ до крайняго предѣла; когда я, подобно голландскому жаркому, на половину изжарился въ собственномъ жирѣ, меня бросили въ Темзу и мое разгоряченное тѣло охладили въ водѣ, точно лошадиную подкову. Каково! Разгоряченного вспотѣвшаго?.. Представьте себѣ это, м-ръ Брукъ.

Фордъ. Отъ чистаго сердца скажу вамъ, сэръ, мнѣ непріятно, что вы претерпѣли столько изѣ-за меня. Слѣдовательно, мнѣ нечего болѣе надѣяться. Разумѣется, вы не захотите болѣе дѣлать попытки у нея?

Фальстафъ. Я позволю бросить себя въ Этну, подобно тому, какъ я былъ брошенъ въ Темзу, если откажусь отъ нея. Ея мужъ отправился сегодня утромъ на птичью охоту; она приглашаетъ меня на новое свиданіе между восемью и девятью часами, м-ръ Брукъ.

Фордъ. Теперь уже восемь часовъ, сэръ.

Фальстафъ. Вотъ какъ! Значитъ, мнѣ пора идти на свиданіе. Приходите ко мнѣ, когда найдете это удобнымъ и вы услышите о момъ успѣхѣ; вѣрьте, дѣло окончится тѣмъ, что она будетъ вашей. Adieu! Она будетъ ваша, м-ръ Брукъ; м-ръ Брукъ, вы наставите рога Форду.

(Уходитъ.)

Фордъ. Гм! Гм! Что это? Видѣніе? Сонъ? Сплю я? М-ръ Фордъ, проснитесь! проснис-

тесь, м-ръ Фордъ! Въ вашемъ лучшемъ пла-тьѣ образовалась прорѣха, м-ръ Фордъ. Вотъ что значить быть женатымъ! Вотъ что значить имѣть бѣлье и корзины для грязнаго бѣлья! Хорошо, узнаете теперь вы всѣ, какъ я! Этотъ негодай не уйдетъ отъ меня; онъ въ моемъ домѣ, я захвачу его, спаситься ему невозможно; не можетъ же онъ спрятаться въ копелекъ для мелкихъ денегъ или въ перечницу. Теперь я обыщу вездѣ, даже въ самыхъ невозможныхъ мѣстахъ и его по-кровитель дьяволъ не поможетъ ему увернуться. Если я не могу избѣгнуть моей участіи, то, по крайней мѣрѣ, эта ненавистная мнѣ участіе не сломитъ меня. Если я долженъ носить рога, доводящіе меня до бѣшенства, то и я буду бѣшенъ, какъ рогатый звѣрь, и этимъ оправдаю народную поговорку.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица.

Входитъ м-съ Пэджъ, м-съ Куики и Вильямъ Пэджъ.

М-съ Пэджъ. Какъ по твоему, теперь онъ уже у м-съ Фордъ?

М-съ Куики. Тамъ или сейчасъ придетъ. Но онъ въ страшномъ гнѣвѣ за то, что его бросили въ воду. М-съ Фордъ просить васъ пожаловать къ ней немедленно.

М-съ Пэджъ. Я не опаздаю, но прежде я должна проводить своего мальчика въ школу. А, вотъ идеть его учитель, значитъ, сегодня дѣтскимъ праздникъ.

Входитъ сэръ Гугъ Эвансъ.

Сегодня вѣрно не учатся въ школѣ, сэръ Гугъ?

Эвансъ. Нѣтъ, м-ръ Слендеръ уговарилъ меня позволить мальчуганамъ играть сегодня.

М-съ Куики. Благослови его Богъ!

М-съ Пэджъ. Мой мужъ, сэръ Гугъ, находитъ, что нашъ мальчикъ плохо успѣваетъ въ школѣ. Прошу васъ, задайте ему нѣсколько вопросовъ изъ латинской книги.

Эвансъ. Подойдите ко мнѣ, Вильямъ, и смотрите мнѣ въ глаза.

М-съ Пэджъ. Подойди мальчикъ, подыми голову и отвѣчай твоему учителю; не бойся.

Эвансъ. Вильямъ, сколько чиселъ?

Вильямъ. Два.

М-съ Куики. Вотъ тебѣ разъ, а я всегда думала, что ихъ гораздо больше; говорятъ же: двадцатое число, двадцать пятое.

Эвансъ. Перестаньте болтать. Какъ по латыни «прекрасный», Вильямъ?

Вильямъ. Pulcher.

М-съ Куики. Куры! *) да неужто же куры самыя прекрасныя изъ всего, что есть на свѣтѣ?

Эвансъ. Вы не разсудительная женщина! Прошу васъ, молчите. Какъ перевести lapis, Вильямъ?

Вильямъ. Камень.

Эвансъ. А что такое камень, Вильямъ?

Вильямъ. Голышъ.

Эвансъ. Нѣтъ, это lapis. Пожалуйста, зазубрите это въ свое мозгу.

Вильямъ. Lapis.

Эвансъ. Хорошо, Вильямъ. Скажите, откуда исходятъ члены?

Вильямъ. Члены исходятъ отъ мѣстоимѣній;

они склоняются такъ: singulariter, nominativo, hic, haec, hoc.

Эвансъ. Nominativo, hic, hag, hog. Будьте внимательны! Genitivo, hujus. Хорошо, а какъ винительный падежъ?

Вильямъ. Accusativo, hinc.

Эвансъ. Прошу васъ, дитя, запомните, что accusativo, hing, hang, hog.

М-съ Куики. Вотъ-то тарабарщина; такъ, пожалуй, и языкъ переломаешь.

Эвансъ. Женщина, не болтайте. Какъ звателійный падежъ, Вильямъ?

Вильямъ. O, vocativo. O!

Эвансъ. Припомните хорошенъко, Вильямъ, звателійный — caret.

М-съ Куики. И очень хороший корень.

Эвансъ. Женщина, молчите!

М-съ Пэджъ. Молчите!

Эвансъ. Какъ родительный падежъ множественного числа, Вильямъ.

Вильямъ. Родительный падежъ?

Эвансъ. Да

Вильямъ. Genitivo horum, harum, horum.

М-съ Куики. Женни! Стыдъ какой! Не говори о ней, мальчикъ. Она известная потаскуха.

Эвансъ. Женщина, и вамъ не стыдно говорить такъ.

М-съ Куики. Стыдно не мнѣ, а вамъ учить ребенка такимъ вещамъ. Не годится ему знать о такихъ дѣвкахъ. Стыдъ вамъ!

Эвансъ. Женщина, ты бредишь! Ты не имѣешь никакого понятія о падежахъ, чи-слахъ и родахъ. Ты глупѣйшее созданіе изъ всѣхъ христіанокъ, какихъ только мнѣ приходилось встречать.

М-съ Пэджъ. Прошу тебя, помолчи.

Эвансъ. Теперь, Вильямъ, обратимся къ склоненіямъ мѣстоимѣній.

Вильямъ. Честное слово, я забылъ.

Эвансъ. Qui, quae, quod, а если забудете quies, quaes и quods будете наказаны. Теперь ступайте играть.

М-съ Пэджъ. Онъ больше знаетъ, чѣмъ я думала.

Эвансъ. У него хорошая память. До свиданія, м-съ Пэджъ.

М-съ Пэджъ. До свиданія, добрый сэръ Гугъ. (Эвансъ уходитъ.) Ступай домой, дитя. (М-съ Куики) Пойдемъ и мы, не то опоздаемъ.

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Форда.

Входитъ Фальстафъ и М-съ Фордъ.

Фальстафъ. Ваше горе пожрало мои страданія. Я вижу, какъ сильна ваша любовь и сочту своей обязанностью отплатить за нее съ такой же точно силой и не только, м-съ Фордъ, простымъ долгомъ любви, но и во всѣхъ ея принадлежностяхъ, дополненіяхъ и обрядахъ. Но скажите,увѣрены вы теперь въ вашемъ мужѣ?

М-съ Фордъ. Онъ на птичей охотѣ, мильный сэръ Джонъ.

М-съ Пэджъ (за сценой). Гола, кумушка Фордъ! Гола!

М-съ Фордъ. Войдите въ эту комнату, сэръ Джонъ.

Фальстафъ уходитъ. *Входитъ М-съ Пэджъ.*

М-съ Пэджъ. Здравствуйте, дорогая! Кто это съ вами?

М-съ Фордъ. Въ домѣ нѣтъ никого, кроме прислуги.

М-съ Пэджъ. Правда?

М-съ Фордъ. Конечно. (Tuxo.) Говорите промче.

М-съ Пэджъ. Правду сказать, я очень рада, что у васъ никого нѣтъ.

*) М-съ Куики, основываясь на иѣкоторомъ со-звучіи словъ, приняла «pulcher» за poulcots — куры. Къ негодованію почтеннаго педагога, она во время экзамена нѣсколько разъ прерывала его своими замѣчаніями, обманываясь созвучiemъ словъ.

М-съ Фордъ. Отчего же?

М-съ Пэджъ. Оттого, моя милая, что на ваншего мужа снова нашел припадок ревности. Онъ тамъ съ моимъ мужемъ, кричить на всю улицу, ратуя противъ всего женатаго человѣчества; онъ проклинаетъ всѣхъ дочерей Евы, не дѣлая ни для одной исключенія; онъ бьетъ себя по лбу и ореть «сверлите, сверлите!» Не мало бѣснующихся видѣла я на своемъ вѣку, но всѣ они, по сравненію съ свирѣпостью вашего мужа, сама кротость, вѣжливость и терпѣніе. Какъ я рада, что толстаго рыцаря здѣсь нѣть.

М-съ Фордъ. Какъ! Мужъ говорилъ о немъ?

М-съ Пэджъ. А то о комъ же? О немъ. Вашъ мужъ клянется, что въ тотъ разъ, когда онъ обыскивалъ домъ, рыцаря унесли въ корзинѣ; онъ увѣряетъ моего мужа, что рыцарь здѣсь, и увелъ его и всѣхъ другихъ охотниковъ съ охоты, прося ихъ сдѣлать новый опытъ для удостовѣренія правильности его подозрѣній. Очень рада, что рыцаря здѣсь нѣть. Вашъ мужъ убѣдится въ своемъ безумствѣ.

М-съ Фордъ. Далеко онъ отсюда, м-съ Пэджъ?

М-съ Пэджъ. Близко, въ сѣдней улицѣ; онъ сейчасъ будетъ здѣсь.

М-съ Фордъ. Я погибла! Рыцарь здѣсь!

М-съ Пэджъ. Въ такомъ случаѣ вы совершенно обезещены, а онъ—мертвый человѣкъ. Какая, однажды, вы легкомысленная женщина! Пусть онъ уйдетъ, скорѣе уйдетъ. Лучше срамъ, чѣмъ смертоубийство.

М-съ Фордъ. Да какъ же онъ уйдетъ! Какъ его спасти! Если опять уложить его въ корзину...

Входитъ Фальстафъ.

Фальстафъ. Ни за что въ корзину! Развѣ я не могу уйтти раньше, чѣмъ онъ придетъ.

М-съ Пэджъ. Увы! Три брата м-ра Форда стоять у дверей съ пистолетами, сторожа, чтобы никто не могъ выйти изъ дома. Не будь этого, вы могли бы пробраться раньше, чѣмъ онъ придетъ. Что-же вы ничего не дѣлаете?

Фальстафъ. Что же мнѣ дѣлать? Я полѣзу въ каминъ.

М-съ Фордъ. Тамъ они обыкновенно разряжаютъ свои пистолеты. Лучше ужъ въ печь.

Фальстафъ. Гдѣ она?

М-съ Фордъ. Нѣтъ, я увѣрена, и тамъ онъ станетъ искать васъ. Онъ хорошо помнить каждый шкафъ, ящикъ, сундукъ, подвалъ, колодезь въ нашемъ домѣ и непремѣнно будетъ осматривать. Рѣшительно нигдѣ въ домѣ нельзя спрятать васъ.

Фальстафъ. Тогда лучше я выйду.

М-съ Пэджъ. Выйдете вы въ своемъ видѣ, сэръ Джонъ,—и вы умерли. Надо вамъ преодѣлиться.

М-съ Фордъ. Но какъ же можемъ мы преодѣлиться его?

М-съ Пэджъ. Увы! не придумаю. При его толщинѣ на него не натянешь никакого женскаго платья; надѣвъ шляпку, плащъ и закрывшись вуалью, онъ легко могъ бы уйтти.

Фальстафъ. Придумайте что-нибудь, добрыя сердца, всякое крайнее средство лучше убийства.

М-съ Фордъ. Тетка моей горничной, толстуха изъ Брентфорда, оставила на верху свое платье.

М-съ Пэджъ. Право, оно будетъ ему впору; она такъ же толста, какъ и онъ; тамъ же, кажется, ея мѣховая шапка и плащъ. Скорѣй идите туда, сэръ Джонъ.

М-съ Фордъ. Поторопитесь, милый сэръ Джонъ, поторопитесь! Мы же съ м-съ Пэджъ, поищемъ платка вамъ на голову.

М-съ Пэджъ. Скорѣе, скорѣе! Мы сейчасъ придемъ одѣть васъ; а пока надѣвайте платокъ.

Фальстафъ уходитъ.

М-съ Фордъ. Хотѣла бы я, чтобы мужъ встрѣтилъ его переодѣтымъ; онъ не можетъ выносить брендфордской старухи; онъ клянется, что она колдунья; онъ запретилъ ейходить къ намъ, угрожая, что прибѣть ее, если она явится сюда.

М-съ Пэджъ. Да подведетъ его небо подъ палку твоего мужа, а потомъ пусть дьяволъ управляетъ этою палкою.

М-съ Фордъ. Въ самомъ дѣлѣ сюда идетъ мой мужъ?

М-съ Пэджъ. Идетъ. Онъ разсказывалъ исторію съ корзиной; откуда онъ узналъ ее.

М-съ Фордъ. Мы разъяснимъ это; я прикажу слугамъ опять понести корзину и устроить такъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ въ дверяхъ, какъ въ тотъ разъ.

М-съ Пэджъ. Онъ сейчасъ придетъ сюда. Пойдемъ превращать рыцаря въ брендфордскую колдунью.

М-съ Фордъ. Я прежде объясню слугамъ, что они должны дѣлать съ корзиной. Ступайте на верхъ; я сейчасъ принесу платокъ.

(Уходитъ.)

М-съ Пэджъ. Очумѣй онъ, безсовѣстный! Какое бы наказаніе ему мы ни придумали, все для него будетъ мало.

Докажемъ мы теперь, что можно потѣшаться И вмѣстѣ честною женой оставаться; Мы зла не дѣлаемъ; смеяться жъ не бѣда: Вѣдь «въ тихомъ омутѣ чортъ водится всегда».

М-съ Пэджъ уходитъ. **М-съ Фордъ возвращается съ двумя Слугами.**

М-съ Фордъ. Еще разъ возьмите корзину себѣ на плечи; хозяинъ сейчасъ придетъ; если онъ велитъ поставить ее на полъ—ставьте. Помните, что я сказала.

(Уходитъ.)

Первый слуга. Подымай, что-ли!

Второй. Дай Господи, чтобы на этотъ разъ въ ней не лежалъ рыцарь.

Первый. Кажись, не лежитъ; лучше нести свинецъ, чѣмъ его.

Входятъ Фордъ, Пэджъ, Шалло, Кайюсъ и Эвансъ.

Фордъ. Да, а если я докажу вамъ, м-ръ Пэджъ, что я правъ, чѣмъ удовлетворите вы меня за ваши насмѣшки надо мною? На полъ корзину, негодяя! Позовите жену! Сорванецъ здѣсь, въ корзинѣ! О, бездѣльники! Здѣсь интрига, цѣлый заговоръ противъ меня! Но я заставлю покраснѣть самого дьявола! Гдѣ жена? Выходите, выходите! Знаемъ, какое бѣлье отправляете вы къ прачкѣ!

Пэджъ. Это переходитъ всякия границы, м-ръ Фордъ. Васъ нельзя оставлять на свободѣ; слѣдуетъ привязать васъ.

Эвансъ. Онъ, право, помѣшанный; онъ точно бѣшеная собака.

Шалло. Не хорошо, м-ръ Фордъ; право, это не хорошо.

Фордъ. Это самое говорю и я, сэръ.

Входитъ М-съ Фордъ.

Фордъ. Пожалуйте сюда, м-съ Фордъ; м-съ Фордъ, вы честная женщина, цѣломудренная супруга, добродѣтельное созданіе, а вашъ мужъ ревнивый болванъ! Мои подозрѣнія неосновательны, не такъ-ли, мистрисъ?

М-съ Фордъ. Беру небо въ свидѣтели, что

они не основательны, если вы подозрѣваете съ моей стороны какой-нибудь безчестный поступокъ.

Фордъ. Хорошо сказано, мѣдный лобъ! Продолжайте запираться. Выходи, мерзавецъ! (Выбрасываетъ часть бѣлья изъ корзины.)

Пэджъ. Это переходитъ всякия границы.

М-съ Фордъ. Стыдитесь! Оставьте это бѣлье!

Фордъ. Сейчасъ все обнаружится.

Эвансъ. Это неразумно. Неужели вы становите показывать бѣлье вашей жены? Оставьте это.

Фордъ (слугамъ). Вонъ все изъ корзины, говорю вамъ.

М-съ Фордъ. Къ чему, мужъ, къ чему?

Фордъ. М-ръ Пэджъ, такъ же вѣрно, какъ-то, что я человѣкъ,—вчера въ этой корзинѣ кого-то вынесли изъ моего дома; почему же не предполагать, что онъ находится въ ней и теперь? Я увѣренъ, что онъ въ домѣ, я имѣю о томъ точные свѣденія; моя ревность основательна. Бросайте все бѣлье.

М-съ Фордъ. Если вы найдете въ корзинѣ мужчину, пусть онъ умретъ, какъ блоха.

Пэджъ. Въ корзинѣ нѣть мужчины.

Шалло. Клянусь моей вѣрностью, м-ръ Фордъ, не хорошо, очень не хорошо. Этимъ вы наносите вредъ самому себѣ.

Эвансъ. Лучше помолитесь, м-ръ Фордъ, и не слѣдуйте воображаемымъ представленіямъ вашего сердца; васъ толкаетъ ревность.

Фордъ. Слѣдовательно, тотъ, кого я ищу, не здѣсь!

Пэджъ. Не здѣсь, и нигдѣ, онъ только въ вашемъ мозгу.

Фордъ. Еще разъ помогите мнѣ обыскать весь домъ. Если я не найду того, кого ищу, не щадите меня, караите за мое сумасбродство. Потѣшайтесь надо мной за каждымъ вашимъ обѣдомъ; пусть войдетъ въ поговорку «ревнивъ, какъ Фордъ, искавшій любовника своей жены въ орѣховой скорлупѣ». Исполните мою просьбу, еще разъ поищите вмѣстѣ со мною.

М-съ Фордъ. М-съ Пэджъ, сойдите внизъ со старухой. Мой мужъ хочетъ идти въ ту комнату.

Фордъ. Старуха! Какая тамъ еще старуха?

М-съ Фордъ. Старуха изъ Брентфорда, тетка моей горничной.

Фордъ. Колдунья, старая потаскушка, подлая развратница! Развѣ не запретилъ я ей ходить къ намъ въ домѣ? Навѣрное пришла съ какимъ-нибудь порученіемъ. Какъ прости люди! Знаемъ ли мы, какую хитрость можно придумать подъ видомъ гаданья? Она пускаетъ въ ходъ заговоры и наговоры, ворожбу и колдовство и всякия другія хитрости, разъяснять которыя мы не въ состояніи. Мы ничего не знаемъ. Иди, колдунья, иди, вѣдьма; иди же, говорятъ тебѣ!

М-съ Фордъ. Успокойся, мой добрый, любезный мужъ! Прошу васъ, джентльмены, не позволяйте ему бить старуху.

Входитъ Фальстафъ, въ женскомъ платѣ, и м-съ Пэджъ.

М-съ Пэджъ. Идемъ, матушка Пратъ, идемъ; дайте мнѣ вашу руку.

Фордъ. Я дамъ ей гостинца за вранье.*). (Бѣть Фальстафа.) Убирайся колдунья, вѣдьма, потаскуха, свиная туша! Вонъ отсюда! Я вамъ погадаю! Я открою вамъ вашу судьбу!

Фальстафъ уходитъ.

М-съ Пэджъ. Стыдитесь! вы едва не убили бѣдную женщину.

*.) Здѣсь непереводимая игра словъ; prat—значить вратъ. Фордъ говоритъ I will prat her.

М-съ Фордъ. Можетъ быть и убиль. Это дѣлаетъ вамъ честь.

Фордъ. На висѣлицу надо эту колдуно.

Эвансъ. Какъ я разумѣю, эта женщина дѣйствительно колдуно; не хорошо, когда у женщины большая борода, а я запримѣтилъ, что изъ-подъ платка у нея выставлялась большая борода.

Фордъ. Сдѣлаете-ли вы мнѣ одолженіе послѣдовать за мною, джентльмены. Прошу васъ, идите со мною и мы уѣдимся, основательна моя ревность или нѣтъ. Если мой крикъ не наведеть васъ на слѣдъ, не дѣвѣрайте мнѣ больше.

Пэджъ. Можно еще разъ удовлетворить его капризу. Идемте, джентльмены.

Уходятъ Фордъ, Пэджъ, Шалло, Кайосъ и Эвансъ.

М-съ Пэджъ. Право, онъ побилъ его самыи жалостнымъ образомъ.

М-съ Фордъ. Нѣть, мнѣ кажется, скорѣе самыи безжалостныи.

М-съ Пэджъ. Я желала бы освятить эту палку и повѣстить ее надъ алтаремъ; она оказалась сегодня услугу, которая во вѣкъ не забудется.

М-съ Фордъ. Какъ ваше мнѣніе, можемъ-ли мы, не унижая женской скромности и поступая по требованіямъ совѣсти, продолжать нашу месть?

М-съ Пэджъ. Думаю, что духъ распутства оставилъ его. Если онъ не связанъ съ чортомъ неразрывными узами, полагаю, онъ не предприметъ ничего болѣе противъ насъ.

М-съ Фордъ. А разскажемъ мы нашимъ мужьямъ, для чего мы продѣлали съ нимъ эти штуки?

М-съ Пэджъ. Надо разскажать, хотя бы для того, чтобы изгнать изъ мозга вашего мужа всѣ его безразсудства. Если они по совѣсти рѣшать, что этого бѣднаго, жирнаго, развратнаго рыцаря слѣдуетъ наказать еще болѣе, мы поможемъ этому.

М-съ Фордъ. Увѣренъ, они захотятъ осрамить его публично; и мнѣ кажется, наша шутка не будетъ оконченной, если онъ не подвергнется публичному осмѣянію.

М-съ Пэджъ. Идемъ ковать желѣзо, пока оно горячо. (Уходитъ.)

СЦЕНА III.

Комната въ гостинице «Подвязка».

Входитъ Хозяинъ и Бардольфъ.

Бардольфъ. Сэръ, нѣмцы просятъ трехъ изъ вашихъ лошадей; самъ герцогъ долженъ прибыть завтра ко двору и они ёдутъ къ нему на встрѣчу.

Хозяинъ. Кто можетъ быть этотъ герцогъ, прїезжающій такъ таинственно? Ничего не слыхаю я о немъ при дворѣ. Поговори самъ съ этими нѣмцами. Говорятъ они по англійски?

Бардольфъ. Говорятъ, сэръ. Я пришлю ихъ къ вамъ.

Хозяинъ. Лошадей дать можно; но они здѣрово за нихъ заплатятъ; я съ нихъ повыщу. Щѣлую недѣлю мой домъ былъ въ ихъ распоряженіи; я не пускалъ другихъ гостей; справедливо, чтобы они раскошились; я выщѣжу съ нихъ все, что можно. Идемъ! (Уходитъ.)

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Форда.

Входитъ Пэджъ, Фордъ, м-съ Пэджъ, м-съ Фордъ и Эвансъ.

Эвансъ. Это одна изъ лучшихъ женскихъ идей, какія мнѣ только приходилось видѣть.

Пэджъ. Въ одно и тоже время онъ пріслалъ письма вамъ обѣимъ.

М-съ Пэджъ. Въ одну и ту же четверть часа.

Фордъ.

Прости жена—и съ этихъ поръ ужъ дѣлай, Что вздумашь. Скорѣ буду я Подозревать въ холодности свѣтъ солнца, Чѣмъ въ вѣтреннои невѣрности — тебѣ. И честь твоя для человѣка, Который былъ недавно еретикъ, Незыблема, какъ вѣра.

Пэджъ.

Ну, прекраснѣо.

Не будьте въ извиненьяхъ такъ же крайни, Какъ прежде въ оскорбленьяхъ. Лучше мы Обдумаемъ нашъ планъ. Пусть наши жены Еще разокъ, чтобы доставить намъ Публичную комедію, назначить Свиданье этой старой тушѣ тамъ, Гдѣ мы могли-бы поймать его на мѣстѣ И проучить.

Фордъ.

Намъ лучше ничего

Не выдумать придуманного ими.

Пэджъ. Какъ! Вы думаете пригласить его въ полночь на свиданіе въ паркѣ! Фи! Онъ не придетъ.

Эвансъ. Вы говорили, что его бросали въ рѣку и жестоко били переодѣтаго старой женщиной. Нѣть, мнѣ кажется, его обуялъ такои страхъ, что онъ ни за что не пойдетъ. Плоть его, мнѣ кажется, настолько наказана, что едва-ли онъ можетъ ощущать теперь какое-нибудь желаніе.

Пэджъ. И я думаю такъ же.

М-съ Фордъ.

Придумайте вы только, чѣмъ его Вамъ угостить, когда придетъ; а средство, Чтобы онъ пришелъ, ужъ мы вдвоемъ пріищемъ.

М-съ Пэджъ.

Есть старое преданіе, что охотникъ И бывшій стражъ въ лѣсу виндзорскомъ, Гернъ, Въ полночный часъ всю заму бродить въ паркѣ, Съ огромными, вѣтвистыми рогами, Вокругъ одного изъ тамошнихъ дубовъ, И тамъ деревья сушить, портить скотъ И молоко коровье превращасть Въ коровью кровь, гремя при этомъ цѣпью. Вы слышали, я думаю, объ этомъ И знаете, что сувѣрно-глупый Старинный вѣктъ ту сказку приimalъ За истину и нашимъ поколѣньямъ За истину ее же передалъ.

Пэджъ.

Да, и теперь еще такихъ не мало, Которые боятся проходить Въ полночный часъ въ сосѣдствѣ дуба Герна *. Но что же намъ изъ этого?

М-съ Фордъ.

А то,

Что сэръ Фальстафъ придетъ къ намъ на свиданіе Подъ этотъ дубъ, въ одѣждѣ страшной Герна, Увѣнчанный огромными рогами.

Пэджъ.

Ну, хорошо, положимъ, что и точно И въ этомъ одѣяніи онъ придетъ — Чтожъ сдѣлать съ нимъ потомъ? Какъ ваше мнѣніе?

М-съ Пэджъ.

Объ этомъ мы подумали уже: Мы дочь мою, Нанетту, и меньшого

*) Имѣются несомнѣнныя доказательства, что семейство Гернъ существовало въ Виндзорѣ въ XVI столѣтіи. Одинъ изъ Герновъ, Джиль, женился въ 1569 году. По старинному преданію, этотъ Гернъ, боясь наказанія за совершенный имъ проступокъ, повѣсили на дубъ, на которомъ съ этой поры появлялся его призракъ. Объ этомъ дубѣ, получившемъ бессмертие, благодаря Шекспиру, упоминается въ «Планѣ города Виндзора, его замка и парка», изданномъ въ 1742 году.

Изъ сыновей моихъ, да четверыхъ, Или троихъ дѣтей такого-же роста Одѣнемъ эльфами и феями, въ цвѣта Зеленый съ бѣлымъ; головы украсимъ Гирляндами изъ восковыхъ свѣчей И погремушками снадбимъ. Когда же Фальстафъ и мы вдвоемъ сойдемся — вдругъ Они изъ рва сосѣднаго вѣтвѣтъ, И дико распѣвая, налетять На насъ троихъ. Увидѣвъ ихъ, мы обѣ Отъ ужаса ударимся бѣжать; Они же окружать тотчасъ Фальстафа И рыцаря потанцаго начнутъ Щипать, толкать и спрашиватъ, какъ смыть Онь, въ этотъ часъ волшебныхъ ихъ забавъ, Въ священный ихъ пріютъ и въ этомъ видѣ Войдти?

М-съ Фордъ.

И пусть, пока всей правды онъ Не скажетъ — пусть лѣсные духи щиплютъ Безъ устали его и туть же жгутъ Свѣчами восковыми.

М-съ Пэджъ.

А какъ только Сознается, мы выйдемъ всѣ, рога Съ чудовища мы снимемъ и проводимъ Домой, въ Виндзоръ, стъ насмѣшками.

Фордъ.

Да вы Должны дѣтей настроить хорошецко, Иначе имъ не сдѣлать ничего.

Эвансъ. Я возьму на себя обученіе дѣтей. И самъ я преображеніе въ какого-нибудь уро-да, чтобы имѣть возможность подпаливать рыцаря факеломъ.

Фордъ. Это будетъ прелестно. Пойду покупать маски.

М-съ Пэджъ.

Царицей фей моя Нанетта будетъ, Въ чудесномъ бѣломъ платьѣ.

Пэджъ.

Для него Материн сейчасъ куплю я. (Въ сторону.) Тутъ же Ее похитить Слендеръ и тотчасъ Въ Итонѣ обвѣнчается. (Вслухъ.) Скорѣе Къ Фальстафу посытайтѣ.

Фордъ.

Нѣть, я самъ Пойду къ нему онять подъ видомъ Брука, И онъ свои предположенія мнѣ Разскажетъ. Да, онъ явится навѣрно.

М-съ Пэджъ.

Ужъ это несомнѣнно. Ну, идемъ Костюмы припасать для нашихъ духовъ.

Эвансъ. За работу! Это пріятнѣйшее изъ развлечений и обманъ самый честный.

Эвансъ, Пэджъ и Фордъ уходятъ.

М-съ Пэджъ.

Ну, м-съ Фордъ, теперь скорѣй къ Фальстафу Поплите, чтобы узнать его отвѣтъ.

(М-съ Фордъ уходитъ.)

Я — къ доктору; мое расположенье Онъ пріобрѣлъ и ужъ никто другой На Аннѣ Пэджъ не женится. Вотъ Слендеръ, Хоть и богатъ, но идіотъ — а мой Супругъ его другимъ предпочитается. У доктора — и деньги, и друзья Съ значенiemъ при дворѣ. Да, я ручаюсь — Хоть двадцать тысячъ будь достойнѣйшихъ людей, Но женится лишь онъ на дочери моей!

(Уходитъ.)

СЦЕНА V.

Комната въ гостинице «Подвязка».

Входитъ Хозяинъ и Семпль.

Хозяинъ. Чего тебѣ нужно здѣсь, деревенщина? Чего желаешь ты, толстокожий? Говори, бормочи, разъясняй, но только короче, быстрѣе, живѣе, скорѣе.

Семпль. Я пришелъ, сэръ, поговорить съ сэромъ Джономъ Фальстафомъ, а прислали меня м-ръ Слендеръ.

Хозяинъ. Вотъ его комната, его домъ, его замокъ, его постель постоянная и времененная; надъ нею только-что заново росписана притча о блудномъ сыне. Иди, стучи и зови; онъ тебѣ отвѣтитъ, какъ антропофагъ. Колоти кулаками, говорю тебѣ.

Семпль. Въ его комнату вошла сейчасъ старая женщина, толстая такая; я беру смѣлость подождать ея ухода, сэръ. Съ нею именно я и хочу говорить.

Хозяинъ. А! Толстая женщина! Рыцаря, пожалуй, обокрадутъ. Надо позвать его. Не-объятный рыцарь! Толстайший сэръ Джонъ! Отвѣчай во всю силу твоихъ воинскихъ легкихъ. Въ своей-ли комнатѣ ты? Тебя призываешь твой хозяинъ, твой ефесянинъ.

Фальстафъ (за сценой). Зачѣмъ меня надо, хозяинъ?

Хозяинъ. Здѣсь татаринъ-цыганъ ожидаетъ ухода отъ тебя толстой женщины. Пусть она уходитъ, неизмѣримый, пускай идетъ вонъ. Мои комнаты чистыя. Фи! Уединяться съ нею! Фи!

(Входитъ Фальстафъ.)

Фальстафъ. Это правда, со мною только-что бесѣдовала старая толстая женщина, но она уже ушла.

Семпль. Не брентфордская-ли это колдунья, смѣю спросить, сэръ?

Фальстафъ. Да, чортъ побери, она самая. Чего ты хочешь отъ нея, устричная ты раковина?

Семпль. Мой господинъ, сэръ, м-ръ Слендеръ, увидалъ, что она идетъ по улицѣ и послалъ меня къ ней узнать, сэръ, находится-ли до сихъ поръ у нѣкоего Нима цѣпочка, украденная имъ, этимъ Нимомъ, у моего господина.

Фальстафъ. Я говорилъ объ этомъ со старухой.

Семпль. Могу я узнать, сэръ, что она сказала?

Фальстафъ. Чортъ возьми, она сказала, что человѣкъ, ставившій цѣпочку у м-ра Слендера, есть тотъ самый, который укралъ ее.

Семпль. Мнѣ самому хотѣлось бы поговорить съ этой женщиной; мнѣ нужно передать ей еще кое-что другое отъ имени моего господина.

Фальстафъ. Говори, что ты долженъ былъ передать ей.

Хозяинъ. Живѣе разсказывай.

Семпль. Не смѣю скрывать этого отъ васъ, сэръ.

Хозяинъ. Попробуй скрыть—живой не выйдешь отсюда.

Семпль. Ничего нѣтъ въ этомъ важного, сэръ; дѣло касается мистрисъ Анны Пэджъ; надо узнать, назначено-ли ей быть женой моего господина или нѣтъ.

Фальстафъ. Назначено.

Семпль. Что назначено?

Фальстафъ. А назначено, что онъ женится на ней или не женится. Можешь идти и сказать, что старуха это самое говорила мнѣ.

Семпль. Могу я осмѣлиться передать такъ, сэръ?

Фальстафъ. Можете осмѣлиться, сэръ.

Семпль. Позвольте поблагодарить вашу милость. Какъ будетъ счастливъ мой господинъ, когда я передамъ ему эти извѣстія.

(Уходитъ.)

Хозяинъ. Ты ученый, ты ученый, сэръ Джонъ! У тебя была колдунья?

Фальстафъ. Была, мой хозяинъ, и такая, что отъ нея я узналъ больше, чѣмъ выучилъ

ся во всю мою жизньь; и я ничего ей не заплатилъ; напротивъ, мнѣ заплатили за то, что я выучился.

(Входитъ Бардольфъ.)

Бардольфъ. Бѣда, сэръ! Грабительство! чистое грабительство!

Хозяинъ. Гдѣ мои лошади? Отдавай отчетъ, varletto.

Бардольфъ. Уведены грабителями! Я сидѣлъ на крупѣ лошади позади одного изъ нихъ; когда мы проѣхали Итонъ, мѣня склонили въ грязную яму; затѣмъ, разбойники пришпорили лошадей и исчезли, какъ три нѣмецкіе дьявола, три доктора Fausta.

Хозяинъ. Пустяки! они поспѣшили на встрѣчу герцогу, болванъ; не говори, что они уѣзжали; нѣмцы честные люди.

(Входитъ Эванъ.)

Эванъ. Гдѣ мой хозяинъ?

Хозяинъ. Что требуется, сэръ?

Эванъ. Наблюдайте за вашими жильцами; сейчасъ прѣхавшій въ городъ одинъ изъ моихъ друзей рассказалъ мнѣ, что трое какихъ-то нѣмцевъ ограбили хозяевъ гостиницы въ Ридингѣ, Мэденгидѣ и Кольбрукѣ; они похитили деньги и увѣли лошадей. Говорю вамъ обѣ этомъ, желая принести вамъ пользу. Вы умны, за словомъ въ карманъ не полѣзете и мастеръ говорить остроты; не-пристойно вамъ потерпѣть отъ этихъ грабителей. Прощайте. *(Уходитъ.)*

(Входитъ Кайюсъ.)

Кайюсъ. Гдѣ мой хозяинъ?

Хозяинъ. Здѣсь, м-ръ докторъ, и находится въ большомъ смущеніи; передъ нимъ поставлена затруднительная дилема.

Кайюсъ. Не знаю, что произошло здѣсь, но мнѣ сказали, что у васъ дѣлаются большія приготовленія для встрѣчи германскаго герцога. Честное слово, при дворѣ не ожидаю никакого герцога. Говорю вамъ обѣ этомъ, желая вамъ пользы. Adieu.

(Уходитъ.)

Хозяинъ. Кричи, ори, бѣги, негодай! Помогите мнѣ, рыцарь, иначе я буду разоренъ. Живѣе, бѣги, негодай, сзытай на помощь! Негодай, я погибъ!

(Хозяинъ и Бардольфъ уходятъ.)

Фальстафъ. Я желалъ бы, чтобы весь свѣтъ былъ обманутъ; потому что меня обманули, меня прибили. Еслибы дошло до двора, какія я испыталъ превращенія и какъ во время этихъ превращеній меня окунули въ воду и отдубасили, изъ меня живо вытопили бы, капля за каплей, мой жиръ и смазали бы имъ сапоги рыбаковъ; я увѣренъ, до тѣхъ бы поръ бичевали меня своими остротами и шутками, пока я не скажусь на манеръ высущенной груши. Нѣтъ мнѣ удачи съ той поры, когда я спутовалъ, играя въ примеро. Если бы я былъ въ состоянія молиться, я непремѣнно покаялся бы.

(Входитъ М-съ Куинли.)

Фальстафъ. Кто прислалъ васъ?

Куинли. Обѣ, сэръ.

Фальстафъ. Чтобы чортъ побралъ одну, а его мать другую! Обѣ будутъ тогда на свѣтѣ мѣстѣ. Изъ любви къ нимъ я вытерпѣлъ больше, гораздо больше, чѣмъ можетъ вынести несчастная человѣческая натура!

М-съ Куинли. А развѣ онъ не страдали? Вѣрьте мнѣ, сильно пострадали, въ особенности одна изъ нихъ, м-съ Фордъ. По всему тѣлу у нея, моей голубушки, синяки да черные пятна; не найдете ни одного мѣстечка бѣлаго, сколько не ищите.

Фальстафъ. Что разсказываешь ты мнѣ о

синякахъ и черныхъ пятнахъ! Меня такъ приколотили, что на мнѣ ты найдешь всѣ цвета радуги; еще могли засадить, принявъ за брентфордскую колдунью. Если бы не обычное мое присутствіе духа, которое помогло мнѣ вывернуться, представившись обыкновенной старухой, подлецъ констебль надѣлъ бы на меня колодки, обыкновенные колодки, пристойные колдуньи.

М-съ Куинли. Сэръ, позвольте мнѣ переговорить съ вами въ вашей комнатѣ; я передамъ вамъ кое-что и вы останетесь довольны. Вотъ письмо, изъ котораго вы много узнаете. Голубчики, какъ трудно сводить вѣсъ! Вѣрно одинъ изъ васъ не исполняетъ, какъ слѣдуетъ, заповѣдей Господнихъ, иначе не приходилось бы столько изѣ-за васъ хлопотать.

Фальстафъ. Идемъ въ мою комнату.

(Уходитъ.)

СЦЕНА VI.

Другая комната въ гостинице.

(Входитъ Фентонъ и Хозяинъ.)

Хозяинъ. Не говорите со мною, м-ръ Фентонъ. У меня такъ тяжело на сердцѣ, что я отказываюсь отъ всего.

Фентонъ.

Но выслушай меня. Коль согласишься Ты мнѣ помочь, клянусь, какъ джентльменъ, Я дамъ тебѣ сто фунтовъ золотыми Сверхъ денегъ тѣхъ, что потерялъ ты нынче.

Хозяинъ. Я выслушаю васъ, м-ръ Фентонъ, и, даю вамъ слово, сохранию вашу тайну.

Фентонъ.

Уже не разъ ты слышалъ отъ меня, Что Анну Пэджъ прекрасную люблю я Отъ всей души; моей любви она Отвѣтила, на сколько можетъ лично Собой распоряжаться и какъ разъ,

Какъ я желалъ. Теперь она прислала Ко мнѣ письмо вотъ это; удивить Оно тебя. Потѣха, о которой

Въ немъ пишется, съ намѣреніемъ монѣ Такъ связана, что разсказать о первой И о другомъ не объявить—нельзя.

Въ потѣхѣ той большую роль играетъ Толстякъ Фальстафъ; изъ этого письма Узнаешь всѣ подробности. Такъ слушай,

Любезнѣйший хозяинъ. Нынче ночью, Межъ полночью и часомъ, Нанъ мол Изображать должна у дуба Герна

Царицу фей; съ какою цѣлью—это Ты изъ письма узнаешь. Но отецъ

Ей приказалъ, чтобы въ этомъ самомъ видѣ, Когда совсѣмъ въ разгарѣ будетъ фарсъ, Она въ Итонъ со Слендеромъ бѣжала И тамъ съ нимъ обвѣнчалась—и она На это согласилась. Слушай дальше:

Но мать ея, которой этотъ бракъ Не по сердцу—она всегда стояла За Кайюса—рѣшила такъ, что дочь Похитить онъ, когда все остальные

Ролами увлекутся, и тотчасъ

Съ ней подъ вѣнецъ пойдетъ въ свое мѣсто, Гдѣ ждеть уже священникъ. Притворясь Покорною такому плану, Анна

И доктору согласье ужъ дала.

Теперь вотъ дѣло въ чёмъ: отецъ желаетъ, Чтобъ дочь была вся въ бѣломъ, и когда Въ удобную минуту Слендеръ руку Ея возьметъ и скажетъ, что пора—

Она уйдетъ съ нимъ въ этомъ самомъ платьѣ. Напротивъ, мать рѣшила для того, Чтобъ докторъ могъ узнатъ ее—всѣ будуть Подѣ масками—зеленый балахонъ

Надѣть на дочь и лентами украсить Всю голову; и долженъ докторъ къ ней Приблизиться въ удобную минуту И за руку щипнуть, давая знакъ За нимъ идти. И Анна согласилась.

Хозяинъ.

Кого-жь она рѣшилась обмануть —
Огда иль мать?

Фентонъ.

Обожъ, мой добрыйшій,
Чтобъ убѣжать со мною. И теперь
Все дѣло въ томъ, чтобъ ты добылъ пастора,
Который бы пасъ въ церкви ожидаль
Межъ полночью и часомъ и наѣвъ
Торжественнымъ обрядомъ памъ сердца
Соединилъ.

Хозяинъ.

Ну, хорошо, идите
Улачивать вашъ планъ, а я сейчасъ
Къ викарию. Давайте лишь дѣвицу —
Священника вамъ не придется долго ждать.

Фентонъ.

Навѣки ты меня обяжешь этимъ;
Да и сейчасъ тебя я награжду.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.**СЦЕНА I.**

Комната въ гостиницѣ «Подвязка».

Входитъ Фальстафъ и м-съ Куинли.

Фальстафъ. Ну, будетъ болтавни. Ступай, я буду точенъ. Это уже въ третій разъ; нечетныя числа приносятъ счастье, буду надѣяться. Иди же, иди. Говорятъ, что въ нечетныхъ числахъ заключается божественная сила, все равно относятся ли они къ рождению, удаче или смерти. Убирайся же!

М-съ Куинли. Я вамъ добуду цѣпь, постараюсь отыскать также пару роговъ.

Фальстафъ. Убирайся, говорить тебѣ; голову къ верху и мелкой рысь! Пошли!

М-съ Куинли уходитъ. *Входитъ Фордъ, переодѣтый*

Фальстафъ. Какъ можете, м-ръ Брукъ? Наше дѣло должно порѣшиться сегодня ночью или его придется совсѣмъ оставить. Будьте около полуночи въ паркѣ, у дуба Герна; вы увидите много чудесъ.

Фордъ. Значить, вы не были вчера на условленномъ свиданіи, о которомъ мнѣ говорили.

Фальстафъ. Былъ у нея, м-ръ Брукъ; пошелъ туда бѣднымъ старикомъ, а вернулся бѣдной старухой. Этотъ негодяй Фордъ, ея мужъ, м-ръ Брукъ, одержимъ неистовыемъ демономъ ревности; мнѣ никогда не приводилось видѣть такого бѣшенства въ бѣшеномъ человѣкѣ. Онъ меня страшно избилъ въ моемъ женскомъ нарядѣ; потому что, скажу вамъ, въ мужскомъ видѣ я, хотя и съ веретеномъ въ рукѣ, не побоюсь и Голіафа. Да что такое жизнь? она тоже, что и ткацкий челнокъ. Я спѣшу, пойдемте со мною; дорогой я разскажу вамъ все, м-ръ Брукъ. Съ той поры, какъ я щипалъ гусей, отлынивалъ отъ уроковъ и пускалъ волчекъ, до вчерашняго дня я не зналъ, что значитъ быть прибитымъ. Пойдемъ вмѣстѣ, я разскажу вамъ удивительныя вещи обѣ этомъ негодяѣ Фордѣ; сегодня ночью я отомщу ему и передамъ его жену въ ваши руки. Идемте. Будетъ чему удивляться, м-ръ Брукъ; идемъ.

(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

Виндзорскій паркъ.

Входитъ Пэджъ, Шалло и Слендеръ.

Пэджъ. Идемъ, идемъ. Мы спрячемся въ ровъ замка и останемся тамъ до тѣхъ поръ, пока не увидимъ огоньковъ нашихъ фей. Помнишь, какъ будетъ одѣта моя дочь, сынъ мой Слендеръ.

Слендеръ. Какъ же можно забыть обѣ этомъ. Я переговорилъ съ нею и мы условились какъ намъ узнать другъ друга. Я пойду къ той, которая будетъ одѣта въ бѣло, и скажу ей: «молчи!» а она отвѣтитъ мнѣ: «бюджетъ!» Такъ-то мы и признаемъ другъ друга.

Шалло. Это хорошо. Но какая надобность въ этихъ: «молчи!» и «бюджетъ!» Вы можете узнать ее и по бѣлому платью. Десять часовъ давно пробило.

Пэджъ. Какъ темна ночь! Свѣтъ отъ огней и призраки произведутъ большой эффектъ. Да пошлетъ небо удачу нашей забавѣ! Никто изъ насъ не замышляетъ зла; одинъ дьяволъ думаетъ о немъ, но мы узнаемъ его по рогамъ. Идемъ. Слѣдуйте за мной.

(Уходитъ.)

СЦЕНА III.

Улица въ Виндзорѣ.

Входитъ м-съ Пэджъ, м-съ Фордъ и Кайюсъ.

М-съ Пэджъ. М-ръ докторъ, моя дочь будетъ въ зеленомъ платьѣ. Когда представится удобный случай, возьмите ее за руку, ведите въ церковь и какъ можно скорѣе кончайте дѣло. Теперь идите въ паркъ. Мы же съ м-съ Фордъ не должны разлучаться.

Кайюсъ. Я знаю, что слѣдуетъ мнѣ дѣлать. Adieu.

М-съ Пэджъ. До свиданія, сэръ. (Кайюсъ уходитъ) Потѣха надѣя Фальстафомъ развеселила моего мужа менѣе, чѣмъ разсердить извѣстіе, что на нашей дочери женился докторъ. Но зачѣмъ беспокоиться: лучше маленько ворчаніе, чѣмъ большое горе.

М-съ Фордъ. Гдѣ же Нанъ и ея отрядъ фей, а также валійскій дьяволъ, Гугъ?

М-съ Пэджъ. Онѣ спрятались во рву подъ дуба Герна и скрыли пока свои свѣчи, но въ тотъ моментъ, когда Фальстафъ сойдетъ съ нами, онѣ внезапно освѣтятъ ночную мгу.

М-съ Фордъ. Я думаю такая внезапность перепугаетъ его.

М-съ Пэджъ. Если онъ не испугается, онъ все-таки будетъ осмѣянъ; а испугается — его осмѣютъ вдвое.

М-съ Фордъ. Мы ловко обманемъ его.

М-съ Пэджъ.

Такихъ развратниковъ дурачить, надувать — Не значить никогда безчестно поступать.

М-съ Фордъ. Часть приближается. Поспѣшимъ къ дубу.

СЦЕНА IV.

Виндзорскій паркъ.

Входитъ Эвансъ и Феи.

Эвансъ. Летите, летите феи! Идемъ! Помните ваши роли. Прошу васъ, не сробейте! Слѣдуйте за мною въ ровъ, а когда я подамъ знакъ, дѣлайте то, что я говорилъ. Идемъ, идемъ! летите, летите! (Уходитъ.)

СЦЕНА V.

Другая часть парка.

Входитъ Фальстафъ, переодѣтый, съ оленими рогами на головѣ.

Фальстафъ. Виндзорскій колоколъ пробилъ полночь; приближается минута наслажденія. Теперь да помогутъ мнѣ боги съ пламеной кровью! Вспомни Юпитеръ, что ты превращался въ быка для твоей Европы; изъ-за любви ты самъ надѣлъ на себя рога. О, всемогущая любовь, ты животныхъ превращаешь въ людей, а людей дѣлаешь животными! Любовь къ Ледѣ заставила тебя, Юпитеръ,

обратиться въ лебедя. О, всемогущая любовь! Какъ мало требовалось для того, чтобы богъ сталъ гусемъ. Первый грѣхъ, содѣянный тобою, о, Юпитеръ, въ видѣ животнаго, былъ животный грѣхъ; второй грѣхъ, который совершилъ ты, принялъ видъ красивой птицы былъ ужъ вовсе не красивый; подумай, Юпитеръ, грѣхъ грязный! Но если у боговъ такая пламенная кровь, то чѣмъ остается дѣлать бѣднымъ людямъ? Хоть-бы я? Я сдѣлался виндзорскимъ оленемъ, думаю, самымъ жирнымъ въ этомъ лѣсу. Теперь время течки для оленей породы; навѣй для меня прохладу, о Юпитеръ, иначе, пусть не порицаютъ меня, если я весь истеку жиромъ. Кто идетъ сюда? Моя лань!

Входитъ м-съ Фордъ и м-съ Пэджъ.

М-съ Фордъ. Сэръ Джонъ, ты здѣсь мой милый, мой олень?

Фальстафъ. О моя черноокая лань! Пусть съ неба льется картофельный дождь; пусть громъ гремитъ на голосъ пѣсни о зеленыхъ рукавчикахъ; пусть идетъ градъ изъ возбуждающихъ конфектъ; пусть снѣжитъ ванилью; пусть разразится буря искушеній, я найду себѣ пріютъ здѣсь.

(Цаляетъ м-съ Фордъ.)

М-съ Фордъ. Милый мой, со мною пришла м-съ Пэджъ.

Фальстафъ. Дѣлите меня, какъ дѣлятъ олени, полученного въ подарокъ; пусть каждая беретъ по одной ногѣ. Бока я оставлю себѣ; лопатки отдамъ сторожу здѣшняго лѣса, а рога завѣщаю вашимъ мужьямъ. Не правдали, я настоящій охотникъ? Не правдали, я говорю такъ, какъ говорилъ-бы Гернъ, охотникъ? На этотъ разъ мальчишка Купидонъ поступилъ совѣтливо; онъ вознаграждаетъ меня. Вы для меня дорогія гости, клянусь словомъ истинного привидѣнія!

(За сценой тумъ.)

М-съ Пэджъ. Спаси Господи! Чѣмъ за шумъ?

М-съ Фордъ. Да проститъ намъ Господь наши прегрешенія!

Фальстафъ. Что тамъ случилось?

М-съ Фордъ и м-съ Пэджъ. Убѣжимъ! Убѣжимъ! (Убѣгаютъ.)

Фальстафъ. Я полагаю, дьяволъ не желаетъ, чтобы я былъ проклятъ, изъ страха, что сало, которымъ я пропитанъ, можетъ произвести пожаръ въ адѣ; иначе онъ не сталъ бы вѣчно мѣшать мнѣ.

Входитъ: Эвансъ, въ костюмѣ сатира, м-съ Куинли, Пистоль, Анна Пэджъ, какъ царица фей въ сопровождении брата и другихъ, одѣтыхъ феями и имѣющихъ на головѣ зажженныя восковыя свечи.

Царица фей (Анна Пэджъ).

Феи зеленые, черные, бѣлые, сѣрые феи, Лунного свѣта подруженьки, дѣти-сиротки судьбинъ, Тѣни ночной темноты, принимайтесь за дѣло скорѣе, Долгъ исполнийтѣ! Зови ихъ на дѣло, герольдъ Гобгоблинъ.

Пистоль.

Эльфы, внемлите, внемлите! умоляюте рѣзвы духи!

Слушай сверчокъ: облети ты всѣ кухни Виндзоры, и тамъ,

Гдѣ очага не убрали, огня не гасили страпухи, Тамъ ихъ щипли ты, чтобы цвѣть ежеики придать синякамъ;

Не терпить владычица свѣтлая фей Ни грязныхъ покоевъ, ни грязныхъ людей!

Фальстафъ.

Здѣсь феи собрались. Я знаю — кто рѣшился Имъ слово хоть сказать, тотъ съ жизнью распустится.

Зажмурясь, лягу я. Ничей на свѣтѣ глазъ
Не долженъ видѣть ихъ затѣлливыхъ проказъ.
(*Ложитсяничкомъ.*)

Эвансъ.

Гдѣ Пидъ? Лети! Когда-бѣ найдти тебѣ случи-
лось
Дѣвицу, что предъ сномъ три раза помолилася—
Ты грѣзы сладкія на душу ей навѣй,
И пусть уснеть она невиннымъ сномъ дѣтей;
Но тѣхъ, которыхъ въ минуту усыплены
Не вздумали просить грѣхамъ своимъ прощенья—
Тѣхъ щиплетъ пусть твоя сердитая рука
Въ голени, спину, грудь, и плечи, и бока.

Царица фей.

За дѣло, за дѣло! О, духи, летите,
Весь замокъ виндзорскій снаружи, внутри обы-
щите;
Разсыпьте вы счастье повсюду въ жилищѣ свя-
щенномъ,
Чтобъ вѣчно стоялъ онъ въ величье своемъ не-
измѣнномъ,
Достойный властителя дома сего,
Какъ этотъ властитель достоинъ его!
Натрите старательно кресла всѣхъ орденскихъ
членовъ почтенныхъ
Бальзамомъ душистымъ и сокомъ изъ разныхъ
цвѣтовъ драгоцѣнныхъ,
И пусть благодатное небо съѣдалищъ, одѣждъ
и щитовъ
Во вѣкъ не стираетъ ихъ честныхъ гербовъ!
Вы, феи луговъ, образуйте кружокъ на подобье
подвязки
И пойте ночною порою свои вдохновенные
сказки,
И мѣсто, гдѣ вы соберетесь, пусть будетъ свѣ-
жий, зеленый,
Чѣмъ зелень всѣхъ нашихъ полей!
Пурпурныхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ, изумрудной тра-
вы наберите
И ими Honni soit qui mal y pense напишите,
На мѣсто сафировъ и перловъ, шитья изъ шел-
ковъ драгоцѣнныхъ,
Что блещутъ у рыцарей славныхъ кольцомъ на
кольцахъ согбенныхъ:
Цвѣты замѣняютъ вѣдь буквы у фей.
Разсѣйтесь же, духи, летите скорѣй!
Но первый пока не пробилъ еще часъ—не за-
будете, вѣрно,
Вы пляску обычную нашу вкругъ дуба охотника
Герна.

Эвансъ.

Давайте же руки другъ другу; въ кружокъ ста-
новитесь сейчасъ;
А двадцать большихъ свѣтляковъ фонарями по-
служать у насъ,
Чтобъ мы танцевать, не сбиваясь, подъ дубомъ
могли!
Но стойте! я чую, что здѣсь человѣкъ середин-
ной земли!

Фальстафъ. Небо, защити меня отъ этой
валійской феи; она превратить меня въ ку-
сокъ сыра.

Пистоль.

Гнуснѣйшій червь, ты проклять отъ рожденья!

Царица фей.

Огнемъ испытанья коснитесь вы пальцевъ его.
Коль чистъ онъ, огонь не сожжетъ ничего
И тихо отклонится. Если-жъ отъ боли онъ вздрог-
нетъ—то смѣло
Рѣшайтесь, что носить онъ сердца развратного
тѣло.

Пистоль.

Начнемъ испытанье!

Эвансъ.

Начнемъ—
видимъ, возьмется ли дерево это огнемъ?
(Всѣ жиутъ Фальстафа огнемъ своихъ същихъ.)

Фальстафъ. Охъ! охъ! охъ!

Царица фей.

Нечистъ, нечистъ, въ желаньяхъ развращенъ!
Скорѣе же его со всѣхъ сторонъ
Съ язвительною пѣснью окружите
И, вкругъ его несясь, щипите и щипите.

Пѣсня.

Срамъ всѣмъ грѣховнымъ помышленьямъ,
Срамъ похотливымъ вожделѣньямъ!
Огонь кровавый—сладострастѣ,
Огонь, зажженный грязной страстью!
Начало въ сердцѣ онъ кладеть,
Но дунетъ мысль—и онъ все вверхъ и вверхъ
идеть!
Щипите безъ устали, феи,
Щипите за гнусный, злый затѣй,
Щипите и жгите, вертите въ рукахъ,
Пока не погаснутъ и свѣчи, и звѣзды съ луной
въ небесахъ.

(*Во время этой пѣсни феи щиплютъ Фальста-
фа. Подходитъ докторъ Кайюсъ съ одной сто-
роны и уводитъ фею въ зеленомъ платѣ; а съ
другой приближается Слендеръ и беретъ фею
въ бѣломъ; въ это же самое время Фентонъ
похищаетъ Анну Пэджъ. Слышился звукъ охот-
ничьяго рога. Феи разбигаютъ. Фальстафъ
сbrasываетъ съ головы рога, приподымаются съ
земли и напрѣвляются бѣжать.)*

Входяще Пэджъ, Фордъ, м-съ Пэджъ и м-съ
Фордъ. Они останавливаютъ Фальстафа.

Пэджъ.

Нѣтъ, стой! Куда? Надѣюсь, вы теперь
У насъ въ рукахъ. Неужто вы иначе
Не можете успѣть, какъ въ видѣ Герна
Охотника?

М-съ Пэджъ.

Довольно; этотъ фарсъ
Я вѣщу прошу окончить. Ну, добрѣйший
Сэръ Джонъ, какъ вамъ виндзорскія супруги
Поправились? (*Мужу, указывая на рога
Фальстафа.*) Не правда-ль, милый мужъ,
Что это украшенье дорогое
Не такъ пристало городу, какъ лѣсу?

Фордъ. Ну, сэръ, кто изъ насъ рогонесецъ?
М-ръ Брукъ, Фальстафъ мерзавецъ, рогатый
мерзавецъ; вотъ его рога, м-ръ Брукъ. Онъ
попользовался, м-ръ Брукъ, изъ состоянія
Форда, только корзиной съ грязнымъ бѣль-
емъ, палкой и двадцатью фунтами стерлин-
говъ, которые онъ долженъ возвратить м-ру
Бруку. Его лошади задержаны въ обезпече-
ніе уплаты долга, м-ръ Брукъ.

М-съ Фордъ. Сэръ Джонъ, намъ незадача;
мы никакъ не могли остаться наединѣ. Дѣ-
лать нечего, я не желаю болѣе имѣть васъ
своимъ любовникомъ, но вы всегда будете
моимъ милымъ оленемъ.

Фальстафъ. Вижу теперь, что я чистѣйшій
осель.

Фордъ. Еще и воль; доказательства на
лицо.

Фальстафъ. Значить, это были не феи. Три
или четыре раза мнѣ приходило въ голову,
что это не феи; но угрозенія совѣсти отума-
нили меня настолько, что я потерялъ способ-
ность правильно мыслить и, вопреки здра-
вому смыслу и очевидности, при всей грубо-
сти этого маскарада, повѣрилъ, что вокругъ
меня феи. Посмотрите, какимъ посмѣшищемъ
является умъ, дурно направленный.

Эвансъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ служите
Богу, откажитесь отъ грѣховныхъ помысловъ
и никогда феи не станутъ щипать васъ.

Фордъ. Хорошо сказано, фея Гугъ.

Эвансъ. И вамъ необходимо оставить вашу
ревность.

Фордъ. До тѣхъ поръ я не стану подозрѣ-
вать свою жену, пока ты не объяснишь ей
въ любви на чистомъ англійскомъ языкѣ.

Фальстафъ. Неужели мой мозгъ до того
высохъ на солнцѣ, что не въ состояніи бо-
льше различать грубаго обмана? И меня мо-
жетъ одурачить какой-нибудь валійскій ко-
зелъ? Нарядить меня въ ослиный валійскій
колпакъ? Въ такомъ случаѣ мнѣ остается

только задушить себя кускомъ жаренаго
сыра.

Эвансъ. Сыръ жиру не товарищъ; а вашъ
желудокъ весь заплылъ жиромъ.

Фальстафъ. Сыръ и жиръ! Неужели я до-
жилъ до того, что долженъ выносить остро-
ты человѣка, неумѣющаго правильно сказать
двухъ словъ по англійски. Этого достаточно,
чтобы убить во всемъ королевствѣ развратъ
и ночныхъ любовныхъ похождѣнія.

М-съ Пэджъ. Подумайте, сэръ Джонъ, если
бы даже мы выпрыгнули добродѣтель изъ
нашихъ сердецъ; если бы мы, забывъ со-
вѣсть, отдали себя аду, то и тогда дьяволъ
не могъ бы заставить насъ почувствовать
къ вамъ любовной склонности.

Фордъ. Къ нему? Къ этой горѣ жиру; къ
этому вороху льняной пряжи!

М-съ Пэджъ. Раздутой махинѣ!

Пэджъ. Къ такому старому, холодному, по-
тертому, провонявшему насквозь!

Фордъ. Злому на языкѣ не хуже сатаны.

Пэджъ. Нищему, какъ Іовъ.

Фордъ. Нечестивому, какъ его жена.

Эвансъ. Преданному любодѣянію, тавернѣ
и хересу, и вообще винамъ и меду, вѣчно
пьяному, ругателю, мошеннику и прочее и
прочее.

Фальстафъ. Чтожъ вы остановились? Тѣ-
перь я служу для васъ мишеною; перевѣсь
на вашей сторонѣ; я разбить; я не въ со-
стояніи отвѣтить даже валійской фланели;
само невѣжество господствуетъ надо мною;
обращайтесь со мной, какъ хотите.

Фордъ. Хорошо; мы поведемъ васъ, сэръ,
въ Виндзоръ, къ извѣстному вамъ м-ру Бру-
ку, у которого вы выманили деньги, давъ
обѣщаніе служить ему сводникомъ; изъ всѣхъ
мученій, вынесенныхъ вами, самыи чувстви-
тельный для васъ будетъ возвращеніе этихъ
денегъ.

Пэджъ. Полно, развеселись рыцарь. Мы
отлично поужинаемъ у меня и ты посмѣешься
надъ моей женою, которая смѣется теперь
надъ тобою: ты скажешь ей, что м-ръ Слен-
деръ женился на ея дочери.

М-съ Пэджъ (*въ сторону*). Я знаю доктора,
который выскажетъ сомнѣніе въ этомъ. Если
мою дочь зовутъ Анна Пэджъ, она теперь
замужемъ за докторомъ Кайюсомъ.

Входитъ Слендеръ.

Слендеръ. Охъ! хо! хо! Батюшка Пэджъ!

Пэджъ. Что сынъ? Что такое сынъ? Все
устроилось?

Слендеръ. Да, устроилось! Сомнѣваюсь,
чтобы самый хитрый человѣкъ въ Глостер-
шайрѣ въ состояніи распутать эту путаницу.
Я не берусь, хотя бы мнѣ пришлось повѣ-
ститься.

Пэджъ. Да въ чемъ же дѣло?

Слендеръ. Пришелъ я въ Итонъ, чтобы
вѣнчаться съ мистриссъ Анной Пэджъ, и ока-
зывается, что со мною пришла не она, а здо-
ровенный дѣтина. Если бы мы были не въ
церкви, я бы приколотилъ его или онъ при-
колотилъ бы меня. Пусть у меня отсохнетъ
рука, если я не думалъ, что со мною Анна
Пэджъ, и вдругъ вмѣсто нея — почтальонъ.

Пэджъ. Значитъ, вы ошиблись.

Слендеръ. Зачѣмъ же говорить это? Я ду-
маю, ошибся, если принялъ мальчика за дѣ-
вушку. Но если бы я съ нимъ и обѣнчился,
то хотя онъ и въ женскомъ платьѣ, я не
пожелалъ бы жить съ нимъ.

Пэджъ. Сами вы сдѣлали глупость. Объ-
яснилъ я вамъ толкомъ, какъ узнавать мою
дочь по платью.

Слендеръ. Ну, я подошелъ къ той, на ко-

торой было бѣлое платье и сказала ей: «молчи!», а она отвѣтила мнѣ: «бюджетъ!» Такъ мы условились съ Анной и все-таки оказалось, что это не Анна, а почтальонъ.

М-съ Пэджъ. Добрый Джоржъ, не сердитесь. Мнѣ извѣстно было ваше намѣреніе и я вѣдѣла дочери надѣть зеленое платье; она, вѣроятно, обѣѣналась съ докторомъ въ приходской церкви.

Входитъ Кайюсъ.

Кайюсъ. Гдѣ м-съ Пэджъ? Чортъ возьми, меня одурачили! Я женился на garçon, на мальчишкѣ, на paysan; чортъ побери, на мальчишкѣ, а не на Аннѣ Пэджъ; чортъ возьми, меня обманули.

М-съ Пэджъ. Взяли-ли вы ту, которая была одѣта въ зеленое платье?

Кайюсъ. Да, чортъ возьми! а это бѣль мальчикъ! Чортъ побери, я взбудоражу весь Виндзоръ! (*Уходитъ.*)

Фордъ. Странно! Кто же взялъ настоящую Анну Пэджъ?

Пэджъ. У меня предчувствіе на сердцѣ! А, вотъ идетъ м-ръ Фентонъ.

Входятъ Фентонъ и Анна Пэджъ.

Пэджъ. Что вы намъ скажете, м-ръ Фентонъ?

Анна. Простите, добрый батюшка! Простите, добрая матушка!

Пэджъ. Какъ смѣли вы, мистрисъ, не пойти съ м-ромъ Слендеромъ?

М-съ Пэджъ. Почему, дѣвчонка, не послушались вы меня и не пошли съ докторомъ?

Фентонъ.

Совсѣмъ ее смущили вы. Всю правду Я вамъ скажу. Готовили вы ей Постыдный бракъ безъ всякаго влеченья Взаимнаго. Но знайте, что она И я давно обручены; отнынѣ-же Такъ крѣпокъ нашъ союзъ, что разорвать Его ничто не въ силахъ. Святъ проступокъ, Совершенный ею, и нельзя его Назвать непослушаніемъ, обманомъ, Отсутствиемъ почтенія; вѣдь этимъ Она себя избавила павѣкъ Отъ тысячи проклятій богохульныхъ, Что вызывалъ бы постоянно въ ней Насильный бракъ.

Фордъ.

Ну, полно огорчаться; Вѣдь этомуничѣмъ не пособить. Въ любви всѣмъ править Богъ. Помѣстья покупаетъ За деньги человѣкъ, женъ небо посылаетъ.

Фальстафъ. И мнѣ можно порадоваться;

ваша стрѣла, которой вы прицѣливались въ меня, попала въ васъ самихъ.

Пэджъ.

Да, тутъничѣмъ не пособишь. — Фентонъ, Пошли вамъ Богъ и радости, и счастье! Чего нельзѧ изѣгнуть, то должны Мы принимать.

Фальстафъ.

Когда собаки ночью
Охотятся — всю дичь легко поднять.

М-съ Пэджъ.

Довольно мнѣ сердиться
(*Фентону.*) Много, много
Веселыхъ дней пусть небо вамъ пошлетъ!
Любезный мужъ, теперь домой всѣ вмѣстѣ
Отправимся — (*Фальстафу*) вы тоже съ нами,
сэръ —

И у камина вмѣстѣ посмѣемся
Надъ нашею продѣлкою въ лѣсу.

Фордъ.

Пусть будетъ такъ.
(*Фальстафу.*) Однако обѣщанье,
Что Бруку дали вы, сдержали вы, сэръ Джонъ:
Вѣдь точно съ м-съ Фордъ почуетъ нииче онъ!

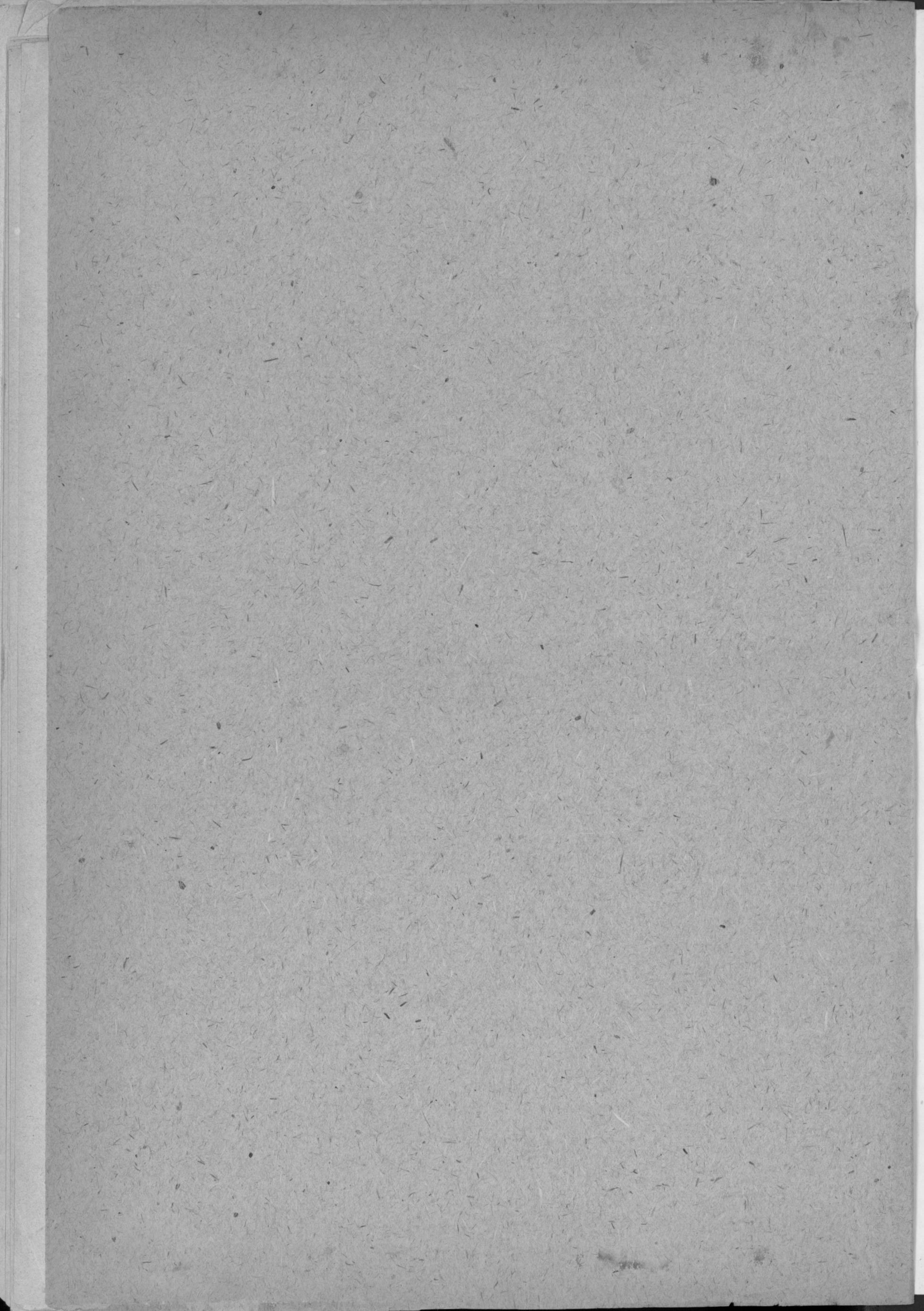
(Уходятъ.)

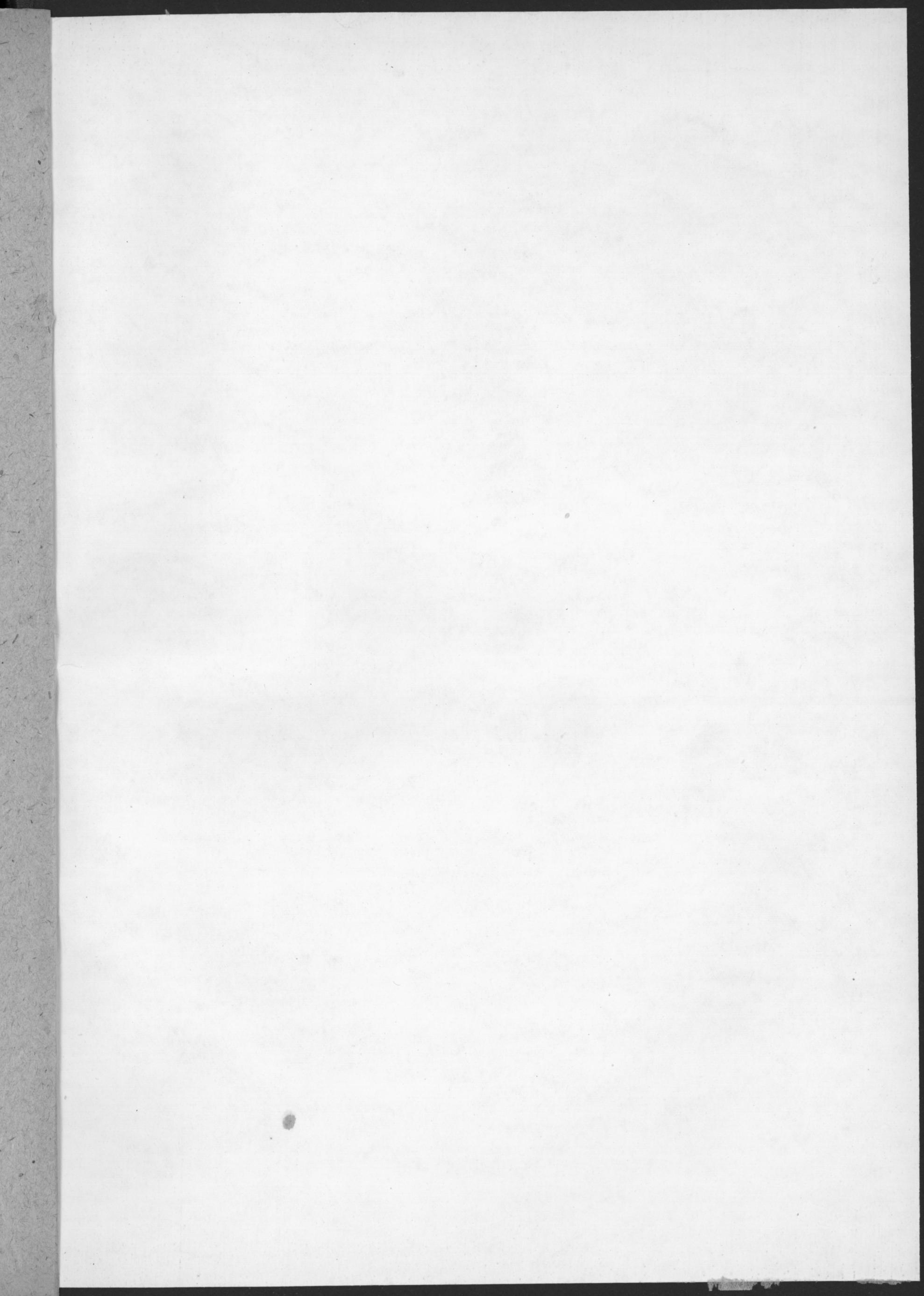

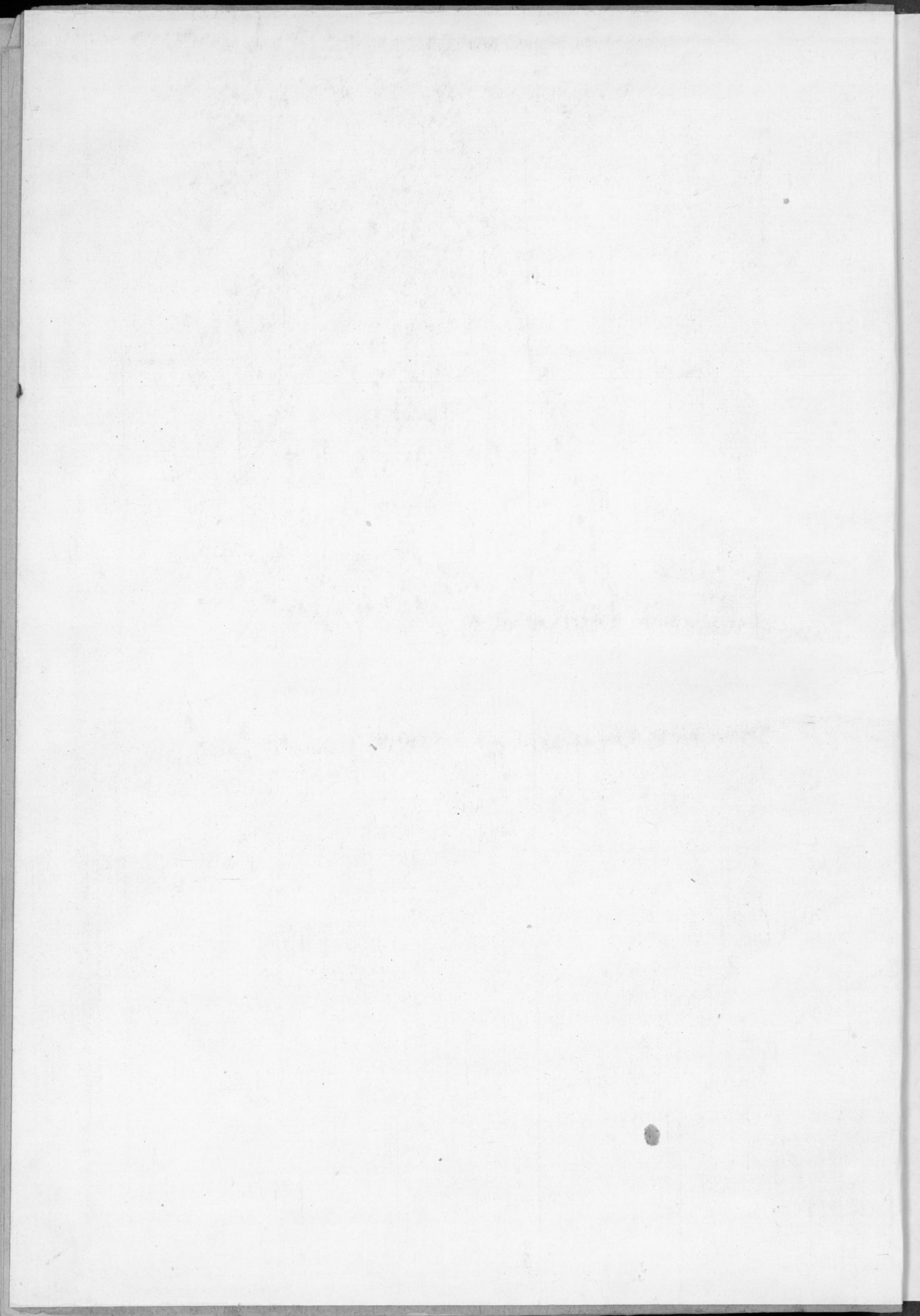
24-1-D-3 545.

243-B-2-N

1926r. DII

8/11 2014 u }

